

Ostron

11-12

Alles für Kinder
für Kinder

5-
70

120

Сборникъ „НИВЫ“ 1899 г.

**ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
И. А. ГОНЧАРОВА**

въ 12 томахъ.

—
Томъ XI.

140.

НОЯБРЬ 1899.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издание А. Ф. Маркса.

31-й годъ **изданія.** **ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ 1900 г.**

„НИВА“

выходящій еженедѣльно, со многими бесплатными приложеніями.
Гг. подписанчики „НИВЫ“ получать въ теченіе 1900 года:

52 №№ художественно-литературного журнала „НИВА“, заключающаго въ себѣ въ теченіе года около 1500 столбцовъ текста и 500 гравюръ и рисунковъ.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Н. В. ГОГОЛЯ,

весьма значительно дополненное матеріаломъ, не помещеннымъ въ послѣднихъ изданаченіяхъ его сочинений.—Полное собрание сочинений Н. В. Гоголя, съ портретомъ, факсимile и автографомъ Гоголя, сти бѣскошелькими собственноручными его рисунками и съ примѣчаніями редактора,—будетъ приложено къ „Нивѣ“ въ теченіе одного 1900 года, въ 12 томахъ, отпечатанныхъ на хорошо гла-
зированной бумагѣ, и будетъ выходить, подъ заглавиемъ „Сборника Нивы“, по одному тому въ началѣ каждого мѣсяца. Содержаніе двѣнадцати томовъ слѣдующее:

Томъ I. Біографический очеркъ, В. И. Шенрокъ. — ВЕЧЕРА на хуторѣ близъ Диканки. Повѣсти: Сорочинская ярмарка. Вечеръ наканунѣ Ивана Купала. Майская ночь, или утопленница. Пропавшая грамота. Ночь передъ Рождествомъ. Страшная месть. Иванъ Федоровичъ Шпонька и его тутушка. Заколдованное мѣсто. **Томъ II. МИРГОРОД.** Повѣсти: Старосвѣтскіе помѣщики. Тарасть Бульба. Вій. Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ. **Томъ III. ПОВѢСТИ:** Нось. Портретъ. Шинель. Коляска. Римъ. — КОМЕДІИ: Ревизоръ. **Томъ IV.** Приложения къ комедіи „Ревизоръ“. — Женитьба. — ДРАМАТИЧЕСКИЕ ОТРЫВКИ И ОТДѢЛЬНЫЕ СЦЕНЫ: Игрошки. Утро дѣлового человѣка. Тяжба. Лакейская. Отрывокъ. Театральный разѣздъ послѣ представлѣнія новой комедіи. **Томъ V.** Похожденія Чичикова или Мертвыхъ Душъ. Томъ первый. **Томъ VI.** Приложения къ первому тому „Мертвыхъ Душъ“. — Похожденія Чичикова или Мертвыхъ Душъ. Томъ второй. **Томъ VII.** Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями. **Томъ VIII.** Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями (продолженіе). **Томъ IX.** Юношескіе опыты. — Арабески. Часть I. **Томъ X.** Арабески. Часть II. **Томъ XI.** Произведенія, не вошедшія въ первое изданіе „Сочиненій Гоголя“. **Томъ XII.** Сочиненія, относящіяся ко второй половинѣ 40-хъ годовъ, изданія послѣ смерти автора.—Приложения: Сганарель. Дядька въ затруднительномъ положеніи.

12 КНИГЪ „ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ“, выхо-
дящихъ при „Нивѣ“ въ серединѣ каждого мѣсяца и содержа-
щихъ романы, повѣсти, рассказы, популярно-научные статьи и проч. современ-
ныхъ авторовъ.

12 №№ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“, выходящихъ ежемѣсячно и содер-
жащихъ до 300 модныхъ гравюръ по послѣднимъ фасонамъ луч-
шихъ мастеровъ.

12 ЛИСТОВЪ рукодѣльныхъ и выпильныхъ работъ (около 300) и до 300 чертежей-выкроекъ въ натуральную величину, выхо-
дящихъ ежемѣсячно.

СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ на 1900 г., печатанный красками.

Подписанная цѣна на годовое изданіе со всѣми вышеозначенными приложеніями: БЕЗЪ ДОСТАВКИ: 1) въ С.-ПЕТЕРБУРГЪ — 5 р. 50 к.; 2) въ Москву (въ конт. Н. Н. ПЕЧКОВСКОЙ, Петровскія линіи) — 6 р. 25 к.; 3) въ Одессу (въ кн. маг. „ОБРАЗОВАНІЕ“, Ришельевская, 12) — 6 р. 50 к. — Съ ДОСТАВКОЙ въ СПБ — 6 р. 50 к. Съ ПЕЧЕСЫЛКОЮ ВО ВСѢ ГОРОДА И МѢСТ-
НОСТИ РОССІИ 7 р. За границу — 10 р.

Требованія просить адресовать въ С.-Петербургъ, въ главную кон-
тору журнала „НИВА“ (А. Ф. МАРКОСУ), Малая Морская, д. № 22.

Dulolit.
дкбр 4 94 74

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

И. А. ГОНЧАРОВА

въ 12 томахъ.

ТОМЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

170.

Приложение къ журналу „Нива“ на 1899 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Издание А. Ф. МАРКСА.
1899.

198386

Типографія А. Ф. Мариса, Ср. Подълч., № 1.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВЕЧЕРЪ.

«...Лебедь рвется въ облака,
Ракъ пятится назадъ, а щука тянетъ въ воду!»
Крыловъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ЧТЕНИЕ.

Быь одному изъ домовъ, на Конногвардейскомъ бульварѣ, къ подъѣзду подъѣхало, около восьми часовъ вечера, въ маѣ мѣсяца, нѣсколько экипажей — одинъ всѣдѣ за другимъ, и, высадивъ господъ, отправились по домамъ. Ровно въ восемь часовъ швейцарь получилъ приказаніе не принимать никого болѣе.

Человѣкъ тридцать гостей обоего пола собрались у Григорія Петровича Уранова слушать въ этотъ вечеръ чтеніе новаго романа.

Автора романа, какъ писателя, знали немногіе. Онъ напечаталъ, безъ имени, нѣсколько статей по финансовымъ и политico-экономическимъ предметамъ, замѣченныхъ и оцѣненныхъ по достоинству только специалистами. Кроме того, онъ написалъ опытъ дипломатическихъ мемуаровъ и напечаталъ ихъ въ весьма небольшомъ количествѣ, для немногихъ. Онъ занималъ пѣкогда дипломатической постъ на югѣ

Европы и провелъ молодыя лѣта за границею. Теперь онъ былъ, какъ и хозяинъ дома, гдѣ назначалось это чтеніе, членомъ одного совѣта и, кромѣ того, предсѣдательствовалъ въ какой-то комиссіи по разнымъ преобразованіямъ. Въ свѣтѣ его любили за огромное богатство, за открытое гостепріимство, за привѣтливость; а близкіе люди—за капитальныя достоинства ума и характера.

Извѣстіе о романѣ, однако, проникло въ общество его круга. Авторъ, на вопросы, обращенные къ нему, не отрицалъ, что романъ пишется, но болѣе не распространялся обѣ этомъ. Извѣстно было, что онъ читалъ тѣ, что было написано, кое-кому изъ пріятелей, у себя дома, но эти лица хранили о романѣ скромное молчаніе.

Ближайшій пріятель и сослуживецъ автора, Григорій Петровичъ Урановъ, и тотъ не былъ посвященъ въ тайну о романѣ. Напрасно добивался онъ отъ автора отвѣтовъ на эти вопросы—онъ ничего не узналъ.

— Ты не читаешь романовъ, — говорилъ ему авторъ: — зачѣмъ тебѣ знать, что я написалъ? Я тебя оттого и не пригласилъ въ свой домашній кружокъ послушать.

— И обидѣть меня!—возразилъ Урановъ.—Если ты считаешь меня равнодушнымъ къ романамъ, или вообще къ литературѣ, то все же это не значитъ, что я былъ равнодушенъ къ тебѣ и къ твоему произведенію.

Автора тронулъ этотъ упрекъ, и онъ обѣщалъ прочесть свое произведеніе у него въ дому. Урановъ послать ему списокъ приглашенныхъ лицъ, которые болѣею частью принадлежали къ кругу ихъ общихъ друзей и знакомыхъ. Авторъ возвратилъ съ своимъ согласіемъ и съ просьбою прибавить еще одну, тоже общую ихъ знакомую, графиню Синявскую съ дочерью, и двухъ своихъ сослуживцевъ. Урановъ торжествовалъ.

Вотъ это именно общество и собралось въ означенный вечеръ въ большомъ и богатомъ дому Григорія Петровича

и размѣстилось въ обширной комнатѣ, между кабинетомъ и столовою, окнами на дворъ, чтобы Ѣзда экипажей не мѣшиала чтенію.

Григорій Петровичъ мало интересовался собственно романомъ, какъ справедливо упрекнуть его авторъ, въ чёмъ онъ и самъ сознался. Но слухъ о романѣ произвелъ сенсацію въ свѣтѣ, сталь событиемъ дни, и поэтому сталь и для него событиемъ. Съ утра до вечера онъ обыкновенно жилъ въ толпѣ, никогда не быть и не умѣть быть одинъ. Все, что дѣлалось въ свѣтѣ — болѣе или менѣе касалось и его. Онъ былъ вдовецъ, принималъ у себя болыше мужчинъ, рѣдко дамъ.

Онъ и совѣтъ свой, въ которомъ служилъ, любилъ потому, что онъ занималъ у него три утра въ недѣлю. Онъ называлъ его утреннимъ клубомъ, въ отличие отъ вечерняго, т. е. англійского клуба. Въ свободныя утра, онъ или самъ ѿхалъ, или къ нему ѿхали съ визитами; потомъ онъ обѣдалъ у знакомыхъ, или у него обѣдали знакомые. Онъ щеголялъ гастрономическими обѣдами, на которые приглашалъ тонкихъ знатоковъ изъ гастрономовъ-пріятелей. Вечера — тоже въ свѣтѣ, или у себя, а больше въ клубѣ, за картами.

Такъ проходило незамѣтно восемь мѣсяцевъ въ году. Въ маѣ начиналась для него трудная пора, застой, истома. Всѣ разѣѣжались — кто въ деревню, кто за границу, многие на дачу: всѣ врознь. И онъ перебѣжалъ поневолѣ куда-нибудь, болыше на острова, чтобы не удаляться отъ города. Но небольшой, относительно, кружокъ остававшихся знакомыхъ мало удовлетворялъ его. У него оставались незанятые вечера. Да и что за вечера лѣтомъ въ Петербургѣ, безъ темноты, безъ огней! Ему нужно было всѣхъ, весь городъ, и онъ не зналъ, что съ собою дѣлать. Онъ угрюмо встрѣчалъ «лучезарнаго Феба», когда тотъ, вскорѣ послѣ полуночи, начиналъ опять сіять на горизонтѣ и просилялся въ окна, когда онъ еще и заснуть не успѣлъ.

Вообще, такъ-называемую природу, лѣса, горы, озера и прочее, онъ терпѣть не могъ.

— Нашли какую рѣдкость—хорошій воздухъ! Еще рекомендуютъ, какъ лѣкарство!—ворчалъ онъ сердито, нюхая воздухъ въ аллеяхъ елагинскаго парка. — А чѣмъ воздухъ дуренъ въ клубѣ, или хоть въ нашемъ совѣтѣ, если только не садиться близко къ Петру Фомичу, да къ Семену Яковлевичу!

Такъ и теперь въ маѣ онъ началъ скучать, не досчитываясь то сосѣда за столомъ въ совѣтѣ или въ клубѣ, то партнера въ вистѣ—и всякое утро вставалъ съ вопросами: «Кто изъ знакомыхъ уѣзжаетъ сегодня? У кого закрылись приемные дни? Куда потратить онъ утро, съ кѣмъ будетъ обѣдать, какъ убѣть вечеръ?»

И вдругъ, какая находка: созвать гостей на чтеніе романа!

Хорошъ или дуренъ романъ, будуть довольны слушатели авторомъ и авторъ слушателями—дѣло для него совсѣмъ не въ томъ. А въ томъ, что вся эта процедура займетъ у него цѣлую недѣлю: разѣзды, приглашенія и, наконецъ, желанный вечеръ, проведенный по-зимнему, далеко за полночь, потомъ ужинъ до утра! Кромѣ того, послѣ долго будутъ говорить, что авторъ читалъ первый разъ, почти публично, у него, у Uranova!

Однако, онъ, обдумывая (прежде и старателѣнїе всего) менѣ ужина, позаботился, надо отдать справедливость его умѣнью жить, и о томъ, чтобы общество слушателей имѣло и авторитетныхъ представителей литературнаго міра. Онъ пригласилъ, прежде всего, известнаго профессора словесности, написавшаго много книгъ о литературѣ; потомъ одного старика, Красноперова, своего сослуживца и приятеля, предполагая въ немъ знатока литературы, потому что онъ былъ когда-то пріятелемъ Греча и Булгарина; наконецъ, одного пожилого беллетриста, знакомаго ему по клубу.

Сверхъ того, Григорій Петровичъ поручилъ племяннику своему, студенту, который жиль у него въ домѣ и котораго онъ, не имѣя своихъ дѣтей, любилъ какъ сына, помочь ему сдѣлать вечеръ занимательнымъ и привести кого-нибудь изъ новыхъ литераторовъ. Тотъ обѣщалъ представить редактора одного извѣстнаго журнала и критика, по части беллетристики, какой-то газеты.

Авторъ явился за пять минутъ до восьми часовъ и прежде всего выразительно и дружески привѣтствовалъ приглашенную по его желанію графиню Синявскую, потомъ поздоровался со всѣми прочими знакомыми и бѣгло познакомился съ неизвѣстными ему слушателями, которыхъ представляль ему хозяинъ, называя ихъ по именамъ. Авторъ отвѣчалъ кому пожатіемъ руки, кому поклономъ или полупоклономъ, инымъ сказать нѣсколько словъ.

Потомъ онъ подошелъ къ столу, взяль у своего сослуживца, съ которымъ вмѣстѣ пріѣхалъ, портфель, отперъ его, выложилъ иѣсколько мелко и красиво исписанныхъ тетрадокъ и, окинувъ бѣглымъ взглядомъ общество, сказалъ любезно:

— Я готовъ, прикажете начать?

Всѣ поклонились и послѣшли занять свои мѣста. Онъ бережно отодвинулъ отъ себя подносы съ сахарною и зельтерскою водою, съ лимонадомъ, ориадомъ и всѣмъ, чтѣ ставятъ обыкновено въ такихъ случаяхъ подъ носомъ чтеца, чего почти никогда не пьютъ и отъ чего бываетъ только тѣснота на столѣ. Потомъ онъ началъ читать пріятнѣмъ, густымъ баритономъ.

Взглянемъ прежде на гостей, потомъ послушаемъ.

Гости расположились на креслахъ, патѣ, dos-à-dos и другой покойной мебели, неправильнымъ полукругомъ, въ три ряда.

Впереди сидѣли дамы. Одна — княгиня *Тецкая* съ дочерью. Княгиня, въ темномъ платьѣ моаръ-антикъ, въ бар-

хатной мантиль, которую сбросила на спинку стула, съ сафынныи красивымъ мѣшкомъ, откуда она достала како-то вязанье, съ бѣлыми костяными спицами, и начала работать, впрочемъ, кажется, больше для вида, потому что изъ пяти только одинъ разъ попадала спицею, какъ слѣдуетъ. Она часто опускала руки съ вязаньемъ на колѣни, беспрестанно взрагивая, будто отъ испуга или отъ внезапной боли, и сильно мигая. Иногда даже у нея вырывалось нечто въ родѣ «аха» или «оха», сопровождаемаго опять взрагиваніемъ. На это почти никто не обращалъ вниманія; всѣ знали, что у нея «нервы» и привыкли къ этому.

На лицѣ и во всей фигурѣ княжны, ея дочери, напротивъ, покоялось ненарушимое спокойствіе; ни удовольствія, ни скуки не выражало это лицо. Можно было бы назвать его мраморнымъ изваяніемъ, если бы — когда въ романѣ заходила рѣчь о любви — это лицо не принимало внезапно выраженія ничего не понимающей невинности.

Княжна сидѣла нѣсколько впереди всѣхъ. Свѣтъ лампы съ боку ярко освѣщалъ ея голову, бюстъ и руки.

Она была одѣта въ розовое съ бѣлымъ отливомъ платье, въ рукѣ держала черепаховый вѣръ, на колѣняхъ былъ небрежно брошенъ кружевной платокъ. Мать часто оглядывала туалетъ дочери: не отдѣлилась ли какая-нибудь непокорная прядь волосъ, правильно ли лежитъ на шей и на груди цѣпочка съ брильянтовымъ крестикомъ, красиво ли драпируется шлейфъ около ногъ. Носокъ розовой миниатюрной ботинки кокетливо выглядывалъ изъ-подъ платья и все время, пока продолжалось чтеніе, оставался на виду.

Подлѣ нихъ, немного позади, помѣстилась полная, кругленькая, невысокаго роста дама лѣтъ тридцати, съ голубыми, какъ небо, детскими глазами, въ голубомъ платьѣ, съ голубымъ же головнымъ уборомъ. На ея большомъ и красивомъ, какъ у здоровой кормилицы, лицѣ разливались шир-

рокія пятна румянца и съ губъ не сходила улыбка, тоже дѣтская. Она вошла съ этой улыбкой, здоровалась ею же со всѣми, съ улыбкой слушала чтеніе и уѣдетъ съ тою же стереотипною улыбкою, которая такъ же извѣстна была всѣмъ ея знакомымъ, какъ и вздрагиванія и «ахи» княгини Тецкой, или выраженіе непониманія при намекахъ на любовь, на лицѣ княжны. Она являлась съ этою улыбкою вездѣ, даже на похороны — и теперь таяла отъ удовольствія, еще до начала чтенія.—*Ça doit être joli!*—шептала она сосѣдямъ. Это была извѣстная въ свѣтѣ вдова *Лилина*, всегда всѣмъ довольная, всѣхъ любившая и всѣми любимая и балуемая, и страстная охотница до домашнихъ спектаклей, всякихъ чтеній и концертовъ.

Подлѣ самого автора, вплотную къ нему, присѣль старикъ графъ Пестовъ, свѣтская окаменѣлость, напоминавшая Тугоуховскаго. Онъ уже лѣтъ десять смотрѣлъ тусклымъ взглядомъ вокругъ себя, не всегда и не все понимая, что происходитъ. Онъ поминутно забывалъ о чёмъ говорить, иногда и съ кѣмъ говорить, подчасъ не узнавалъ даже родныхъ внуковъ. Зато, какъ это часто бываетъ съ долговѣчными стариками, онъ помнилъ до мелочей свой вѣкъ, съ начала нынѣшняго столѣтія, и служилъ живымъ архивомъ для справокъ; онъ помнилъ всѣхъ современниковъ, крупныя события и мелкія сплетни, хронологію, анекдоты, даже у кого въ домѣ когда собирались, чей лучше былъ поваръ и т. п. Его возили вездѣ, какъ и Тугоуховскаго, между прочимъ и потому, что онъ боялся оставаться одинъ дома и умереть. Привезутъ его, посадятъ въ покойное кресло и посыплютъ то того, то другого гостя по очереди, поговорить съ нимъ, потомъ оставить. А онъ посидитъ, пожуетъ губами, пошепчетъ что-то и задремлетъ.

Онъ, приставивъ руку къ уху, внимательно слушать чтеніе.

Далѣе, въ тѣни абажура лампы, помѣстилась на малень-

комъ патэ та дама, которую пригласилъ авторъ, графиня Синявская, и рядомъ, близко, почти на колѣни къ ней, приспустила семнадцатилѣтняя прелестная брюнетка, ея дочь, въ простомъ розовомъ барежевомъ платьѣ, съ кисейнымъ шарфомъ на шеѣ, безъ вѣра, даже безъ перчатокъ, которыя она сняла, лишь только сѣла, и положила на столикъ рядомъ. У нея съ кистей рукъ еще не спала, какъ у многихъ подростковъ, краснота молодой крови. Ея свѣтло-каріе глаза сияли снопы лучей наивной, нескрываемой радости отъ всего, что она тутъ видить и слышитъ. Она робко, стороной, бросала застѣнчивые, но любопытные взгляды на все и на всѣхъ: на автора, на глухого графа Пестова, на нервныя вздрагивания княгини Тецкой, на туалетъ княжны и Цилиной—и потомъ смотрѣла на мать, какъ будто спрашивая, такъ ли она держить себя, какъ слѣдуетъ.

Мать отвѣчала на ея взглядъ улыбкой, какая бываетъ только у матерей. Видно было, что дочь выѣзжаетъ недавно и что все ей было новость.

У самой графини былъ изящный профиль, матовая бѣлизна лица, темно-сѣрые умные глаза, и какая-то тонкая, загадочная улыбка, такъ что нельзя было угадать, порицаешь она ею или одобряешь что-нибудь, радуешься, или смеешься про себя.

За эти умные глаза и загадочную улыбку ее прозвали сфинксомъ. Она была еще молода, и въ особенности моловѣла, такъ что казалась скорѣе старшею сестрою, нежели матерью своей дочери.

Она мелькомъ давно оглянула слушателей, потомъ почти не спускала глазъ съ автора, иногда взглядывала на дочь, говорила ей тихо, съ улыбкой, слова два, и опять слушала чтеніе.

Авторъ, отрывая глаза отъ рукописи, каждый разъ прежде всего обращалъ взглядъ на графиню, очевидно справляясь съ ея впечатлѣніемъ, потому уже переходилъ къ сидѣвшему

близъ нея старику Чешневу, а на остальныхъ изрѣдка кидалъ общій, неопределенный взглядъ.

Старикъ Чешневъ сидѣлъ на стулѣ, скрестивъ руки на груди, положивъ ногу на ногу.

У него были рѣдкія и мягкія сѣдины, благодушное, почти женское выраженіе лица и умные, проницательные глаза, которые иногда прищуривались, иногда покрывались задумчивостью. Закинувъ немножко назадъ голову, съ большимъ, открытымъ лбомъ, онъ слушалъ внимательно чтеніе, какъ будто вокругъ никого и ничего не было.

За нимъ, во второй шеренгѣ, помѣщались: профессоръ словесности, потомъ тотъ гость, котораго, въ качествѣ литературнаго эксперта, пригласилъ на чтеніе хозяинъ, потому что онъ былъ знакомъ съ Гречемъ и Булгаринымъ, и еще пожилой беллетристъ Скудельниковъ.

Профессоръ слушалъ съ строгимъ, официальнымъ вниманіемъ, склонивъ немножко голову на бокъ и сохраняя преличную слушаю мину.

Приятель Гречи и Булгарина слушалъ, опустивъ подбородокъ въ широкое жабо галстука, иногда покачивая головою или зѣвалъ въ ладонь и разсѣянно поглядывая на картины, развѣшенныя на стѣнахъ.

Сосѣдъ ихъ, беллетристъ Скудельниковъ, какъ сѣль, такъ и не пошевелился въ креслѣ, какъ будто приросъ или заснуль. Изрѣдка онъ поднималъ апатичные глаза, взглядывалъ на автора и опять опускалъ ихъ. Онъ, повидимому, былъ равнодушенъ и къ этому чтенію, и къ литературѣ— вообще ко всему вокругъ себя.

Григорій Петровичъ вытащилъ его изъ его гнѣзда, обѣщаю хорошій романъ, хорошее общество, хорошихъ, даже прекрасныхъ дамъ, и хороший ужинъ. Онъ и приѣхалъ.

Дальше сидѣлъ приглашенный племянникомъ-студентомъ, по просьбѣ дяди, редакторъ журнала, средняго роста, среднихъ лѣтъ, довольно полный блондинъ, привличной наруж-

ности во фракъ, въ бѣломъ галстукѣ и съ гibus въ рукахъ, слушавшій чтеніе съ выраженіемъ учтиваго равнодушия на лицѣ.

Потомъ сидѣли человѣка два-три такихъ слушателей, которые находили, что если зовутъ на чтеніе чего-нибудь, то это должно быть очень хорошо. За ними помѣщались и такие, которые были всегда того мнѣнія, что если зовутъ на чтеніе, то непремѣнно будетъ очень скучно.

Между послѣдними особенно выдавался гость, пожилой, полный, съ одышкой, Иванъ Ильичъ Суховъ, который былъ приглашенъ потому, что былъ короткій пріятель и любимый застольный товарищъ хозяина — и въ совѣтѣ, и въ англійскомъ клубѣ. Онъ обнаруживалъ кое-какіе знаки нетерпѣнія при чтеніи: дышалъ громко, то ртомъ, то носомъ, иногда прикрывалъ рукою зѣвоту и пробовалъ заговаривать съ сосѣдями, чаще всего съ военнымъ генераломъ, еще не старымъ, крѣпкимъ, здоровымъ человѣкомъ, съ бодрой осанкой и простымъ, но энергическимъ выраженіемъ лица. Онъ былъ извѣстенъ, какъ отличный боевой генераль и вмѣстѣ хороший администраторъ по военной части, и на литературу смотрѣлъ нѣсколько съ боевой точки зрѣнія, читая, что попадется, въ видѣ отдыха, а чаще и вовсе ничего не читая. Онъ, съ хозяиномъ, съ Суховымъ и съ самимъ авторомъ романа былъ въ постоянныхъ спошненіяхъ и въ службѣ, и въ обществѣ, и они составляли собою свой тѣсный кружокъ.

Не далеко отъ нихъ сидѣть на плетеномъ, простомъ стульѣ, одѣтый такъ же, какъ и журналистъ, во фракѣ и бѣломъ галстукѣ, одинъ изъ приглашенныхъ сослуживцевъ автора, человѣкъ подъ пятьдесятъ лѣтъ, съ серьезнымъ лицомъ, съ крупною морщиною на лбу отъ напряженного вниманія, съ какимъ онъ слушалъ, сидя прямо и держа книгу на коленяхъ.

Онъ, казалось, съ трудомъ или нехотѣ

смысль чтенія, пытливо поглядывая то на автора, то на того или другого изъ слушателей.

Это былъ Иванъ Ивановичъ *Калъяновъ*, сослуживецъ и одинъ изъ главныхъ помощниковъ автора въ комиссіи по преобразованіямъ и по другимъ дѣламъ, какія на того возлагались. Онъ считался столпомъ въ администраціи и правою рукою своего предсѣдателя. Вѣрилъ, точнѣе и свѣдущѣ по своей части исполнителя, какъ этотъ Иванъ Ивановичъ, не было даже ни у одного министра. Самъ онъ никогда ничего не придумывалъ и не предлагалъ новаго, но бралъ предложенный ему материалъ — проектъ ли закона, новую какую-нибудь мѣру и, вооруженный уставами, положеніями, свободой законовъ, указами, инструкціями, органически воплощалъ идею, давая ей плоть и кровь.

Онъ удивлялся производительной дѣятельности своего предсѣдателя, изобрѣтательности и блеску его ума, а тотъ чувствовалъ, что безъ такого техника-организатора, какъ этотъ Иванъ Ивановичъ, его идеи и планы, указанія и *desiderata* — не достигали бы своей цѣли.

Они были тѣсно связаны узами, если не дружбы, такъ службы, и взаимно уважали другъ друга.

Внѣ комиссіи у нихъ все было разное: вкусы, склонности, удовольствія. Одинъ жилъ въ свѣтѣ, въ большомъ кругу, другой — дома, за бумагами, а вечеромъ дома же, за картами съ двумя-тремя пріятелями, *partie fixe*.

Какъ такой человѣкъ попалъ на это чтеніе? Онъ и самъ не могъ надивиться этому. Это случилось нечаянно.

Заглянувъ однажды съ бумагами въ кабинетъ къ предсѣдателю комиссіи и увидѣвъ, что тотъ углубленно пишетъ, Калъяновъ на цыпочкахъ вышелъ вонъ. Но дверь скрипнула и предсѣдатель воротилъ его.

— Это вы, Иванъ Ивановичъ: что же не вошли? — спросилъ онъ.

— Вы, кажется, очень заняты.

— То, что вы принесли и вообще приносите мнѣ, всегда важнѣе того, что я дѣлаю безъ васъ, и особенно въ эту минуту!—любезно, съ улыбкой, сказалъ тотъ, отодвигая свое писанье въ сторону и приглашая его сѣсть. — Что у васъ?

Тотъ подалъ ему дѣл бумаги и какіе-то чертежи и прибавилъ длинное, словесное объясненіе.

— Вотъ тутъ планъ, смета и справки, — сказалъ онъ, указывая другую бумагу:—и чертежи, и заключеніе. Угодно вамъ согласиться, такъ я вело заготовить докладъ, потому что всѣ члены согласны.

— Знаю, знаю! Хорошо, оставьте. Я посмотрю, и завтра возвращу вамъ съ отвѣтомъ. Больше ничего нѣтъ?

— Есть, но то можно оставить до слѣдующаго засѣданія, а это намъ поскорѣе бы сбыть. Тамъ ждутъ.

Кальяновъ всталъ.

— Куда же вы? Сейчасъ чай подадутъ, вотъ сигара! — удерживая Левъ Иванычъ Бебиковъ, такъ звали предсѣдателя.

— Благодарю, меня дома ждутъ, да и вы заняты!

— Знаете, чѣмъ я занятъ? — сказалъ Левъ Иванычъ, придвигая къ себѣ тетрадь, которую писалъ до того.

Кальяновъ молчалъ.

— Романъ пишу.

Тотъ все молчалъ, только немножко поднялъ брови.

— Вы не вѣрите? — спросилъ Бебиковъ, улыбаясь.

Тотъ отвѣчалъ тоже улыбкой.

— Хорошъ долженъ быть романъ, — сказалъ онъ, поглядывая на тетрадь.—Пожалуй, отъ него канцеляріи на полгода работы хватить, а дѣлоизготовителю, т.-е. вашему покорному слугѣ, опять по ночамъ не спать!

Левъ Ивановичъ засмѣялся.

— Не бойтесь! вамъ угрожаетъ одна опасность: выслушать его и сказать ваше мнѣніе.

— Я такъ и зналъ, что будетъ работа! А позвольте

узнать, о чём этот роман? Не опять ли о введеніи предварительныхъ мѣръ въ видѣ опыта?.. Мнѣніе мое вы уже знаете...

— Нѣтъ, нѣтъ! — со смѣхомъ возразилъ Бебиковъ: — романъ, настоящій романъ! Почему вы не вѣрите?

— Не станете вы заниматься...

— Такимъ вздоромъ, да? Говорите прямо.

Кальяновъ молчалъ изъ учтивости.

— Какое варварство, Иванъ Иванович! Вы не знаете, что въ наше время газеты и романъ сдѣлались очень серьезнымъ дѣломъ! Газета — это не только живая хроника современной исторіи, но и архимедовъ рычагъ,двигающій европейской міръ политики, общественныхъ вопросовъ; а романъ пересталъ быть забавой: изъ него учатся жизни! Онъ сдѣлся руководствующимъ кодексомъ къ изученію взаимныхъ отношеній, страстей, симпатій и антипатій... словомъ, школой жизни!

Кальяновъ сталъ небрежно смотрѣть въ сторону.

«Знаю, что мастеръ говорить!» думалъ онъ: «вонъ какъ — точно зубы заговариваетъ; и о чёмъ же — о романѣ! Дудки! Этакій богачъ — и станетъ писать!»

— Теперь всѣ бросились на романъ, — продолжалъ Бебиковъ: — одни пишутъ, другіе читаютъ. Государственные люди, политики, женщины, даже духовныя лица написали много романовъ, и всѣ учатъ, или учатся уловлять тонкіе законы индивидуальной, общественной, политической, соціальной и всякой жизни — изъ романовъ!

«А все-таки это вздоръ!» подумалъ Кальяновъ, но не рѣшился сказать вслухъ, думая: «а ну, какъ онъ въ самомъ дѣлѣ пишетъ этотъ... вздоръ! Неловко! Да нѣтъ, не можетъ быть!»

Онъ покачалъ отрицательно головой.

— Все не вѣрите? — сказалъ Бебиковъ: — а вотъ повѣрите, когда я приглашу васъ послушать! Вы не откажетесь?

— Нѣть, я всегда слушаю все, что вамъ угодно мнѣ читать...—сказалъ онъ покорно.

— И часто опровергаете, но всегда съ успѣхомъ и пользой для дѣла...

— Развѣ это дѣло?—вдругъ сорвалось съ языка у Кальянова.

Оба засмѣялись.

— Вы запомнили только одно слово «вздоръ», — сказалъ предсѣдатель:—а мое разсужденіе о значеніи романа...

— Принялъ къ свѣдѣнію, — подсказалъ Кальяновъ.

— Примите же его и къ исполненію! — добавилъ Левъ Ивановичъ:—и когда я приглашу васъ послушать, скажите свое мнѣніе. Да?

Кальяновъ поклонился, еще разъ недовѣрчиво взглянувъ на начальника, покосился на тетрадь—и вышелъ, все раздумывая о томъ, насколько хватить всей комиссіи и ему работы.

«Вотъ тебѣ и будеть романъ!» заключилъ онъ.

Предсѣдатель не то чтобы интересовался знать мнѣніе Ивана Ивановича о романѣ, но пригласилъ его потому, что пришлось кстати, и потому еще, что хотѣлоськазать любезность своему помощнику. Кальяновъ и забылъ обѣ этомъ разговорѣ.

Но каково было его удивленіе, когда, черезъ мѣсяцъ послѣ того, именно въ маѣ, Левъ Ивановичъ, однажды, послѣ доклада, сказалъ, что Григорій Петровичъ Урановъ заѣдетъ къ нему, Кальянову, пригласить его на чтеніе романа.

— Какого романа?—вдругъ спросилъ Кальяновъ и тутъ только вспомнилъ бывшій разговоръ.

— Вы слово дали!—напомнилъ начальникъ.

— Ужели это... не мистификація? — спросилъ онъ нерѣшительно.

— Вотъ какая мистификація—полюбуйтесь!

Бебиковъ показать ему кучу мелко исписанныхъ тетрадей.
— Смотрите же — я ожидаю вашей критики! — прибавилъ онъ.

Кальяновъ ушелъ въ раздумыи, все не вѣря и предполагая какой-нибудь сюрпризъ.

«Собереть, чего доброго, всю комиссию туда, на вечеръ къ Уранову, да и прочтеть какой-нибудь проектъ или «идею»... отъ него станется! Охъ ужъ эти мнѣ идеи!»

Однако, въ назначенный вечеръ онъ надѣлъ фракъ, бѣлый галстукъ и поѣхалъ къ Уранову.

«И женщины тутъ; что жъ это въ самомъ ~~делѣ~~ — ужели такъ-таки романъ и есть?» шепталъ онъ, робко усаживаясь въ третьей шеренгѣ слушателей.

Другой сослуживецъ автора, *Фертовъ*, напротивъ вовсе не садился. Онъ рѣялъ, какъ зефиръ, между слушателями и, наклоняясь то къ тому, то къ другому, особенно къ дамамъ, ронялъ по нѣсколько словъ восторженныхъ похвалъ о романѣ, который уже слышалъ.

Онъ былъ высокій красивый и отлично одѣтый господинъ, лѣтъ сорока, юркій, свѣтлоокій блондинъ, съ проборомъ посреди головы, съ бакенбардами, струями падавшими къ плечамъ, съ изящными манерами,— словомъ, представительная салонная фигура.

Фертовъ былъ тоже необходимое лицо у автора — и по службѣ, и по всякимъ другимъ дѣламъ, но совсѣмъ въ другомъ родѣ, чѣмъ Кальяновъ. Онъ добывалъ особенные, предварительныя справки по дѣламъ, дѣлалъ развѣдки, *tatait le terrain* въ томъ или другомъ вѣдомствѣ — не путемъ бумажныхъ отношеній, а лично: былъ употребляемъ для компромиссовъ, улаживалъ цути, устранилъ, своимъ ловкимъ и пріятнымъ характеромъ, недоразумѣнія и т. д. Онъ же былъ вѣрнымъ эхомъ городскихъ новостей и слуховъ, особенно въ высшихъ сферахъ.

Сзади всѣхъ, въ углу, у камина, помѣстился газетный

критикъ, Кряковъ, котораго привелъ, согласно обѣщанію, племянникъ хозяина. Онъ былъ средняго роста, съ темнорусой густой бородой, въ которой пряталась вся нижняя часть лица и отчасти носъ. Одѣтъ онъ былъ въ коротенькомъ пиджакѣ и въ свѣтлыхъ брюкахъ, по-лѣтнему. Онъ жаль въ рукахъ сѣрую, мягкую шляпу и, повидимому, не зналъ, что съ собой дѣлать. Онъ укрывался въ тѣни угла, куда его привелъ студентъ, представивъ сначала ~~дядѣ~~.

— Сиди тутъ: я помогу дядѣ принять гостей, потомъ приду къ тебѣ!—сказалъ онъ.

— Смотри не надуй, а то я удеру!—отвѣчалъ тотъ.

И онъ сталъ смотрѣть на каждого гостя, на самого хозяина, на автора, на все окружающее, задѣвалъ ногою за шипцы, которые гремѣли о рѣшетку камина, и, кажется, не разъ хотѣлъ встать и въ самомъ дѣлѣ уйти. Но все притихло, началось чтеніе—и онъ усѣлся.

Черезъ четверть часа послѣ начала чтенія, явились еще три слушателя, двое военныхъ молодыхъ людей и третій—статскій. Первые два осторожно несли сабли въ рукахъ—и всѣ трое, *à pas de loups*, подкрались къ кружку, взяли три стула, безъ шума поставили ихъ на коверъ и тихо опустились на нихъ, за спину автора.

На нихъ никто не обратилъ вниманія, только хозяинъ дома ласково погрозилъ имъ пальцемъ, да княжна Тецкая бросила быстрый взглядъ на статского. Онъ поклонился, больше глазами, но она не повторила своего взгляда.

Романъ начался съ описанія блестящаго бала, на которомъ являются два главныя лица романа, или герой и героиня. Онъ—графъ, она—княгиня. Она блестящая звѣзда большого свѣта, по красотѣ, изяществу, уму. Онъ—красивый, ловкий и тоже блестящій молодой человѣкъ, офицеръ одного изъ первыхъ гвардейскихъ полковъ.

Онъ, подъ маскою строгаго приличія, едва сдерживаетъ

пыль страсти къ своей княгинѣ: онъ ищетъ ея взгляда, хочетъ ей сказать слово; но она будто не замѣчаетъ его, и отъ нея, какъ отъ Онѣгинской Татьяны, вѣтъ холodomъ и неприступностью. Онъ въ ужасѣ: отчего такая перемѣна! Еще такъ недавно, ~~для~~ три тому назадъ, на немъ накоился ея взглядъ, полный такого сочувствія, ему говорились тихія рѣчи нѣжной страсти — и вдругъ теперь даже не глядѣть! Что такое произошло? Онъ ходилъ изъ залы въ залу, слѣдя за княгинею, и ловилъ минуту, чтобы узнать, что значить эта перемѣна, отчего у нея какая-то тревога, сдержанное страданіе на лицѣ?

— Я не видѣла васъ щѣлую вѣчность — и вотъ пріемъ! — тихо упрекнулъ онъ, подходя къ ней, когда она была одна.

— А я видѣла васъ вчера, — сухо отозвалась она, не глядя на него.

— Гдѣ? когда?

— Я проѣзжала по мосту, черезъ Фонтанку, и издали видѣла, какъ вы гуляли по набережной... съ дамою кажется... да?

— Да... правда... — запинаясь сказала онъ.

— Кто эта дама? не скреть? — небрежно спросила она, обмахиваясь вѣромъ.

Онъ не вдругъ отвѣчалъ, ему и не хотѣлось отвѣтить, но дѣлать было нечего.

— Это... это... м-ме Armand... французская артистка...

— А! — холодно сдѣлала она и пристально поглядѣла на него.

— Я встрѣтилъ ее нечаянно и прошелся съ нею...

— Я не требую объясненій и подробностей! — сухо перебила она и отошла.

Онъ слѣдилъ, какъ она, поговоривъ съ тѣмъ, съ другимъ, подошла къ дѣвицѣ Лидіи N. и сѣла подлѣ нея.

— Я вчера заѣждала къ вамъ, chère Lydie, около трехъ часовъ, но вѣсть не было; гдѣ вы были? — спросила она.

— Да, миъ татап сказывала; я очень жалѣла... Миъ необходимо было выѣхать... — отвѣчала Лидія, но не сказала куда.

— Миъ показалось, что я васъ видѣла на улицѣ, и я заѣхала узнать, не ошиблась ли я?

Она взглянула на Лидію и видѣла, что та смущилась. И княгиня сама измѣнилась въ лицѣ.

«Mon Dieu!» воскликнула каждая изъ нихъ про себя.

«Ужели она замѣтила!» подумала Лидія.

«Это была она!» подумала княгиня.

Баль былъ къ концу, княгиня тронулась съ мѣста и направилась къ выходу; графъ предупредилъ ее. Онъ подалъ ей руку.

— A demain... n'est-ce pas? Puis-je vous suivre? — бормоталъ онъ.

Она не взяла руки.

— Vous croyez vous adresser à Lydie N. peut-être? — сказала она: — vous vous trompez; la voilà! — Она указала вдаль вѣромѣтъ, гдѣ сидѣла Лидія. — Restez auprѣs d'elle. — Général! donnez moi votre bras! — обратилась она къ проходившему мимо генералу и пошла подъ руку съ нимъ по лѣстницѣ, не бросивъ на героя взгляда.

Онъ оѣпенѣлъ на мѣстѣ, потомъ медленно воротился въ залу. Онъ посмотрѣлъ на Лидію, прелестную молодую блондинку, въ цвѣтѣ лѣтъ, стройную, граціозную, съ умными глазами, просто и со вкусомъ одѣтую.

Онъ сказалъ ей какую-то банальную фразу и глядѣлъ ей пристально въ глаза, въ надеждѣ, не объяснить ли она намекъ княгини.

Глаза ея дѣйствительно высказывали что-то особенное. Взглядъ ея блуждалъ разсѣянно кругомъ, ни на чѣмъ не останавливалась; очевидно, мысль ея была не тутъ. Она была задумчива, почти печальна, вѣроятно подъ вліяніемъ бѣлага разговора съ княгиней. Но графъ не слыхалъ этого разго-

вора, да если бы и слышалъ, то все не добился бы ключа къ намоку княгини.

Постоявъ съ минуту передъ нею, графъ пошелъ къ выходу и на лѣстницѣ столкнулся съ адъютантомъ, барономъ В., который вертѣлся около и видѣлъ сцену прощанія съ нимъ княгини: какъ она не приняла руки графа и пошла съ генераломъ. Баронъ бросился за нею и, проводивъ ее вмѣстѣ съ генераломъ до кареты, возвращался на балъ. Онъ съ ироніею взглянулъ на графа. Онъ былъ неравнодушенъ къ княгинѣ и терпѣть не могъ графа, какъ предпочтеннаго соперника. Графъ понималъ его расположеніе и прощалъ ему т.-е. быть равнодушенъ къ его ненависти. Но тутъ, какъ шекспировскій Яго, искалъ случая мстить ему.

Межу тѣмъ, графъ, мучимый холоднотью княгини, написалъ ей письмо, въ которомъ объяснялъ, какъ онъ, наканунѣ бала, встрѣтилъ м-те Armand, выходившую изъ одного дома и не нашедшую своей кареты. Онъ вышелъ изъ саней и пошелъ съ нею пѣшкомъ по набережной Фонтанки до Невскаго проспекта, гдѣ они и разстались. Онъ предложилъ ей свои сани, и она уѣхала. Онъ прибавилъ, что эта м-те Armand известна всей *jeunesse dorée* Петербурга, что она состоитъ въ тѣсной зависимости отъ одного изъвестнаго лица, что весь городъ это знаетъ и что подозрѣвать его было бы недостойно ни княгини, ни его собственнаго характера, и такъ далѣе.

Но онъ не прибавилъ, какъ онъ весело болталъ съ француженкою, наклонялся къ ней, шутилъ, смѣялся, вель съ нею живой, маскарадный разговоръ.

А княгиня видѣла это. Съѣхавъ съ моста, она вѣжла кучеру остановиться и пристально слѣдила за ихъ прогулкою. Она видѣла ихъ сзади и не могла разглядѣть лицо дамы; она видѣла только ея фигуру и ростъ—все это было поразительно похоже на фигуру и ростъ Лидіи, особенно дѣллиныя буквы были точь-вѣ-точка такія, какъ у той: и

цвѣтъ такой же, и таѣ же выщущенная изъ-подъ шляпки назадъ, онъ скользили по ея плечамъ. Остальные признаки подсказали воображеніе, т.-е. ревность. Княгиня нашла похожую и походку дамы, и такую же соболью шубку, какъ у Лидіи, и все.

Здѣсь авторъ романа вошелъ въ тонкій психологической анализъ ревности: какъ эта послѣдняя наблюдаетъ всѣ мелкие признаки, сама создаетъ многіе, группируетъ ихъ, и творить адъ въ душѣ своей жертвы.

Княгиня, проводивъ ихъ далеко глазами, вѣдьла Фхать въ домъ Лидіи N, чтобы увѣриться, дома ли она, или нѣть, и не застала ее. Вотъ причина ея допроса у Лидіи, гдѣ она была? Смущеніе Лидіи подтвердило ея догадки, а слѣпая ревность превратила ихъ въ увѣренность. Она отгоняла спасительная сомнѣнія, которыя просились ей въ умъ въ видѣ вопросовъ: «какъ Лидія, дѣвица, принадлежащая къ лучшему обществу, у которой есть родители—люди съ положенiemъ, со связями въ большомъ свѣтѣ, вдругъ будетъ играть своей репутацией, уѣзжать одна изъ дома на секретныя свиданія, гулять открыто вдвоемъ съ молодымъ человѣкомъ, которого всѣ знаютъ?» Княгиня отгоняла эти вопросы, какъ «докучливыхъ мухъ», по словамъ автора, потому что ревность, разъ потерявши главную точку опоры, здравую логику, какъ всякая горячка, т.-е. страсть, питается и поддерживается галлюцинациями и сама создаетъ себѣ рядъ пытокъ. Кстати княгиня вспомнила, что Лидіи уже двадцать лѣтъ, что отецъ ея поглощенъ службою, а мать—богъзенненная женщина и выѣзжать съ нею не можетъ; что Лидія выѣзжаетъ съ компаніонкою, а часто и одна; что на ней даже лежать обязанности по управлению домомъ и что она, не въ примѣръ многимъ другимъ дѣвицамъ, пользуется значительною долею самостоятельности. Это всѣ знали въ свѣтѣ, но никогда никому не приходило въ голову видѣть что-нибудь таинственное и лукавое въ ея поведеніи: это

противорѣчило бы личному ея характеру, воспитанію и нравственному складу и тону всего ихъ дома и семьи, всѣми уважаемыхъ.

Но княгиня не слушала этихъ голосовъ разума. Въ глазахъ ея сверкало какое-то красное пламя, внутри жгло.

«А отчего она смущилась, когда я намекнула, что видѣла ее? Отчего не договорила, гдѣ была? — терзала она себя вопросами... — Да, это была она! А Paul говорить... нѣть, какой онъ Paul: *c'est un traître de la plus pire espèce!* — казнила она его про себя: — онъ вѣдомъ увѣрять, что это м-ме Armand! Онъ съ нею и не попадь бы: онъ презираетъ этихъ...» Она не досказала эпитета.

Она кляла себя за то, что не бросилась вслѣдъ гуляющей парѣ, что не остановила графа, не взглянула вблизи на женщину, а бросилась въ домъ Лидіи. «Теперь я знала бы все!»

Она не думала, даже не вѣрила, чтобы свиданья графа съ Лиліей заходили далеко, чтобы въ нихъ скрывалось что-нибудь похожее на то, что было между ею самою и графомъ... Нѣть, но она видѣла въ этой нѣжности графа къ Лидіи зарю — не пылкой страсти, а молодой, свѣжей — такъ сказать — законной любви, той любви, которая охватываетъ всего человѣка и наполняетъ тепломъ всю его жизнь. И она уступить, когда сама только-что покорила этого рыцаря чести, мужской красоты, какой-то силы души и характера — и отдать его другой, едва расцвѣтшей, еще не начавшей жить!

«У той, разсуждала она, — жизнь вся впереди: ее ждеть своя доля счастья! А она вдругъ отнимаетъ его у нея, изломаетъ ея страсть и вмѣстѣ съ нею и ее самой, княгине: потому что ей больше ничего не останется въ жизни... Нѣть, нѣть! А онъ! Заплатить ей измѣной за все... какая низость! какая низость!»

Она вздрагивала, ворочаясь, послѣ бала, въ постели и уснула только подъ утро.

Послѣ полудня ей доложили, что пріѣхалъ баронъ В., адъютантъ. Она, давно зная его чувства къ ней и виды на нее, избѣгала его и принимала неохотно и рѣдко. А теперь велѣла просить.

Она ужаснулась, поглядѣвъ на себя въ зеркало, и старалась пудрой, и даже немногого румянами, скрыть слѣды безсонной и мучительной ночи.

Баронъ пріѣхалъ не спроста. Онъ вчера уловилъ кое-какіе симптомы разлада между княгиней и графомъ, замѣтилъ сцену ихъ прощанія, потомъ разговоръ съ Лидіей N, у которой, послѣ отѣзда княгини, онъ искусно развѣдалъ, о чёмъ ей говорила княгиня. Та наивно отвѣчала, что княгиня думала, что видѣла ее на улицѣ, и забѣжала къ ней узнать, не ошиблась ли она. И только. Но баронъ принялъ это къ свѣдѣнію и побѣжалъ къ княгинѣ вынытать что можно. У него уже шевелилась мысль о возможности разрыва графа съ княгиней: надо помочь этому, довести до конца — и... и... Словомъ, у него заиграло въ головѣ.

Ему не стоило труда узнать въ чёмъ дѣло. Княгиня, послѣ пустыхъ фразъ о вчерашнемъ балѣ, сама спросила: знаетъ ли онъ m-me Armand? Онъ, конечно, сказалъ, что знаетъ ее, какъ и многие другие, т.-е. весь кругъ золотой молодежи; что онъ бываетъ иногда у нея, что она очень живая, умная, любезная женщина, и наконецъ, въ свою очередь, спросилъ, почему она такъ интересуется ею.

— Такъ! — сказала княгиня: — я видѣла ее на улицѣ, спросила, кто это, и мнѣ назвали ее... большие ничего.

Баронъ ничего не сказалъ. У него уже была нить въ рукахъ — и онъ, простившись съ княгиней, побѣжалъ прямо къ m-me Armand — постучаться тамъ, выяснить эту исторію и на ней основать свой планъ дѣйствія.

Онъ безъ труда узналъ отъ m-me Armand, что она недавно встрѣтилась съ графомъ, прошлась съ нимъ по набережной Фонтанки и доѣхала въ его саняхъ домой.

Барону стало ясно все. Что онъ далѣе говорилъ француженкѣ, осталось неизвѣстно; но только когда, послѣ этого, княгиня осторожно, стороной, чрезъ преданныхъ ей людей, изъ третьихъ рукъ, стала узнавать о прогулкѣ съ нею графа, м-ме Armand jurait ses grands dieux, что она съ нимъ не встрѣчалась и не гуляла.

Отсюда начинается сложная драматическая путаница романа! Прежде всего значительно огласились въ свѣтѣ, до тѣхъ поръ только подозрѣваемыя, отношенія княгини къ графу. Потомъ прошелъ глухой, неизвѣстно комъ пущенный псевдонима (конечно барономъ) щдпотъ о какой-то прогулкѣ Лидіи съ графомъ наединѣ. На нее стали смотрѣть съ страннымъ любопытствомъ, которое она относила вовсе не къ прогулкѣ съ графомъ, чего и подозрѣвать не могла, а къ тому, что узнали, какъ она предполагала, одинъ ся секретъ.

А секретъ ся состоялъ въ слѣдующемъ. У нея была самая любимая ея по институту подруга и лучшій по уму и симпатичнымъ качествамъ души и сердца другъ, Лиза Ф. Онъ вмѣстѣ росли, учились и вмѣстѣ вступили въ свѣтъ. Лиза Ф., по выходѣ изъ института, жила въ домѣ Лидіи, потому что у неї не было состоянія. Мать ея, вдова, сама жила въ деревнѣ у родной сестры, и предоставила дочери свою пенсію, тысячу двѣсти рублей. Обѣ онъ не могли содержать себя этими средствами въ Петербургѣ, и Лиза пріютилась въ семействѣ Лидіи Н., какъ ея лучшій другъ, какъ сестра.

Такъ ихъ признавали и свѣтъ; онъ два зимнихъ сезона являлись неразлучно всюду. На третій сезонъ Лидія вдругъ осталась одна. Лиза Ф. уѣзжала на лѣто къ матери и не возвращалась изъ деревни.

Такъ объявлено было въ кругу всѣхъ знакомыхъ — и только. Ни Лидія, ни ея отецъ и мать больше не распрастраивались обѣ этомъ. Это породило некоторое сомнѣніе;

стали наводить справки и узнали, что въ деревнѣ, у тетки, съ Лизой разыгрался какой-то романъ, кончившійся потомъ такими послѣдствіями, за которыхъ тетка не захотѣла держать ее у себя, и что Лиза вернулась въ Петербургъ и живеть съ матерью гдѣ-то въ глухомъ уединеніи, на маленькой квартирѣ, въ большой нуждѣ.

Это всѣ узнали, судили, рѣдили и казнили Лизу безпощаднымъ приговоромъ. О Лизѣ перестали говорить въ свѣтѣ; никогда не произносили имени ея и въ домѣ Лидіи. Всѣ какъ будто условились забыть ее и наконецъ забыли. Не могла забыть въ ней лучшаго, единственного друга только Лидія—и не забыла. Она не сочла себя въ правѣ быть ея судьею, и не только сохранила, но удвоила къ ней свою нѣжность, окружила ее заботами, утѣшениями, помощью—всѣмъ, въ чемъ такъ нуждалась теперь бѣдная, обманутая любовью, выброшенная изъ привилегированной среды женщина. Дружба не обманула ее. Лидія объявила отцу и матери, что она не покинетъ друга въ бѣдѣ и нуждѣ, когда именно необходимъ другъ.

Отецъ обнялъ ее, мать заплакала: оба предоставили дѣлать ей чѣмъ говорить ея сердце; они сами любили и жалѣли эту Лизу, но умоляли только дѣлать это втайне, поберечь себя и не оскорблять законовъ свѣта.

Лидія, разъ въ недѣлю, посвящала свободный вечеръ или утро, иногда цѣлый деньъ, своей подругѣ и ѿздила въ наемной каретѣ, по вечерамъ въ сопровожденіи вѣрной и скромной горничной, а днемъ—одна, въ отдаленную улицу, въ маленькую квартиру, къ своей милой и дорогой Лизѣ Ф.

Наканунѣ бала, она провела тамъ утро, и вотъ причина ея смущенія, когда княгиня сказала, что видѣла ее гдѣ-то на улицѣ.

Оскорблена княгиня не принимала графа и не отвѣчала на его письма. Только на одномъ изъ нихъ, возвращенномъ нераспечатаннымъ, она написала карандашомъ:

«vous avez menti. Adieu!» Онъ былъ въ ужасѣ. Свѣтскій судъ не пощадилъ ее; его толки дошли до нея, и она, съ первыми весенними лучами, уѣхала въ свое родовое имѣніе, заперлась, съ компаніонкой, въ замкѣ — и никуда не выѣзжала.

Лидія тоже не выдержала косыхъ взглядовъ, улыбокъ, шепота... она занемогла. Отецъ и мать ея были въ отчалніи и наконецъ отправили ее, съ одной старой теткой, за границу. Свѣтъ не узналъ настоящаго ея секрета, а только привязалъ, «какъ бумажку къ ея шлейфу», по выражению автора романа, имя графа къ ея имени, пока еще не зная, что говорить далѣе.

Графъ тоже не вынесъ пытки. Онъ рѣшился на смѣлый шагъ, взять отпускъ за границу, переодѣлся въ статское платье, пробрался въ имѣніе княгини, поселился въ деревнѣ и бродилъ каждый день въ сумерки, съ ружьемъ на плечѣ, около парка княгини. Наконецъ, онъ увидѣть ее, сидящую въ глубокой задумчивости на скамье, подъ вязомъ; возлѣ на травѣ валялась книга. Онъ тихо подошелъ кустами сзади; на него вдругъ залаяла ея собачка, но узнавъ его, начала радостно визжать и ласкаться къ нему.

— Кто тутъ? — съ испугомъ спросила княгиня.

— Я! — сказалъ онъ, упавъ на траву и прижимая ея руки къ губамъ.—Простите!

— Вы... ты... вы! — оторопѣвъ произнесла княгиня и залилась слезами... Отъ чего? Отъ негодованія? Отъ оскорблennой гордости? Нѣтъ, отъ радости, отъ счастья!

— Я ждала тебя, я знала, что ты будешь! — шептала она, отвѣчая на его поцѣлуи.—Если бъ ты не пріѣхалъ, я не простила бы тебѣ...

— О рай! о небо! — твердить онъ и т. д., и т. д.

Они провели тайкомъ въ этой глухи такое лѣто, какого, по словамъ автора, еще не было ни у нея, ни у него въ жизни. Она даже не потребовала у него объясненій эпи-

зода прогулки съ m-me Armand и зажала ему рукою ротъ, когда онъ заикнулся объ этомъ.

— Я здѣсь, наединѣ съ собою, сама дѣбралась до истины, и только... женскій стыдъ мѣшалъ мнѣ написать тебѣ. Я знала, что ты пріѣдешь!

При этомъ онъ падалъ на коверъ или на траву и катался, вмѣстѣ съ собаченкой, у ея ногъ.

Онъ воротился въ Петербургъ, гдѣ объяснилъ, что ѿздилъ устроить дѣла въ имѣніи, и отправился за границу; а княгиня заперлась опять въ своеемъ замкѣ.

Въ романѣ, кромѣ самого героя, героини и дѣвицы Лидіи, большія роли даны еще отцу ея, умному администратору, потомъ отставному генералу, съ твердымъ, упрямымъ и нѣсколько желчнымъ характеромъ, и, наконецъ, общему другу того и другого — Здравомыслу всего этого круга, пожилому князю.

Вся группа представителей старыхъ поколѣній въ романѣ исполнена житейской мудрости, высокихъ правилъ чести, рыцарского благородства.

Въ молодомъ, ближайшемъ къ нимъ поколѣніи — дѣтей и племянниковъ ихъ, еще молодыхъ офицерахъ, замѣтно отражаются родовыя черты характера старшихъ, ихъ образа мысли и традиціонныхъ убѣждений. Обѣ линіи представляютъ собою два параллельныхъ поколѣнія извѣстнаго, таѣ называемаго, высшаго круга.

Преобладающій элементъ въ романѣ — военный. Гражданскій занимаетъ второстепенное положеніе.

Межу прочимъ, цѣлая глава посвящена описанію маневровъ войскъ, между Гатчиной, Краснымъ Селомъ и Павловскомъ. Мѣстами приводятся черты образа жизни, нравовъ, быта военныхъ высшаго круга.

Женскій кругъ тоже богатъ персоналомъ. На первомъ планѣ, кромѣ молодыхъ героинь — княгини и Лидіи, являются нѣсколько свѣтскихъ матронъ, двѣ княгини, одна — важная,

добродѣтельная, другая—суетливая и говорливая, потомъ мать дѣвицы, мать героя и другія.

Междудѣйствующими лицами почти нѣть лицъ изъ другихъ, низшихъ сферъ; только въ деревнѣ явился неожиданный поклонникъ княгини — уѣздный врачъ. Видя ея «меланхолію», какъ онъ говорилъ, онъ сталъ увѣрять ее, что послѣдняя можетъ повести къ серьезной болѣзни и что ему судбою предназначено посвятить всю свою жизнь на сохраненіе «ся драгоцѣнныхъ дней». Но когда съ прїездомъ графа, ея «меланхолія» мгновенно прекратилась, княгиня перестала принимать врача, и онъ, въ свою очередь, какъ графъ, сталъ бродить съ ружьемъ около парка — но, конечно, безуспѣшино.

Изъ простого званія — въ романѣ не было никого. Авторъ постоянно держался на высотѣ только одного высшаго круга и утонченнаго воспитанія.

Княгиня инкогнито тоже прообразилась за границу — и соединилась съ героемъ въ какомъ-то уединенномъ уголкѣ.

За границей дѣйствіе происходитъ, частью на водахъ въ Германіи, а потомъ въ Южной Франціи и Италии. Романъ изобиловалъ описаніями видовъ природы, граціозныхъ и цѣломудренныхъ сценъ любви, тонкихъ замѣтокъ о произведеніяхъ искусства въ музеяхъ и т. п.

Герой и героиня, насыщенные страстью, оба, наконецъ, смутно начинаютъ чувствовать неловкость своего взаимнаго положенія. Кроме того, княгиня замѣчаетъ — сначала усталость въ своемъ другѣ, потомъ и симпатію его къ Лидіи, которую онъ встрѣтилъ гдѣ-то въ Парижѣ, а потомъ въ Швейцаріи, съ тѣткой.

Графъ между тѣмъ давно просрочилъ свой отпускъ и былъ уволенъ отъ службы. Онъ былъ до того поглощенъ страстью къ княгинѣ, что не исполнилъ даже обычныхъ формальностей, не попросилъ отсрочки. Онъ и не хотѣлъ уѣхать этого; законныхъ причинъ у него не было: онъ былъ

здравъ, никакія дѣла не удерживали его за границей,—а лгать, выдумывать предлоги, было не въ его характерѣ. У него былъ предлогъ, и самый уважительный, по законамъ чести—это долгъ принести въ жертву все женшинѣ, которая пожертвовала всѣмъ для него—и онъ подчинился этому закону, къ крайнему отчаянію его матери и всѣхъ военныхъ gros bonnets его круга.

Но когда, послѣ многихъ мѣсяцевъ, проведенныхъ наединѣ, насыщенная страсть успокоилась, потомъ ослабѣла и, наконецъ, совсѣмъ упала — героиня украдкой уѣзжаетъ отъ героя, возвративъ ему свободу.

Графъ и Лидія хотя еще не сблизились между собою, но уже замѣтны были первые признаки сближенія. Въ частыхъ встрѣчахъ въ уединенныхъ затишьяхъ, среди красотъ природы, они пристальнѣе взглядывались другъ въ друга, такъ что можно уже было предвидѣть «зарю» той любви, которую, въ принадкахъ рѣности, предугадывала княгиня.

Романъ кончался пока этимъ. Далѣе, по словамъ автора, еще не было написано.

Прочитавъ первыя главы, авторъ всталъ и предложилъ отдохнуть. Слушатели поднялись съ мѣстъ молча, какъ будто раздумывая, что сказать о первыхъ главахъ — и ничего не сказали; кто позывалъ, кто разминалъ ноги, только Лилина, сіяя улыбкой, твердила «*très joli*», да молодая графиня, дѣвица Синявская, крѣпко скимая руку матери, влажными глазами смотрѣла ей въ глаза и встала вмѣстѣ съ нею съ дивана.

Авторъ и графиня стали ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Вы, графиня, конечно, еще ничего теперь не скажете мнѣ? — спросила она.

— И послѣ не скажу — зачѣмъ?

— Развѣ вы не знаете, какъ я цѣню ваше мнѣніе.

- У меня нѣть мнѣнія, а только впечатлѣніе.
— Скажите ваше впечатлѣніе.
— Не умѣю, его надо угадать.
— Въ глазахъ сфинкса трудно угадывать, развѣ измѣнить улыбка ваша: она у васъ добрѣе глазъ...
— Надѣюсь, не добрѣе улыбки Лилиной; посмотрите, она такъ и сияетъ, такъ и горитъ нетерпѣніемъ сказать вамъ свое впечатлѣніе!

Онъ пожалъ плечами и подошелъ къ Чешневу.

— Вы что скажете, Дмитрій Ивановичъ? — спросилъ онъ старика, въ раздумъи поникнувшаго головой.

— Ничего — я все еще слушаю! — отвѣчалъ тотъ коротко.

Слушатели, стоя группами, говорили совсѣмъ о другомъ. Иные пошли къ буфету «прохладиться», кто зельтерской водой съ шампанскимъ, кто просто шампанскимъ; другіе ушли въ кабинетъ хозяина, выкурили папироску.

Опоздавшій статскій юноша пробрался къ княгинѣ Тецкой и поцѣловалъ у нея руку, съ словами:

- Ma tante!
— Ай! — закричала та и вздрогнула.
Онъ выразительно улыбнулся княжнѣ.
— Eh bien? — спросила она чуть слышно.
— C'est fait, ma cousine!
— Où donc?
— Тамъ, въ швейцарской, въ вашемъ пальто.
— Merci!

Междудѣйствіе принесли чай, мороженое, конфеты. Григорій Петровичъ предлагалъ автору — оршаду, лимонаду, спросилъ, не想要 ли онъ шампанского въ зельтерскую воду, наконецъ, принесъ какой-то флаконъ съ утолющими жажду лепешками, купленный въ англійскомъ магазинѣ.

— Въ Лондонѣ, въ парламентѣ, у всякаго оратора неизменно есть въ карманѣ такой флаконъ! — объяснилъ онъ. — Я буду возить съ собой въ совѣтъ!

— А ты собираешься говорить тамъ рѣчи, какъ въ парламентѣ?—спросилъ его пріятель, толстый Суховъ, и оба засмѣялись.

— Лучше вози въ клубъ, въ субботу, послѣ кулебяки прохладжаться!—прибавилъ онъ.

Урановъ успокоился только тогда, когда авторъ выпилъ чина съ водой и предложилъ читать далѣе, прибавивъ: «если не наскучило!»

— Пусти меня, или пойдемъ къ тебѣ наверхъ!—шепталъ газетный критикъ Кряковъ, косясь на звѣзды мужчинъ: — еще, пожалуй, проврѣшься—воинъ отъ тѣхъ бѣды наживешь!

Онъ указалъ на сановныхъ стариковъ.

Студентъ засмѣялся.

— Вздоръ какой!—сказалъ онъ.—Пойдемъ лучше въ буфетъ.

Всѣ опять усѣлись. Лакеи обирали пустыя чашки, блюдочки отъ мороженаго. Григорій Петровичъ поставилъ хрустальные вазы съ конфетами на столикахъ передъ дамами, а передъ авторомъ успѣль-таки положить фланонъ съ прохладительными лепешками.

Фертовъ облетѣлъ опять всѣхъ слушателей.

— Comme c'est beau! On se croirait transporté à l'epoque d'Homère!—говорилъ онъ то тому, то другому.

— C'est joli!—вторила ему Лилина.

— C'est peu dire joli — c'est sublime! — кинула онъ ей въ отвѣтъ и нагнулся-было къ графу Пестову, чтобы сказать что-нибудь въ этомъ родѣ.

Но авторъ бросилъ на него внушительный взглядъ, и онъ присмирѣлъ.

Кромѣ Чешнева, еще двое гостей не вставали съ мѣстъ: это пожилой беллетристъ, отъ лѣни, должно-быть, только вытянувший немного ноги впередъ, будто потягиваясь, да Иванъ Ивановичъ Кальяновъ, сослуживецъ автора, точно застыль въ своей позѣ. Даже толстый Суховъ, и тотъ ухо-

дить «освѣжиться» и принялъ стаканъ зельтерской воды съ шампанскимъ—«отъ одышки», говорилъ онъ.

Въ буфетѣ хозяинъ учтиво предложилъ и Крякову «освѣжиться».

— Не вредить! — сказалъ онъ и выпилъ стаканъ шампанскаго.

Кальяновъ просто не зналъ, какъ ему быть. Надежда на мистификацію рушилась — онъ видѣлъ это ясно: ни пересмотра проектовъ, ни дополнительныхъ штатовъ, никакихъ смѣть, ничего такого въ романѣ не было. А все что было — ему было чуждо и даже противно, въ родѣ какой-то дѣтской забавы.

Сдавая вступительный экзаменъ въ университетѣ, по факультету камеральныхъ наукъ, между прочимъ и изъ словесности, онъ запомнилъ имена Вальтеръ-Скотта, Бальзала, унасъ — Загоскина и Лажечникова. Позднѣе, въ журналахъ, онъ встрѣчалъ имена Жоржъ Занда, Виктора Гюго, помнилъ, какого шума надѣлала «Капитанская дочка» Пушкина, затѣмъ романы Лажечникова, Лермонтова и Гоголя. Но онъ, ставъ на практическую точку служебныхъ занятій, уже ничего этого послѣ не читалъ — и на романъ смотрѣлъ... просто никакъ не смотрѣлъ. Онъ считалъ это женскимъ или, какъ онъ выражался, бабымъ дѣломъ, и, нахмурясь, смотрѣлъ, какъ у его сестры, старой дѣвушки, цѣлый уголъ, точно дровъ, навалено было русскихъ и французскихъ романовъ.

А теперь вдругъ зовутъ его слушать романъ, — да еще требуютъ критики!

«Что я ему скажу?» раздумывалъ онъ про себя. «А онъ непремѣнно спросить — вонъ, то и дѣло поглядываетъ на меня! Сказать коротко, «никуда не годится», это было бы всего удобнѣе и искреннѣе съ моей стороны — да нельзя, если бъ и хватило духу; надо объяснить, почему не годится. Сказать «очень хорошо», — я рискнулъ бы и на это,

а какъ спросить: что именно и почему хорошо? И когда романъ бываетъ хороши, когда не хороши — чортъ знаетъ! Нѣтъ, не одинъ чортъ: вотъ этотъ журналистъ, сосѣдъ мой, знаетъ; вонъ и тотъ, лѣтаетъ смотреть — тоже знаетъ; и старикъ Чешневъ сидитъ, точно всенощную слушаетъ — и тотъ видно, что въ своей тарелкѣ!»

Онъ съ завистью поглядывалъ на того, на другого изъ слушателей, стараясь уловить, по выражению ихъ лицъ, что имъ нравится, что нѣть, чтобы заготовить по этому себѣ какой-нибудь запасъ заемныхъ впечатлѣній, и продолжалъ тупо и напряженно вслушиваться.

Авторъ между тѣмъ выводилъ лицо за лицомъ, рисовалъ рядъ тонкихъ сценъ, пейзажей; чередою текли благородныя, возвышенныя мысли, блестали искры остроумія, слышались тоны нѣжныхъ чувствъ, или являлись штрихи наблюдательности. Все это свободно вязалось между собою, какъ будто разыгрывалось по потамъ; и послушно выражало главныя задачи или тезисы автора.

Герои были представители принциповъ чести, человѣческаго достоинства и высокой степени умственного и морального развитія — до вѣшней выработки включительно, до умѣнья выражать въ каждомъ шагѣ и словѣ уваженіе къ себѣ и къ другимъ, до изящныхъ, простыхъ и естественныхъ манеръ, до языка и всѣхъ формъ общежитія.

Это была чистая сфера джентльменовъ, салонъ жизни, гдѣ скорби и радости, заботы, труды и удовольствія, мысли, знаніе, искусства, даже самыя страсти, подчинялись строгому регулятору традиціонной школы вершинъ жизни, доступной въ европейскихъ обществахъ ограниченному меньшинству.

Ничего вульгарнаго, никакой черновой, будничной стороны людскаго быта не входило въ рамки этой жизни, гдѣ все было очищено, убрано, освѣщено и украшено, какъ въ свѣтлыхъ и изящныхъ залахъ богатаго дома. Прихожія,

кухни, дворъ, со всею виѣшнею естественностью, — ничего этого не проникало сюда; сяли одни чистые верхи жизни, какъ снѣговыя вершины Альпъ.

Авторъ читалъ слѣдующія за первыми главы — одушевленнѣе, гости слушали напряженнѣе. Всѣхъ охватывала интересъ широко раздинувшагося въ рамкахъ романа.

Только газетный критикъ Кряковъ становился все сердитѣе, по мѣрѣ того, какъ развивался ходъ романа, да еще толстый Суховъ вздыхалъ вслухъ отъ нетерпѣнія. Среди одной сцены, происходившей гдѣ-то въ Италии, онъ даже сказалъ вполголоса своему сосѣду-генералу:

— Завтра дождь будетъ!

— А что? — спросилъ тотъ.

— Мозоли ноютъ. У тебя есть мозоли?

Тотъ отрицательно покачалъ головой.

— Мозоли бываютъ только у учителей да почтальоновъ, — прибавилъ онъ почти обидчиво.

На нихъ разомъ взглянули и авторъ, и хозяинъ; они смолкли, и Суховъ началъ громко дышать носомъ.

Княгиня Тецкая, когда читались сцены свиданія молодыхъ людей наединѣ — вздрогивала, а при описаніи одной дуэли нервно ахнула.

Княжна разъ шесть напускала на лицо непониманіе невинности.

— Mais elle est prude, ta cousine, не можетъ переносить такихъ цѣломудренныхъ сценъ! — тихо говорилъ офицеръ статскому, поймавъ раза два такое выраженіе на ея лицѣ.

— C'est vrai! c'est pour cela que je lui fournis les volumes de Zola; il y en a un — dans ce moment qui l'attend dans l'antichambre: «La Curee». Elle le supporte parfaitement bien...

Оба старались подавить смѣхъ. Хозяинъ издали погрозилъ имъ.

Авторъ все чаще и чаще обращался взглядомъ къ графинѣ Синявской, стараясь уловить ея впечатлѣніе.

При слабыхъ мѣстахъ, длиннотахъ, глаза ея разсѣянно оглядывали стѣны, останавливались на дочери, или смотрѣли внизъ, на коверъ. Не то—такъ она машинально доставала конфету изъ вазы и подавала дочери.

Напротивъ, при живыхъ сценахъ она не сводила глазъ съ автора, а когда появлялись лучи поэзіи, тонкіе штрихи наблюдательности, и сверкала, неожиданностью или смѣлостью оборота, мысль—взглядъ ея дѣлался мягокъ, на губахъ бродила свойственная ей загадочная улыбка. И авторъ читалъ тогда увѣреніе и оживленіе. Когда зато брови ея немного сходились, глаза теряли загадочное выраженіе и улыбка исчезала—онъ бралъ со стола карандашъ и отмѣчалъ на поляхъ NB; это значило—худо. Чешневъ, при такихъ мѣстахъ, тоже—или глубже опускалъ голову, или перекладывать одну ногу на другую.

Авторъ мелькомъ замѣчалъ эти критическіе симптомы. Пожилой литераторъ гладилъ себя, при слабыхъ мѣстахъ, по лысой головѣ, какъ будто внутренно одобрялъ себя мыслью, что самъ онъ лучше написалъ бы эти мѣста.

Авторъ читалъ описание военныхъ маневровъ. Всѣ замерли въ безмолвіи. Въ стереотипное батальное изображеніе воинскихъ рядовъ—авторъ вдохнулъ огонь, далъ душустройной живой массѣ и связалъ органически это цѣлое однимъ чувствомъ и одной мыслью. Кромѣ того, онъ нѣсколькими деталями смягчилъ суровость и однообразіе картины.

Графиня Синявская не сводила глазъ съ автора. Чешневъ тоже во всѣ глаза смотрѣлъ на него, очевидно съ одобрительнымъ чувствомъ.

— C'est bien écrit, n'est-ce pas?—сказалъ вдругъ, точно проснувшись и отнявъ руку отъ уха, графъ Пестовъ, ища глазами вокругъ, къ кому бы обратиться.

— Très bien écrit! oui, très bien, très bien! — энергически подхватили два-три голоса изъ тѣхъ, что находятъ всякое чтеніе, на которое зовутъ, прекраснымъ.

— Pourquoi n'avez vous pas écrit cela en fran ais? — спросилъ графъ, обращаясь къ автору и приставивъ руку къ уху, чтобы выслушать отвѣтъ.

— И какъ вѣроно,— замѣтилъ офицеръ: — а вѣдь онъ не военный! Откуда онъ знаетъ?

— A! c'est une grande capacit ! Une t te, ce qu'on appelle! — говорилъ вполголоса статскій. — Мы къ Борелю отсюда? какъ бы не заперли! — шепотомъ прибавилъ онъ.

— Bah! on nous ouvrira! — уверенно замѣтилъ офицеръ.

— Comme c'est joli! — говорила Лилина княжнъ Тецкой.

— Oui, ch-ar-ma-nt! — протяжно отвѣчала княжна, играя вѣромъ.

— C'est divin! c'est Hom re, doubl  de Tasse! — прибавилъ подскочившій Фертовъ, наклоняясь къ княгинѣ Тецкой. — N'est-ce pas, princesse?

— Охъ! — сдѣлала она, вздрогнувъ.

Фертовъ отскочилъ.

— Чортъ знаетъ, что это такое, эти маневры!.. Казарма! — довольно громко ворчалъ въ углу Кряковъ, такъ что некоторые на него оглянулись.

Студентъ потихоньку смѣялся. Редакторъ журнала держалъ себя скромно и не выражалъ ни одобренія, ни порицанія. Профессоръ одобрительно покачивалъ головою. Пріятель Гречи и Булгарина, старикъ Красноперовъ, сложилъ руки на брюшкѣ и, повидимому, скучалъ.

По мѣрѣ того, какъ чтеніе подвигалось къ концу, Иванъ Ивановичъ Кальяновъ становился покойнѣе; онъ даже повеселѣлъ и смѣлѣе поглядывалъ на автора и на присутствующихъ, почти не вслушиваясь въ послѣднія страницы романа, какъ будто онъ пришелъ къ какому-нибудь критическому заключенію.

Въ половинѣ двѣнадцатаго часа авторъ кончилъ, всталъ и наклонилъ слегка голову, благодаря за вниманіе.

Стулья шумно задвигались, всѣ встали, громко аплоди-
руя, громче всѣхъ тѣ, которые меныше всѣхъ слушали, осо-
бенно толстый Суховъ—отъ удовольствія, что кончилось.

— У меня ноги затекли!—говорилъ онъ пріятелю Гречу
и Булгарина, потирая икры.

Хозяинъ обратился-было съ благодарственными обѣятіями
къ автору, но тотъ съ улыбкою уклонился отъ нихъ.

— Mesdames и messieurs!—сказалъ онъ, укладывая те-
тради въ портфель и передавая его Фертову: — мнѣ поздно
становиться въ положеніе начинающаго автора, и я не ищу
авторскихъ лавровъ, а представляю этотъ опытъ перва прія-
тельскому кругу простѣ, какъ плодъ моего досуга. Мнѣ
давно хотѣлось высказать нѣсколько идей, наблюдений, опы-
товъ и взглядовъ на нашу общественную жизнь, на наши
дѣла, досуги, даже страсти (въ томъ кругу, какъ вы ви-
дѣли, къ которому я имѣю честь принадлежать), между про-
чимъ, взглядъ мой и на искусство, на литературу, и на
романъ тоже, какъ именно я его понимаю. Кромѣ того, я
еще избралъ романъ, какъ форму, въ которой мнѣ легче
высказывать, а слушателямъ удобнѣе узнать мои тезисы и
мои цѣли. Вотъ точка, съ которой я желалъ бы, чтобы слу-
шатели взглянули на этотъ плодъ моихъ досуговъ! Благо-
дарю еще разъ за вниманіе и терпѣніе!

Рукоплесканія усилились. Всѣ окружили автора: одни про-
тягивали руки, прочие кланялись. Только Кряковъ сердито
смотрѣлъ изъ своего угла и на автора, и на гостей.

— Merci!—говорилъ графъ Пестовъ автору.—C'est bien
écrit!

— Très bien écrit! tout-à-fait bien! — подхватили хва-
лители.

— Vous me donnerez un exemplaire; je le mettrai à côte
de J. J. Rousseau.

— Oui, mon prince, je vous l'apporteraï...

Авторъ старался пробраться къ графинѣ, которая стояла съ дочерью у своего мѣста и собиралась уѣхать. Молодая девушка съ наивнымъ удивленіемъ смотрѣла на автора, какъ на героя. На щекахъ у нея рдѣли два розовыя пятнышка, она отъ волненія сильно сжимала обѣ руки у матери. Мать съ улыбкою смотрѣла на автора. Глаза у нея тоже смеялись, должно быть благосклонно, потому что авторъ глядѣть на нее съ улыбкою скромнаго торжества. Она молча подала ему руку, и онъ молча пожалъ ее.

— Позвольте проводить васъ до кареты,—сказалъ онъ.

— Merci, сейчась; вотъ она остынетъ немножко,—отвѣчала графиня, указывая на дочь.— Посмотрите, какъ она взволнована! Вотъ вамъ живое и непритворное впечатлѣніе! Довольны вы?

— А вы сами чѣмъ скажете?

Она улыбнулась по-своему.

— Впрочемъ, нѣтъ, не говорите, ис надо: я уже знаю ваше мнѣніе,—прибавилъ онъ:—я его «видѣлъ».

— Запишите это выраженіе въ романъ, — замѣтила она: — «видѣлъ мнѣніе»! Оно характеристично, какъ весь романъ.

Гости стояли толпой. Хозяинъ куда-то исчезъ. Офицеры и статскій ускользнули къ Борелю; однако, послѣдній успѣхъ напомнить своей кузинѣ, чтобы она не забыла въ швейцарской «La Curee» Zola, положенной ей въ пальто.

Иванъ Ивановичъ Кальяновъ осторожно пробирался къ выходу — еще шагъ и онъ на лѣстницѣ, какъ вдругъ кто-то мягкою рукою взялъ за плечо. Онъ вздрогнулъ, какъ княгиня Тецкая, и оглянулся. Это былъ авторъ.

— Уходите, не сказавъ ни слова! Нѣтъ, вы не отѣлаетесь, — говорилъ онъ: — подождите одну минуту: вотъ меня зоветъ княгиня, я сейчасъ ворочусь.

Онъ подошелъ къ княгинѣ.

— Charmant! Charmant! — говорила она, вздрагивая и
мися:— я очень довольна, и Катъ понравилось... Catherine,
n'est-ce pas?

Дочь отвѣчала условною улыбкою.

— Жаль только, что молодой человѣкъ,—продолжала кня-
гиня съ разстановкой:—бросить службу; онъ испортилъ всю
карьеру и огорчилъ мать!

— Вѣдь это бываетъ,—замѣтилъ небрежно авторъ.

— Да, какъ же: вотъ молодой Ступицынъ—то же самое!
Зачѣмъ же описывать дурное! Это надо скрывать!

Она вздрогнула, а авторъ пожалъ плечами.

— Онъ бы лучше посватался къ другой... какъ ее зо-
вутъ—Лидія?—говорила она.—Comme elle est gentille, cette
petite Lydie; n'est ce pas, Catherine?

— Oui, maman, elle est très bien!..

— Онъ женится на ней потомъ?—спросила княгиня.

— Можетъ-быть... вѣроятно...

— А какъ же княгиня... чѣдъ же она? Одна, въ деревнѣ,
съ графомъ... Это ужасно! Зачѣмъ вы вывели княгиню:
лучше бы простую!

Она сильно вздрогнула. Авторъ стала раскланиваться.

— Attendez donc, еще я хотѣла спросить. Какъ же это
Лидія ъздитъ одна къ этой... потерянной Лизѣ...—шопотомъ
прибавила она, чтобы не слыхала дочь.—Supprimez cela!

Она охнула и вздрогнула. Авторъ подошелъ къ Калья-
нову.

— Чѣдъ же вы скажете: довольны или нѣтъ? — спро-
силъ онъ.

— Прекрасно, — отвѣчалъ тотъ:—какое перо!..—Онъ не
зналъ какой эпитетъ прибавить.—Только...

— Только — что? пожалуйста не стѣсняйтесь, если не
служба, такъ дружба обязываетъ васъ къ откровенности.
Чѣдъ вы замѣтили?

— Вотъ у васъ,—смѣло заговорилъ Кальяновъ:—сказано,

что восточный вѣтеръ нагоняетъ тучи, дождь... а я живу на дачѣ, на Выборгской сторонѣ, такъ-сказать, подъ самыемъ восточнымъ вѣтромъ, и всегда замѣчалъ, что онъ именно приносить ясную погоду. Бывало, въ ненастье ждешь его, какъ благодати...

Авторъ засмѣялся.

— А когда вы живете на дачѣ?—спросилъ онъ.

— Вотъ на-дняхъ переѣзжаю, на той недѣлѣ, лишь только подуетъ восточный вѣтеръ! — отвѣчалъ, смѣясь же, Кальяновъ.

— И останетесь тамъ...

— До половины сентября, если вы разрѣшите.

— Нѣтъ, я дамъ вамъ предписаніе остатся, по дѣламъ службы, до января,—сказалъ Бебиковъ:—и наблюдать, какую погоду приносить восточный вѣтеръ осенью!

Онъ съ улыбкой глядѣлъ на Кальянова, который въ раздумы старался припомнить, какова бываетъ погода при этихъ условіяхъ.

— Но я вамъ благодаренъ,—прибавилъ авторъ:—что вы даже и на мелочи обратили вниманіе.

— Зато все остальное уже безупречно!— рискнулъ Кальяновъ кинуть вслѣдъ уходившему автору, но тотъ, улыбаясь, какъ бомбу, бросилъ ему въ отвѣтъ фразу:

— Мы еще обѣ этомъ поговоримъ!

«Вотъ тебѣ разъ!—размышлялъ онъ, спускаясь съ лѣстницы:— а я думалъ, что ужъ и отѣлался! Постой, постой! — вспомнилъ онъ:— у меня еще мелькали какія-то два замѣчанія: одно — ошибка противъ гражданского права, а другое... другое... что, бишь, такое?»—И онъ, очень довольный, уѣхалъ домой.

Въ залѣ слушатели вполголоса разбирали романъ, стараясь выказать критический такъ другъ другу. Авторъ опять ходилъ съ графинею взадъ и впередъ, ожидая хозяина, чтобы проститься и уѣхать. Княгиня тоже собиралась

уѣхать и укладывала свою работу въ мѣшокъ. Дочь накидывала ей мантилью на плечи.

— Et où est Woldemar? — вдругъ спросила княгиня, оглядываясь.

— Il est parti, maman.

Княгиня вздрогнула.

— И не проводилъ насъ! — сказала она: — завтра ему надо голову вымыть; онъ такой же непослушный, какъ этотъ офицеръ, про которого читали. N'est-ce pas?

— Oui, maman!

Старикъ Чешневъ подошелъ къ автору.

— Чѣмъ скажете, Дмитрій Ивановичъ? — спросилъ онъ.

— Скажу, что вы сдѣлали подвигъ. Говорить, какъ вы сдѣлали, надо бы долго говорить и, пожалуй, пришлось бы кое о чѣмъ спросить. Но что это подвигъ, сказать все это, стать смѣло противъ потока, — въ томъ спорить нельзя! Вы ополчились за добрыя общественные начала, за религию, за нравы, за благовоспитанность, за чистоту вкуса въ искусствѣ; будьте же мужественны и доведите подвигъ до конца!

— Аминь! — сказала графиня!

— Подвигъ съ вашей стороны — выслушать! — прибавилъ, улыбаясь; всегда находчивый авторъ. — Если у васъ достанетъ терпѣнія — я почерпну въ немъ силу довершить свое дѣло.

Пока авторъ выслушивалъ эти привѣтствія, Кряковъ собирался уходить, но студентъ его не пускалъ. Лилия вертѣлась около автора, чтобы въ десятый разъ сказать ему свое «très-joli». Графа Пестова — Фертовъ и другой гость вели подъ руку къ выходу.

— Dites-lui, qu'il écrive cela en fran ais! — говорилъ графъ спутникамъ.

— Oui, mon prince, — отвѣчали они.

Нѣкоторые гости позывали въ руку и тоже готовились уѣзжать.

— Гдѣ же Григорій Петровичъ? — спросилъ кто-то громко; — бросилъ нась и проститься не хочетъ!

Въ это время отворилась дверь изъ столовой и явился Григорій Петровичъ съ метръ-д'отелемъ, который на всю залу возгласилъ:

— Messieurs et mesdames sont servis!

Всѣ оѣпенѣли на минуту. Въ столовой видѣть были длинный сервированный столъ, ярко освѣщенный канделябрами, и толпа офиціантовъ.

— Прошу! mesdames, messieurs!! Чтѣ это — вы собираетесь уѣхать! Какъ это можно, отъ ужина!

Онъ бросился къ гостямъ, къ дамамъ, упрашивалъ, у мужчинъ отнималъ шляпы. Но дамы, кроме Лилиной, отказались. Отказался и авторъ, извиняясь усталостью. Онъ подалъ руку графинѣ Синявской и повелъ ее съ дочерью до кареты.

Хозяинъ чуть не плакалъ; онъ убѣждалъ всѣхъ другихъ остататься, а упрямыхъ почти силою толкалъ въ столовую, въ томъ числѣ и Крякова.

— Не откажите мнѣ въ удовольствіи отужинать съ нами! — вѣжливо просилъ онъ его.

— Хорошо, хорошо, — сказалъ тотъ: — это кстати, я проголодался!

Онъ гостепріимнаго хозяина какъ рублемъ подарилъ.

— И прекрасно! — сказалъ онъ, пожимая ему руку: — я очень радъ. Митя! веди гостя и постараися занять его, чтобы онъ не соскучился у нась!

Митя засмѣялся и повелъ его въ столовую, куда, подъ руку съ Лилиной, вошелъ Чешневъ, потомъ журналистъ, профессоръ, Красноперовъ и всѣ прочіе. Толстый Суховъ и военныи генералъ были уже тамъ и закусывали.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

УЖИНЪ.

— Господа! — сказалъ хозяинъ, когда всѣ усѣлись за столъ:—теперь моя очередь: я авторъ меню ужина. Поваръ только слѣпой исполнитель моей программы. Прошу пода-рить и мое произведеніе вниманіемъ, какимъ вы почтили нынѣшнее чтеніе. Прочти меню, — обратился онъ къ Су-хову: — вотъ оно подлѣ тебя лежитъ, чтобы гости знали, какъ распорядиться аппетитомъ.

Суховъ хватился за карманъ достать очки, но тамъ ихъ не оказалось.

— Potage—nids d'hirondelles,—читаль онъ наизусть:—filets d'éléphant и pattes de crocodile à la tortue; légumes—jouc d'Espagne au jus de scorpions...

Всѣ засмѣялись.

— Какая гадость!—сказалъ Урановъ:—вѣдь ты аппетитъ отобѣешь.

И самъ прочиталъ меню.

Вместо крокодила и слона оказались: дикая коза, стер-лядь, перепелки, всѣ примѣры зелени и фруктовъ.

Послѣ первыхъ двухъ блюдъ, заговорили о читанномъ романѣ. Первая подала голосъ Лилина.

— Comme c'est joli, n'est-ce pas? Я все еще подъ влія-ніемъ этого чтенія! Кажется, никогда не забуду! Charmant! Charmant!—твердила она съ своею дѣтскою улыбкою, какъ дѣвочка, которой подарили новую куклу.

— Вамъ нравится?—насмѣшливо спросилъ ее Кряковъ:—поздравляю васъ: у васъ хороший вкусъ!

Она сконфузилась и посмотрѣла на другихъ.

— Вы не конфузьтесь!—продолжалъ Кряковъ, и самъ въ то же время ъль съ большимъ аппетитомъ.

— Отъ чего мнѣ конфузиться? я думаю... и другое того же мнѣнія! — сказала она.

— Это дамское кушанье, конфетка! — продолжалъ онъ, наливая себѣ краснаго вина. — «*C'est joli, très-joli*» хвалили вы: это достойная похвала автору изъ вашихъ устъ!

Всѣ улыбались, глядя на него, а онъ допилъ стаканъ съ виномъ и, кажется, не замѣчалъ улыбокъ!

— Славное у васъ вино! — обратился Кряковъ къ хозяину: — и стерлядь отличная, жирная!

— Очень радъ, что мое скромное угоженіе вамъ нравится! — сказалъ Урановъ: — не прикажете ли еще? Человѣкъ, подай блюдо!

— Что жъ, я возьму!

И онъ взялъ другую порцію. Всѣ стали смотрѣть на него съ любопытствомъ.

— А романъ все-таки очень хорошъ! — сказалъ хозяинъ.

— И какъ хорошо авторъ читаетъ, какой пріятный голосъ, и манера благородная. Языкъ тоже славный! — хвалилъ профессоръ.

— Да... это замѣчательное произведеніе въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ!... — сдержанно замѣтилъ редакторъ журнала.

— Хорошо, очень хорошо! я съ удовольствіемъ слушаю! — похвалилъ генераль. — Теперь что-то не пишутъ такъ!

— Какъ это «такъ»? — спросилъ Урановъ.

— Такъ пріятно, плавно, по-русски, чтобы всякий понималъ! Возьмешь книгу или газету — и не знаешь, русскую или иностранную грамоту читаешь! Объективный, субъективный, эксплоатация, инспирація, конкуренція, интелигенція — такъ и погоняютъ одно другое! Вместо швейцара пишутъ тебѣ портье, вместо хозяйка или покровительница — патронесса! Еще выдумали слово «игнорировать»!

— Да и по-русски-то стали писать, Боже упаси, какъ! —

вздохнувъ, вмѣшался старикъ Краснoperовъ, пріятель Гречи и Булгарина:—напримѣръ, выдумали—«немыслимо», а чѣмъ было худо слово «невообразимо»? Нѣтъ, оно, видите, старое, такъ прочь его! Или, всѣ говорили и писали: «такой-то или такие-то обращаются къ тому, другому, или другъ съ другомъ такъ-то»; не понравилось имъ, давай мѣнять: «такой-то относится-де такъ-то». Лучше ли это, я васъ спрашивалъ?

Онъ обратился къ редактору журнала.

— Одно другому не мѣшаетъ,—отвѣчалъ тотъ небрежно:— «немыслимо» и «невообразимо» вовсе не одно и то же, такъ же, какъ и слова: «обращаться» и «относиться»!

— Совершенно справедливо,—подтвердилъ профессоръ:— это даже и не синонимы. Зачѣмъ стѣснять свободу языка? пусть онъ обогащается путемъ печатнаго слова! Неологизмы, чуждые духу языка, никогда не войдутъ въ плоть и кровь его. Чѣмъ больше словъ, тѣмъ лучше!

— Ты, Иванъ Петровичъ, не связывайся съ ними,—сказалъ Суховъ тихо Краснoperову:—они загоняютъ тебя. Народъ ученый!

Иванъ Петровичъ обидѣлся.

— Пожалуйста! не загоняютъ!—вслухъ возразилъ онъ.— Николай Ивановичъ и Фаддей Венедиковичъ не чета были нынѣшнимъ, а и тѣ уважали мое мнѣніе? Это правда, что языкъ обогащается постепенно, какъ вы изволите говорить,— обратился онъ къ профессору:—только позвольте дождѣть, что это обогащеніе производится писателями съ вѣсомъ. Напримѣръ, вотъ Николай Михайловичъ Карамзинъ ввелъ слово *промышленность*, его всѣ и приняли. Василій Андреевичъ Жуковскій тоже много обогатилъ россійскую словесность и облагородилъ простонародный языкъ; передъ нимъ еще Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ. Такъ вѣдь какіе же это были и люди! Одинъ—исторіографъ, другой—министръ, третій — наставникъ царскихъ дѣтей! Александръ Сергеевичъ

Пушкинъ уже шелъ по ихъ слѣдамъ. Вотъ они-то и поставили нашъ языкъ на твердое основаніе. А Николай Ивановичъ Гречъ и Фаддей Венедиктовичъ Булгаринъ были на стражѣ и бдительно охраняли правильность и неприкосно-вѣнность слога. Не стало ихъ—и ворвались нововводители! Кто ихъ послушаетъ? Откуда они явились?

— Оттуда же, я думаю, откуда и Карамзинъ съ Жуковскимъ и Дмитріевымъ, и мы съ вами тоже: все изъ одного мѣста!—сказалъ Кряковъ.

Всѣ улыбались. Лилина вспыхнула.

— Что правда, то правда! съ этимъ спорить нельзя! — подтвердилъ и Суховъ.

— При тѣхъ не смѣли бы такъ вольничать!—продолжалъ Краснoperовъ, не слушая его: — бывало, сочинители по стрункѣ ходили, и тѣ изъ нихъ только и выходили въ люди, которые побывали въ ихъ школѣ. Сколько ихъ, бывало, являлось къ Николаю Ивановичу на поклонъ и выслушивало отъ него благіе совѣты, да слѣдовали имъ!

— Который вамъ годокъ? — вдругъ спросилъ Кряковъ Краснoperова.

Обицій смѣхъ покрылъ его вопросъ. Тотъ сердито молчалъ.

— А что?—спросилъ Суховъ, которому, очевидно, нравился задоръ въ противникахъ.

— Да ужъ очень отзывается доорымъ старымъ временемъ! — отвѣталъ тотъ безцеремонно. — Вы, я думаю, родились при «старомъ и новомъ слогѣ»?

— А что жъ, худо было, что ли, тогда, при Александрѣ Семеновичѣ Шиниковѣ?—сердито возразилъ Краснoperовъ.—Тогда умѣли слушаться старшихъ — и былъ порядокъ. Отъ Гречи и Булгарина доставалось не мало и Александру Сергеевичу, когда онъ былъ молодъ и вольничалъ! А прочие ходили тише воды, ниже травы.

— Какъ неходить, когда ихъ, бывало, сѣкли, а Булга-

ринь и Гречь приговаривали! — вдругъ провозгласилъ Кряковъ при общемъ смѣхѣ.

— Такъ и надо! не худо бы и теперь! — ворчалъ Краснoperовъ ближайшимъ сосѣдямъ: Уранову, Сухову и генералу: — а то ужъ очень расходились! Я бы всѣмъ сочинителямъ при полиціи списки завель, да выдавалъ бы имъ желтые билеты на жительство.

Кругомъ его всѣ смѣялись.

— За что такъ немилостиво? — спросилъ съ добродушнымъ смѣхомъ профессоръ. — Вѣдь уже это почти все было прежде; если не желтые билеты, такъ была, кажется, какая-то особыя книга, куда записывали литераторовъ... Но и это не помогло: сами же вы говорите, что сочинители ушли изъ подъ ферулы...

— А зачѣмъ выпускали? Правительство ослабѣло, строгости нѣть! — горячился Краснoperовъ: — вотъ и порядка нѣть! Страху бы намъ, страху! вотъ что нужно, а не свободу печати!.. Даль бы я имъ свободу! Сколько зла отъ этого! Боже мой, сколько зла!

— Какое же зло? и будто все зло? — спросилъ, тоже смѣясь, журналистъ.

— Какое! Вы еще спрашиваете! Развѣ не видите! Все колеблется, разсыпается врознь, ни у кого нѣть ничего святого!

— Не печать же виновата, помилуйте! — сказалъ журналистъ.

— Вездѣ смуты, раздоры... — твердилъ Краснoperовъ, не слушая.

— Потопы, трусы, братъ лѣзеть на брата, — подсказывалъ Суховъ. — Такъ, такъ, Иванъ Петровичъ, молодецъ! Хорошенько пхъ! За твое здоровье! — У тебя нынче весело, Григорій Петровичъ! — прибавилъ онъ, обращаясь къ Уранову.

— Да, смѣйтесь, смѣйтесь! Вы сами потакаете этимъ

новымъ!—горячился еще больше Краснoperовъ:—что мудрено послѣ этого, что дѣти чуть не рѣжутъ родителей...

— А родители дѣтей! — подсказывалъ опять Суховъ. — Правильно!

— Да! и нравильно! Перестанешь смѣяться, какъ воинъ этакіе новые умники (онъ кивнула на Крякова, а Кряковъ въ отвѣтъ кивнулъ ему) придутъ къ тебѣ, да объявятъ, что домъ твой въ Большой Конюшенной не твой, а ихъ; что все общее... А тебя вытолкаютъ воинъ! Будетъ тогда «весело!»

— Господи помилуй! Что ты это на почь пугаешь! — говорилъ Суховъ. — Слышите, чтѣ онъ говорить! — обратился онъ къ Уранову и генералу. — Не бойся, мой другъ, — привыкъ онъ успокаительно: — всѣ эти отрицатели и разрушители, если не обо чѣ-либо другое, такъ о себѣ же самъ лобъ себѣ разобьютъ!

— Я старѣе вѣсъ тутъ — и могу говорить... — пастаивалъ на своею Краснoperовъ.

— И говоришь по опыту, что ли?

— Богъ миловалъ иока, а коли вы такъ равнодушно глядите на всѣ затѣи, да идеи этихъ мальчишекъ, чтѣ величаютъ себя новымъ поколѣніемъ, и мѣръ не принимаете... такъ дождетсясъ, что и у насъ заведутъ коммуну! Смотри-ка, чтѣ теперь дѣлается! Старшихъ иѣть, перемерли, учить уму-разуму некому! Что если бы они возстали изъ гробовъ!..

— Ихъ теперь посадили бы въ кунсткамеру, а съ ними и вѣсъ! — сказалъ Кряковъ.

Краснoperовъ разсердился, особенно когда это замѣчаніе встрѣтило смѣхъ даже около него.

— А вѣсъ, милостивый государь, и всѣхъ подобныхъ вамъ сочинителей, которые такъ разсуждаютъ, ужъ, извините, я бы не туда посадилъ! — горячо замѣтилъ онъ учительскимъ тономъ.

— Сажаютъ, уснокойтесь, господинъ Фамусовъ: вы еще не всѣ перевелись на Руси!

Всѣ смѣялись, глядя на задоръ противниковъ.

— Что это, какъ здѣсь весело сегодня! — повторилъ Су-
ховъ.

— Ты не обижайся, Иванъ Петровичъ! — шепнула хозяйинъ старику: — лучше послушаемъ! Любопытно, до чего онъ договорится.

Но Краснoperовъ не слушалъ.

— Что смѣетесь! — говорилъ онъ раздражительно гостямъ постарше: — вы ему въ руку смѣетесь и угощаете новому поколѣнію; да, вы унижаетесь передъ нимъ, стыдно показаться отсталыми! Что? неправда?

— Что ты! — внушительно сказалъ хозяинъ: — что намъ за надобность угождать, вѣдь мы не ребята; чего намъ заискивать у новаго поколѣнія? Мы его не боимся и ничего не ждемъ отъ него дурнаго. Вонъ онъ (онъ указалъ на племянника) тоже новое поколѣніе: что жъ, дуренъ, что ли? Въ большинствѣ и всѣ они такіе, и дай Богъ, чтобъ были такие.

— Кланяйся и благодари! — сказалъ Кряковъ, погладивъ студента по головѣ.

— Какая же намъ причина потакать такимъ ужасамъ, какіе ты разсказываешь? — продолжалъ Урановъ.

— Какая причина... изволь, я скажу.

— Говори.

— Вы всѣ сами нигилисты, вотъ что! — брякнулъ онъ. Всѣ весело, со смѣхомъ, глядѣли на него.

— C'est trop fort! — замѣтили на другомъ концѣ стола.

— Какъ такъ! Богъ съ тобою! — говорилъ Урановъ. — Объяснись, пожалуйста!

— Да такъ! вы сами заодно съ этими новыми. Кто больше, кто меньше... но всѣ, всѣ! Напримѣръ, иные изъ васть — и я знаю кто — вѣрють въ Бога по-своему, а не такъ, какъ указываетъ православная церковь; ходятъ разъ въ годъ на исповѣдь, «для примѣра» — говорятъ; другие испо-

въдуютъ противный господствующему строю правительства образъ мыслей и разсуждаютъ объ этомъ подъ рукой съ пріятелями, а сынки слушаютъ, да на усть мотаютъ! Что мудренаго послѣ этого, что они не признаютъ и не уважаютъ ничего и никого!

Всѣ смотрѣли на него съ любопытствомъ и слушали съ улыбкою.

— Вотъ извольте видѣть,—замѣтилъ журналистъ:— а вы все на печать!

— А печать поддерживаетъ, подстрекаетъ! — говорилъ Красноперовъ.

— Нельзя ли указать, гдѣ и какъ?

— Да вездѣ! Гдѣ я теперь припомню? Да и припомнить нечего.

Красноперовъ очевидно затруднялся.

— Чего тутъ указывать, все никуда не годится! — ворчалъ онъ. — Вотъ Николай Ивановичъ или Фаддей Венедиктовичъ, тѣ сейчасъ бы указали, за словомъ въ карманъ не полѣзли бы! Я не цензоръ—что мнѣ!

Онъ не зналъ, что сказать. Но заговорилъ неожиданно новый собесѣдникъ. Это былъ худощавый господинъ въ синихъ очкахъ, съ легко просѣдью, въ бакенбардахъ, съ гладко выбритымъ подбородкомъ, прилично одѣтый. Онъ все молчалъ и слушалъ прилежно, смиренно потупляя взоръ въ тарелку и по временамъ вглядываясь изъ-подъ очковъ то въ того, то въ другого изъ собесѣдниковъ.

— Вы изволите спрашивать подтвержденіе тому, что Иванъ Петровичъ излагали сейчасъ насчетъ распространенія путемъ печати превратныхъ идей...—сказалъ онъ вкрадчиво журналисту.

— Да-съ! не возьмете ли вы на себя трудъ доказать, чѣмъ это подтверждается въ печати?

— Нѣтъ-съ, нѣтъ... положительнымъ образомъ не подтверждается, это точно-съ...

— Вотъ видите! — сказалъ журналистъ Красноперову.

— Противнаго религії, — продолжалъ новый собесѣдникъ: — въ печати нѣтъ-сь, это правда. Оно и понятно: не позволили бы. Но зато ни одинъ журналъ не ополчается и за религію...

— Зачѣмъ же, когда вы сами говорите, что на нее не нападаютъ?

— Не нападаютъ, это такъ-сь, — продолжали синія очки: — но упадокъ религіознаго начала въ обществѣ ощущаленъ, а поддержки ему никакой нѣтъ... Напримѣръ, въ журналахъ, — и въ вашемъ тоже, извините, — на трехъ-четырехстахъ страницахъ нигдѣ не встрѣтишь, чтобы упоминалось имя Божіе. Это очень знаменательно...

Всѣ съ любопытствомъ глядѣли на него и на журналиста.

— Dieu-Dieu-Dieu-Dieu! — зачастилъ кто-то въ концѣ стола.

— Что, не правду я говорилъ? — подтвердилъ Красноперовъ. — Не я одинъ, а и другіе заключаютъ...

— Я ничего не заключаю-сь, я только хотѣлъ бы прояснить этотъ вопросъ изъ любопытства... — поспѣшило прибавить гость въ синихъ очкахъ.

— Кто это? — вполноголоса спросилъ генераль у Сухова про синія очки.

— Не знаю! — сказалъ тотъ. — Надо спросить Григорія Петровича.

— Сикофантъ, развѣ не видите! — вдругъ брякнулъ Кряковъ, услыхавшій вопросъ генерала.

Чешневъ даже слегка вздрогнулъ.

— Что это, фамилія, что ли, его? — спросилъ генераль и немножко смущился, когда нѣкоторые засмѣялись и даже Чешневъ улыбнулся.

— Нѣтъ! это имя ему при крещеніи нарекли! — добавилъ Кряковъ.

Всѣ старались сдержать смѣхъ.

Гость въ синихъ очкахъ, должно-быть, не слыхалъ Урановъ тихонько объяснилъ, что фамилія его Трухинъ.

— Онъ служить у Алексея Петровича,—прибавилъ онъ:— тотъ прислалъ его на чтеніе вмѣсто себя; онъ говорилъ, что этотъ господинъ все печатное читаетъ; ни слова по пропускаетъ, все знаетъ и ему обстоятельно докладываетъ, такъ что тому ни газетъ, ни журналовъ читать самому не нужно.

— Что же это, по вашему мнѣнію, значить, что имя Божіе не призываются въ журналахъ всуе?—спросилъ журналистъ у Трухина:—это скорѣе показываетъ уваженіе къ религіи...

— Та-та-та, не лукавьте, милостивый государь!—остановилъ его Красноперовъ:—вовсе не отъ избытка благоговѣнія не упоминаете вы о Богѣ, а потому, что не вѣрюете! Или вѣрюете по Ренану: Спаситель-де принесъ въ міръ прекрасное ученіе, а самъ былъ хорошій человѣкъ, а не Богъ! Вотъ вѣдь что у васъ на умѣ?

Всѣ улыбались.

— Почему же вы это знаете? — спросилъ журналистъ, тоже улыбаясь.

— Какъ не знать! Всѣ знаютъ! теперь этого и не скрываютъ никто, до того дошло! Даже щеголяютъ этимъ: вотъ-моль, какие мы умные! Иначе какъ бы не напечатать обѣ упадкѣ религіи и не поддержать ее? А вы только обѣ упадкѣ курса пишете, да перечите правительству!

— На то специальные духовные журналы есть,—замѣтилъ журналистъ: — тамъ и пишутъ о подобныхъ предметахъ...

— Да вѣдь вы сами говорили, что поповъ трогать нельзя; тронь, такъ вы грозите посадить куда-то автора!—замѣтилъ Кряковъ Красноперову.

— Вы хитры!—возразилъ тотъ:—изъ воды сухи выйдете!

Трогать духовныхъ особъ не велять, такъ какъ вы обзовете ихъ клерикалами, да и давай глумиться надъ ними!

— Это точно, бываетъ...—подтвердилъ Трухинъ.

— Зато, кажется, печать оказываетъ и не малую пользу—и правительству, и обществу. Согласитесь съ этимъ!—вразбрь ему журналистъ.

— О, конечно-съ, конечно-съ... большую, большую пользу! — согласился Трухинъ. — Печать горячо преслѣдує кражи, убийства, всякие скандалы! Сломаютъ ли кружку у церкви, или расхитятъ кассу въ банкѣ—вся прессы дружно и громко предаетъ гласности и кражу, и вора; всякия публичныя безобразія, также неисправности администраторовъ, особенно повыше, тоже непремѣнно обличить, по косточкамъ разбереть.

— Даже если пьяный съ барки упадетъ въ воду и выльется—и то не пропуститъ!—прибавилъ Суховъ.

— Чего же вы еще хотите?

— Но она нерѣдко пропускаетъ безъ вниманія очень серьезныя вещи, и это меня иногда удивляло, признаюсь! отъ беспечности ли, или отъ чего другого? Вотъ въ чемъ мнѣ любопытно бы попросить разъясненія... — продолжали синія очки.

— Напримеръ, какія вещи?—спросилъ журналистъ.

— Напримеръ, вотъ хотя бы въ прошломъ году произошла смута между молодежью: разнесли столы, стулья, выгнали профессора...

— Что же, прессы не умолчала; обѣ этомъ всѣ журналы прокричали.

— Заявила, единогласно заявила, — это правда, правда! И какъ вѣрно, точно, отчетливо...

— Такъ что же?

— Мнѣ только любопытно бы знать,—смиренно продолжали синія очки: — отчего прессы поскучилась на осуждение этого поступка по достоинству... не прибавила ни сло-

ва отъ себя? Не пожурила, не разъяснила неприличія. Это бы не могло не подействовать на молодые умы благотворно, я полагаю...

— А случись противное, печать бы не молчала!—замѣтилъ Краснoperовъ.

— То есть, взбунтуйся профессоръ противъ учениковъ, тогда бы печать напала на него! Такъ ли, по-вашему?—спросилъ Кряковъ при общемъ смѣхѣ.

— Да! такъ, такъ! не смѣйтесь! ораторствовалъ Краснoperовъ:—чуть гдѣ-нибудь учитель выдереть ученика за вихоръ, по-нашему, по-старому, или вытурить директоръ изъ училища лѣнтия, а тотъ сдуру топиться пойдетъ—сейчасъ газеты такъ и завопятъ: «ахти, какой директоръ злодѣй!»

— Если одни журналы умалчиваютъ, по вашему мнѣнію, о чёмъ вы говорите, и преслѣдуютъ какія-нибудь свои задачи,—замѣтилъ журналистъ гостю въ спинахъ очкахъ:—зато другие становятся на защиту тѣхъ вопросовъ, о которыхъ упомянули сейчасъ.

— Чѣмъ нынѣшніе журналы! Вотъ Николай Ивановичъ и Фаддей Венедиктовичъ—тѣ сумѣли бы постоять за порядокъ!—сказалъ Краснoperовъ.—То быль вѣкъ, когда...

— Когда водились еще гориллы, отъ которыхъ и произошли нынѣшніе сикофанты!—досказалъ Кряковъ, поглядывая на синія очки.

Кругомъ его засмѣялись, больше всѣхъ студентъ.

— Что это за неурядица такая, право! ну что бы всѣмъ дружно, да мирно идти однимъ путемъ, рука въ руку!—мечталъ генераль, обращаясь къ Сухову.

— И нога въ ногу, по-военному!—договорилъ Суховъ.—А ты что не идешь въ своею комитетъ рука въ руку и не ходишь нога въ ногу съ Кураковымъ и Петрищевымъ, а все вздоришь?

Генераль такъ и затрясся весь.

— Съ этими...—началъ онъ.

— Сикофантами, что ли? — подсказалъ Суховъ, и оба захохотали.

— Ну, и у сочинителей то же самое! — прибавилъ Суховъ.

— Духъ вѣка пробивается, генераль! — сказалъ профессоръ:—кишитъ работа, совершается великая борьба идей, понятий, интересовъ... исхода которой мы, конечно, не увидимъ. Сила вещей приведетъ все къциальному концу. Нужно терпѣніе... не мы, такъ дѣти увидятъ тотъ порядокъ, который долженъ выработать изъ этого хаоса.

— Вотъ что значитъ профессоръ, сейчасъ нашелъ ключъ къ ларчику и рѣшилъ—какъ быть и что дѣлать, и средство такое простое предписалъ: терпѣніе! Всѣхъ и успокоплъ! Покорнѣйше благодаримъ! — сказалъ Кряковъ, кланяясь профессору.

— Страху бы намъ, страху! вотъ чего недостаетъ! — твердилъ свое Красноперовъ.

— Позвольте обратиться къ нынѣшнему чтенію,—сказалъ хозяинъ: — я имѣю сдѣлать предложеніе. Достоинство новаго произведенія признано, сколько я замѣтилъ, всѣми слушателями...

Кряковъ задвигался на стулѣ и хотѣлъ что-то сказать, но былъ удержанъ студентомъ.

— Мне хотѣлось бы выразить благодарность автору за доставленное всѣмъ намъ удовольствіе, — продолжалъ хозяинъ.—У меня есть старинный кубокъ, работы Бенвенуто-Челлини—дѣдъ мой изъ Венеціи привезъ — воинъ онъ, въ шкатулѣ! — Достаньте! — обратился онъ къ дворецкому.

Тотъ ушелъ за ключомъ.

— Чѣмъ если мы велимъ вырѣзать па немъ всѣ наши имена и поднесемъ автору на память нынѣшняго чтенія! Какъ вы думаете?

— Кромѣ моего имени: я не желаю,—отрѣзалъ Кряковъ.

• Всѣ взглянули на него съ удивленіемъ.

— Очень хорошо,—вѣжливо, но сдержанно замѣтилъ хозяинъ, послѣ минуты молчанія:—мы вѣдь обойдемъ. А вы согласны?—спросилъ онъ, обводя глазами собраніе.

— Конечно! конечно! Какая славная мысль! Покорнѣйше просимъ!—раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Меня, меня не забудьте!—нѣжнымъ голосомъ просила Лилина.

Дворецкій подалъ кубокъ, и всѣ передавали его изъ рукъ въ руки.

— Отчего вы не желаете присоединиться къ намъ?—спросилъ кротко Крякова стариkъ Чешневъ.—Вы имѣете какія-нибудь свои особенные причины?

— Да, имѣю.

— Или не находите романъ заслуживающимъ этого вниманія?

— Да, и романъ не нахожу заслуживающимъ! — такъ и рубиль Кряковъ.

— Если бъ это было и такъ, то, независимо отъ критики, нашъ кружокъ хочетъ благодарить автора за его намѣреніе сдѣлать удовольствіе...

— Пусть благодаритъ, а я не стану!

Чешневъ вздохнулъ съ прискорбiemъ.

— Отчего же?—спросилъ онъ.

— Зачѣмъ онъ написалъ этотъ романъ?—задорно упрекнулъ Кряковъ.

— Какъ зачѣмъ? Вы слышали, какъ онъ объяснялъ свои мотивы: желаніе, въ формѣ романа, высказать нѣсколько идей, наблюдений, опытовъ... И онъ успѣлъ, не только со стороны содержанія, но и формы, и далъ тонкое, изящное произведеніе...

— Не зачѣмъ распространять свои допотопныя идеи и возвращать насъ за сто лѣтъ назадъ! Это все отжило! А если написалъ для забавы, такъ читай на ухо тому глупому

хому графу, что подлъ него сидѣль, да вонь господину Краснoperову; тѣ и удовлетворятся! А онъ собралъ вонь сколько народу, — это ужъ публика; значитъ, у него не просто забава была на умъ, а поученіе, претензія! Пожалуй и въ печать сунется! Покажись только — я бы ему дать знать!

Студентъ засмѣялся.

— Этотъ критикъ, въ самомъ дѣлѣ, должно-быть, крокодила обѣлся! — шепнулъ одинъ гость другому — изъ тѣхъ, что находятъ всякое чтеніе, на которое зовутъ, прекраснымъ.

Всѣ молчали. Кряковъ тоже замолчалъ и сердито жевалъ, обводя гостей глазами и ожидая возраженія.

Старикъ Чешневъ былъ какъ будто лично оскорблень. По своей впечатлительности онъ былъ до крайности чуточка, опущая пріятное и непріятное, какъ тепло и холодъ, не могъ воздержаться и не выразить своего ощущенія словомъ или жестомъ, иногда рѣчью.

— Если бъ это было и такъ, если бъ этотъ романъ не имѣть достоинствъ и его не слѣдовало писать и даже читать, — говорилъ онъ сосѣду своему вполголоса, медленно, точно шѣль: — то неужели этотъ гость, приглашенный въ интимный кружокъ друзей автора, не понимаетъ неумѣстности своего протesta!

Онъ вздохнулъ и опустилъ голову.

— Вы обо мнѣ говорите? — рѣзко обратился къ нему Кряковъ, до которого долетѣло нѣсколько словъ.

Чешневъ взглянулъ на него какъ будто съ состраданіемъ и не сказалъ ничего.

Урановъ началъ немного беспокойться и поглядывалъ съ недоумѣniемъ то на Крякова, то на своего племянника, какъ бы спрашивая послѣдняго глазами: — «какого это гостя привезъ ты ко мнѣ?» Но студентъ старался не смотрѣть на дядю.

— Вы требуете, чтобы я хвалилъ то, что нахожу дурнымъ; это противно моимъ принципамъ! — заключилъ Кряковъ.

— Слышишь — «принципы», это стойти «игнорированья», — тихо замѣтилъ генералъ Сухову.

— Вы дали преимущество одному принципу и забыли о другихъ, которые нужно было тоже соблюсти въ эту минуту здѣсь... — сказалъ небрежно Чешневъ, глядя въ сторону.

— Вы хотите дать мнѣ урокъ приличія? Благодарю! Но я ему не послѣду — и въ угоду вамъ, или хозяину, за его ужинъ, не стану восхищаться тѣмъ, чтò никуда не годится. Это заячы души способны такъ поступать!

— Ого! — замѣтилъ кто-то въ концѣ стола.

— Этого и не нужно, никто и не проситъ! — учтиво замѣтилъ Урановъ: — Тѣмъ болѣе, что романъ и не напечатанъ, а прочтень намъ по довѣрью, въ надеждѣ на снисхожденіе.

— Ахъ, какая институтка вашъ авторъ — въ снисхожденіи нуждается! Зачѣмъ и писать въ такомъ случаѣ?

— Позвольте, однако; нельзя же все порицать въ романѣ, въ немъ есть, конечно, недостатки, но есть и большія достоинства... — застуپился профессоръ.

— Одни только недостатки! Я ничего больше не вижу! — рѣшилъ Кряковъ.

— Помилуйте, когда все общество... — заговорили нѣкоторые.

— И какой это романъ? Развѣ это романъ? — вызывающімъ голосомъ возражалъ Кряковъ.

— Что же вы называете романомъ? — спросилъ Чешневъ.

— Я не даю уроковъ эстетики, воинъ спросите профессора! — отвѣтилъ, точно брыкнулъ, Кряковъ, однако прибавилъ: — Вѣдь романъ есть, или долженъ быть, художественнымъ произведеніемъ... такъ, что-ли, господинъ профессоръ?

— Такъ что же-сь?

— Развѣ здѣсь есть художественность... въ томъ, что намъ читали сегодня?

— А позвольте вась спросить,—смиренно заговорили синія очки:—изволили вы читать и къ какому роду произведеній, художественныхъ или нехудожественныхъ, вы относите, напримѣръ, романъ французскихъ писателей Эрмана-Шатріана «Исторія одного крестьянна»?

— Высокаго художественного достоинства! — отрѣзаль Кряковъ, мутно поглядѣвъ на него.

— Такъ-сь! — сказалъ тотъ, потупившись.

— А позвольте мнѣ,—также смиреннымъ голосомъ, передразнивая синія очки, заговорилъ Кряковъ:—въ свою очередь, спросить вась, отчего именно объ этомъ романѣ спрашиваете вы меня?

— Относительно художественности... за нимъ, кажется, французы не признаютъ этого качества,—замѣтилъ гость, потупляясь къ тарелкѣ.

— Ты читалъ этотъ романъ? — спросилъ Урановъ у Сухова.

— Нѣтъ! Я не читалъ и русскихъ новыхъ авторовъ,—отмахивался Суховъ:—пробовалъ, да бросилъ.

— Чѣмъ такъ?

— По ночамъ сталъ кричать!

— Да что тамъ такое описывается? — добивался Урановъ.

— Революція! — выѣзжался объяснить Кряковъ, но прежде шепотомъ спросилъ студента: «Не вру ли я? я забылъ! кажется, тамъ революцію превозносятъ?» — «И я забылъ; да ничего, сойдется!» — отвѣчать тотъ и засмѣялся.

— Тамъ герои первой французской революціи уподобляются древнимъ римлянамъ! — смѣло провозгласилъ Кряковъ громко Уранову. — Такъ вотъ ваши гости, господинъ Красноперовъ, да господинъ... (онъ поглядѣль на синія очки) Синеоковъ, кажется, и собираются высѣчь меня за то, что я

хвалю этотъ романъ. Такъ ли? — прибавилъ онъ, глядя на нихъ обоихъ.

— Да, теперь Марата, Робеспьера и Дантона чуть не въ святые возводятъ; это все новые... со своимъ прогрессомъ! — добавилъ Краснoperовъ.

— Ну, а что ты скажешь, Иванъ Петровичъ, — обратился Урановъ къ Краснoperову: — о романѣ нашего автора? Ты все воевалъ противъ молодыхъ литераторовъ, а ничего объ этомъ не сказаљ!

— Не одобряю! — рѣшилъ Иванъ Петровичъ.

— Что такъ? вѣдь въ немъ религія поставлена выше всего; и долгъ, и военная честь, и патріотизмъ, все есть!

— Такъ-то такъ... Но обѣ этомъ надо бы не въ романѣ написать: — не мѣсто тамъ! — а въ серьезномъ сочиненіи изложить! А то въ романѣ — нашелъ гдѣ! Да и какой это романъ — они правду сказали... — Онъ указалъ на Крякова.

— Слышишь, Митя? я най-мальчикъ сталъ, папа-Фамусовъ похвалилъ! — прибавилъ, осклабясь, Кряковъ.

— Въ романѣ нѣть ничего особенного, необыкновенаго... — добавилъ Краснoperовъ.

— Какъ особенного?

— Такъ! описывается все, что каждый день вездѣ случается: что жъ это за романъ?

— Значить, изображается жизнь, какъ есть, что и слѣдуетъ изображать въ картинѣ, — снисходительно замѣтилъ профессоръ.

— Зачѣмъ же изображать, если я это каждый день и такъ вижу!

Всѣ засмѣялись.

— А тебѣ чего же надо? — спросилъ Суховъ: — чтобы люди на головахъ ходили, или щли другъ друга, что ли?

— Да, пожалуй; если это случится — и опиши!

— Гдѣ вы учились? — вдругъ спросилъ его Кряковъ.

— А вамъ на что? — сердито возразилъ старикъ.

— Любопытно бы знать! — сказалъ тотъ. — Я отдамъ туда своихъ дѣтей.

Смѣхъ былъ общій.

— Да вѣдь Гоголь писалъ тоже все, что каждый день происходит... — замѣтилъ студентъ.

— Ну, и скверно! — хладнокровно рѣшилъ Краснощеровъ. — Не даромъ Фаддей Бенедиктовичъ не могъ его терпѣть! и Николай Ивановичъ тоже! Вонъ давали мнѣ «Мертвяя душа»: я думалъ, судя по заглавію, въ самомъ дѣлѣ, что-нибудь особенное, романическое; а тамъ плутъ какой-то собирая имена умершихъ послѣ ревизіи крестьянъ, чтобы заложить ихъ! Чѣмъ тутъ интереснаго? И нынѣшній вашъ авторъ описываетъ, какъ молодой человѣкъ влюбился въ женщину и оба тайкомъ уѣхали въ деревню, да тамъ и пѣжничаютъ! Какая рѣдкость! Я думаю, съ каждымъ побѣзломъ десятки такихъ влюбленныхъ паръ уѣзжаютъ — такъ обо всѣхъ и писать!

Всѣ съ веселой улыбкой слушали эту критику.

— Какие же романы вы признаете занимательными? — спросилъ Чепиневъ.

— Теперь я не знаю, а прежде бывали хорошие романы! — сказалъ онъ.

— Напримеръ?

— Напримеръ... хоть бы: «Черная женщина» — Николая Ивановича, «Кощей бессмертный», «Выжигинъ» тоже, «Эвелина де-Вальероль» — Нестора Васильевича Кукольника, «Постоялый дворъ» — Стешанова. Былъ еще, помню, англійскій романъ «Мельмотъ Скиталецъ». Вотъ «Ледяной домъ» Ивана Ивановича Лажечникова... Это романъ! какъ изо льда домикъ сдѣлали, свадьбу тамъ играли, человѣка заморозили...

— Вотъ это критикъ, такъ критикъ! Молодецъ, Иванъ Петровичъ! за свое постоитъ! — говорилъ Суховъ. — Превесело у тебя сегодня, Григорій Петровичъ! — прибавилъ онъ,

обращаясь къ Уранову и поглядывая на Крякова и на Красноперова.

— Вотъ видите, какая разница во взглядахъ на романъ!—смѣясь, замѣтилъ Чешневъ. — Сказать — «романъ», значитъ, сказать: пиши, что хочешь! Вотъ тутъ (онъ указалъ на Ивана Петровича) требуютъ чудесъ, небывалаго; а здѣсь назвали «*Histoire d'un paysan*», книгу, которая мало подходитъ подъ ваше опредѣленіе романа...—Онъ обратился къ Крякову.

— Пожалуй, это не романъ въ шаблонномъ смыслѣ,—сказалъ тотъ:—но это великое произведеніе ума!

— Пусть произведеніе ума, по вашему мнѣнію, но не искусства же!—замѣтилъ профессоръ.

— Пора бы бросить эти школьныя перегородки! — ворчалъ Кряковъ, глядя исподлобья.

— Да не вы ли сами сейчасъ, на вопросъ Дмитрія Ивановича, сказали, что романъ долженъ быть художественнымъ произведеніемъ...

— Знаю, знаю! чтѣ вы мнѣ тычете въ глаза моими словами!—перебилъ Кряковъ.

Всѣ засмѣялись.

— Ah, sapristi, quel langage! — замѣтилъ кто-то вполголоса въ концѣ стола.

— А это ваше sapristi — какой «лангашъ», элегантный, что ли?—вдругъ обратился Кряковъ къ говорившему.

Онъять всѣ засмѣялись.

— Превесело!—говорить Суховъ.

— Я изъ вашихъ же лекцій добыть это опредѣленіе романа!—сказалъ Кряковъ профессору.

— И примѣнили его къ одному сочиненію; отчего же не примѣнить и къ другому? Позвольте, однако, возвратиться къ прочитанному сегодня произведенію и объяснить, къ какой категоріи романовъ принадлежитъ оно; тогда уже можно опредѣлить и его достоинство,—сказалъ профессоръ.

— Ну, лекція начинается, слушайте! — ворчалъ Кряковъ. Профессоръ услыхалъ.

— Я не имѣю претензіи читать лекцію, — сказалъ онъ скромно: — я только хотѣлъ выразить и свое мнѣніе... нравиць съ другими, ни болѣе, ни менѣе... если хозяинъ позволитъ...

— Сдѣлайте одолженіе! помилуйте! продолжайтесь! мы просимъ! — раздалось со всѣхъ сторонъ.

Хозяинъ бросилъ недовольный взглядъ на Крякова, и на племянника тоже.

— Определеніе, что романъ долженъ быть художественнымъ произведеніемъ — вѣрно, — началъ профессоръ: — такъ и въ учебникахъ написано, вы правду говорите (онъ обратился къ Крякову). Всё дѣло въ степени художественности, т.-е. въ степени таланта. Одни писатели дорожатъ болѣе всего своею идею, такъ сказать, внутреннею задачею, заботясь о томъ, что выразить; для нихъ искусство — средство, а не цѣль; другіе, напротивъ, увлекаются формою, дорожа тѣмъ, какъ выражать; наконецъ, третыи, первоклассные таланты, счастливо соединяютъ въ себѣ и содержаніе, и форму. Много ли такихъ! Диккенсъ, Теккерей, Бальзакъ, Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь не рождаются на каждомъ шагу...

— Какія новости рассказываете! — перебилъ Кряковъ: — чтѣ мы, пансіонерки, что ли!

Всѣ улыбнулись.

— Позвольте, позвольте, слово за профессоромъ! — учиово замѣтилъ Урановъ.

— Нашъ авторъ, безъ сомнѣнія, принадлежитъ къ первой категоріи, — продолжалъ профессоръ. — Онъ выбралъ себѣ задачею, какъ онъ намъ самъ пояснилъ, заключить въ формѣ романа свои идеи, наблюденія, можетъ-быть, личные опыты, и вообще ходъ жизни, со всею ея игрою и видоизмѣненіями, въ томъ кругу общества, въ которомъ онъ

родился, воспитался и выросъ. Онъ освѣтилъ его свѣтомъ своего ума, воображенія и наблюдательности, но преимущественно ума.

— Très-bien! — громко произнесъ одинъ гость.

— Написать такой романъ уже само по себѣ не умно, а вы еще воображеніе у него напили! — замѣтилъ Кряковъ.

— Авторъ, — продолжалъ профессоръ, не останавливаясь: — старается, въ своемъ взглядѣ на воспитаніе, на нравственность, на дѣятельность и страсти своихъ героевъ, подойти къ общему идеалу, къ нормѣ...

— Слышишь, — сказалъ генераль, тихо толкая Сухова локтемъ: — профессоръ-то: «норма»...

— Или къ идеаламъ о долгѣ, чести, вообще достоинства человѣка, преимущественно воина. Этому званію — сколько до сихъ поръ можно видѣть — авторъ посвящаетъ свой трудъ. И книга его, безъ сомнѣнія, будетъ имѣть воспитательное значеніе...

— Да, Телемака написалъ, этотъ новый Фенелонъ! — перебилъ Кряковъ.

— Позвольте, не перебивайте профессора! — опять замѣтили ему.

— Но, стремясь къ своей особенной, специальной цѣли, — говорилъ далѣе профессоръ: — авторъ не забылъ и условій искусства. Онъ въ значительной степени удовлетворилъ требованиямъ романа; тамъ много, какъ всѣ, конечно, помнятъ, пейзажей, которые, очевидно, писаны съ любовью съ самой природы; много есть изображеній нравовъ... нѣжныхъ, граціозныхъ сценъ любви, много мѣткихъ наблюденій, искрь мысли... Чего же вы еще хотите?

— Вѣдь мы слушали сами и знаемъ, что тамъ написано! Ну-съ! дальше проповѣдуйте! — не утерпѣлъ сказать Кряковъ.

— Il parle très-bien! — повторили одобрительно въ концѣ стола.

— Дѣло! дѣло! именно такъ! вы высказываете общее всѣмъ намъ впечатлѣніе? — говорилъ Урановъ.

— C'est très beau ce qu'il dit! Какъ вѣрно! — подсказала и Лилина.

— Если хотите, — продолжалъ профессоръ: — строго говоря, романъ относится къ той категоріи произведеній, которые называются тенденціозными, и изъ которыхъ создалась въ новое время цѣлая литература. Я не поклонникъ утилитаризма въ искусствѣ...

— «Тенденціозный», «утилитаризмъ»! — шепталъ генераль, пожимая плечами.

— Чего же вы поклонникъ? «поэзии живой и ясной» или «сладкихъ звуковъ и молитвъ», что ли? — перервалъ Кряковъ.

— Да позвольте говорить профессору! — останавливалъ хозяинъ Крякова.

— Да, между прочимъ, я поклоняюсь и этому, — подтвердилъ профессоръ. — Но прежде всего я требую свободы для искусства, а на него въ новое время хотятъ наложить оковы; оно не потерпитъ этого! Высокій талантъ не выкинетъ, конечно, изъ своей картины страданій, бѣдъ, золъ, тягостей и нуждъ человѣческихъ, — но кисть его при этомъ не обойдется и свѣтлыхъ сторонъ жизни; тогда только и возможна художественная правда, когда и то, и другое будетъ уравновѣшено, какъ оно есть и въ самой жизни. А новая школа уже сдѣлала себѣ специальность, можно сказать, ремесло, служить только утилитарнымъ цѣлямъ, заставить искусство искать только всякихъ золъ, подъ святымъ предлогомъ любви и состраданія къ ближнему...

— А вы себѣ взяли привилегію, что ли, на любовь къ ближнему? И чѣмъ вы ее выразили, вы, наши «строгіе цѣнители и судьи»? — рѣзко спросилъ Кряковъ. — Мы хоть путемъ отрицанія и обличенія наводимъ на эту любовь, а вы чѣмъ?

— Запретить бы эти обличенія! — сказалъ Красноперовъ. — Это они пишутъ въ пику правительству: «вотъ-де — не смотрѣть, не печется!» Не ихъ дѣло совать носъ въ больницы, да въ тюремы; на то установлены комитеты!

— Открывать глаза обществу на наши общественные нужды и недуги — цѣль, конечно, почтенная, — продолжалъ профессоръ, помолчавъ: — и искусство повинно принести свою ленту, и давно уже принесло ее. А наши ревнители добра наладили на эту тему и умышленно обходятъ свѣтлые стороны жизни, впадаютъ въ преувеличенія, въ односторонность и, стало-быть, перестали быть правдивы!

— Какую вы дичь порете! зачѣмъ? — вдругъ произнесъ Кряковъ.

На это, послѣ минутнаго оцѣпенѣнія, послѣдовалъ взрывъ смѣха. Чаша переполнилась и обижаться было невозможно. Никто и не обидѣлся: ни ораторъ, ни хозяинъ. Только Чешневъ горестно вздохнулъ и опустилъ голову на грудь.

— А къ тому я порю эту дичь, — упирая на слово дичь, сказалъ профессоръ, ободренный общимъ сочувствіемъ къ нему: — чтобы выяснить, что въ однихъ романахъ, напримѣръ, въ «Коперфильдѣ» или «Пиквикскомъ клубѣ» Диккенса, въ «Père Goriot и Eugénie Grandet» Бальзака, въ «Капитанской дочкѣ» и «Героѣ нашего времени» — художественность задачи есть и цѣль, и средство; а въ другихъ, какъ и въ прослушанномъ нами сегодня, преобладаетъ мысль автора, на помощь которой онъ призвалъ искусство...

— А оно не пришло, сказали бы коротко и ясно! Зачѣмъ же лекцію читать? — добавилъ Кряковъ.

— Нѣть, я не скажу этого, — возразилъ профессоръ.

— И никто не скажеть! — сказалъ хозяинъ.

— Никто! — повторили и другие.

— Значить, все-таки тенденція есть, — замѣтилъ журналистъ: — стало-быть, вы допускаете и тенденціозные романы!

— Я все допускаю, гдѣ есть умъ или талантъ,—прибавилъ профессоръ.

— Покорнѣйше благодаримъ! Какъ вы добры!—иронически сказалъ Кряковъ:—за что же было ворчать на романъ «Исторія одного крестьянина»?

Онъ кивнулъ туда, гдѣ сидѣлъ господинъ въ синихъ очкахъ.

— Стало-быть, тенденціозный романъ все-таки нуженъ и имѣть *sa raison d'être*,—продолжалъ журналистъ.

— Чѣдѣ, вѣрно русскаго пороха не хватило, такъ давай изъ Франціи выписывать!—тихо замѣтилъ генералъ.

— Вѣдь есть моменты въ исторіи,—говорилъ далѣе журналистъ:—когда совершаются такие крутые повороты отъ одного круга идей, понятій, событий, къ другимъ, которые требуютъ усиленнаго и совокупнаго участія всѣхъ нравственныхъ силъ, какими располагаетъ общество, между прочимъ и искусство. Согласитесь, что наше время будетъ отнесено исторію къ числу такихъ раздражительныхъ и горячихъ моментовъ.

— Совершенно правда!—согласился профессоръ:—искусство и приняло на себя часть общей работы; въ немъ и возобладало отрицательное направленіе. Современная литература грѣшила только тѣмъ, что злоупотребляетъ этимъ, насиливъ искусство, признаетъ только одно обличительное направленіе и гонитъ все другое, какъ будто бы ненужное...

— Что жъ, Ламартинъ нуженъ, что ли? отчего же онъ поблѣднѣлъ, а Гюго, напримѣръ, пережилъ его?—перебилъ Кряковъ.—Или отчего Гейне сдѣлался представителемъ лирической поэзіи въ Германіи, какъ не отъ того, что въ немъ есть, говоря вашимъ краснорѣчивымъ слогомъ, святая злоба, попросту—спиртъ, злой умъ и талантъ? Подите вы съ своими «сладкими звуками и молитвами»! Чего слаще Ламартина и гдѣ больше молитвъ, какъ не у него, а его забыли; что же это значитъ?

— Нѣть, не забыли и не забудутъ, — замѣтилъ профессоръ: онъ былъ поэтъ своего вѣка и останется въ исторіи литературы; ни Викторъ Гюго, ни Гейне не превзойдутъ его ни паѳосомъ чувствъ, ни высотою мысли. Но онъ жилъ въ своеемъ времени и отошелъ вмѣстѣ съ нимъ, какъ отойдутъ, въ свою очередь, и другіе. Кромѣ стиховъ, онъ оставилъ слѣдъ, какъ и историкъ; его «Исторія жирондистовъ»...

— Какая это исторія! Это плохой, сентиментальный романъ! — сказалъ Кряковъ.

— Ну, нѣть, съ этимъ позвольте не согласиться! — замѣтилъ Чешнѣвъ: — и французы не раздѣлятъ вашего мнѣнія!

— Это еще не причина! во Франціи тоже не мало слюняевъ! — отозвался Кряковъ.

— Се «*то же*» est impayable! Oh, l'enfant terrible! — замѣтилъ кто-то въ концѣ стола.

Кряковъ покосился туда, какъ будто отыскивая виноватаго.

— Такимъ образомъ, по-вашему, оказывается, — сказалъ журналистъ профессору: что романъ, въ тѣсномъ смыслѣ, какъ изображеніе жизни, долженъ быть произведеніемъ творческаго искусства; но никому, конечно, нельзя запретить называть романомъ и произведеніе ума, подъ однимъ условиемъ, чтобы онъ не былъ скученъ...

— *Conditio sine qua non*, — подтвердилъ профессоръ.

— Опять пороху не хватило! — сказалъ генераль Сухову.

— Вѣдь это ученый разговоръ, такъ какъ же безъ латыни! Ахъ ты, Скалозубъ! — сказалъ Суховъ, ударивъ его ладонью по колѣнку.

— Нѣть ли у васъ еще чего-нибудь о романѣ? Или вы все выложили изъ мѣшка? — спросилъ насмѣшливо Кряковъ.

— Есть еще одно послѣднее сказанье, но я ужъ, право, не знаю, говорить ли... Я, кажется, и такъ употребилъ во зло вниманіе собесѣдниковъ...

— Да, кажется! — вставил Кряковъ.

— Эту дурную привычку говорить много...

— И говорить прекрасно! — прибавил Урановъ.

— Эту привычку я пріобрѣлъ на каѳедрѣ. Но извините, я перестану; я вижу явные знаки нетерпѣнія. Вонъ, господинъ Кряковъ ждетъ не дождется...

Онъ съ улыбкою глядѣлъ на Крякова.

— Ничего, продолжайте! вѣдь и поданная къ крыльцу лошадь ржетъ и бѣть копытомъ отъ нетерпѣнія... но на это никто не смотритъ! — вдругъ храбро сказалъ генераль.

Общій хохотъ покрылъ его фразу.

— Bien dit! — сказалъ одинъ гость.

— Да, мѣтко! не въ бровь, а прямо въ глазъ! — къ общему удивленію, добродушно замѣтилъ Кряковъ и тоже разсмѣялся, пряча носъ въ бороду. — Браво, генераль, по-военному! — прибавилъ онъ. — За ваше здоровье!

Онъ выпилъ вино.

— Il fait bonne mine à mauvais jeu, il n'est pas sot! — сказалъ опять тотъ же гость.

Кряковъ сердито поглядѣлъ на него.

— Ругайтесь, сколько хотите, а похвалъ вашихъ не просятъ! — отрѣзalъ онъ. — Вѣщайте же намъ ваше послѣднее сказаніе! — обратился онъ къ профессору.

— Я хотѣлъ только замѣтить, что новые писатели даютъ слишкомъ много мѣста реализму. Но обѣ этомъ говорено такъ много, что скучно становится. Отвергаютъ всѣ основы искусства... дошли до абсурда.

— Слышали — «абсурдъ», каково слово! Онъ этакъ и на каѳедрѣ преподаетъ? — замѣтилъ генераль, обращаясь къ Сухову.

— Послушать реалистовъ, — продолжалъ профессоръ: — такъ они одни только внесли правду въ искусство тѣмъ, что гонятъ фантазію, какія-то «украшенія», т.-е. поэзію! Чѣд

можетъ быть, напримѣръ, правдивѣе Пушкина? Но правда не мѣшала у него и фантазіи, и нѣгѣ, и юмору...

— Полноте кадить этому пѣвицу барства, «праздной скучки» и «нѣги томной»! — возразилъ Кряковъ. — Вѣдь сами сейчасъ упомянули о духѣ времени; этотъ духъ скоро снялъ его съ пьедестала. Старики захлебывались, бывало, его стихами, а теперь кто ихъ читаетъ! И самъ онъ захлебывался своею славою и провозгласиль: «*Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный, кѣ нему не зарастетъ народная тропа!*» Народъ и не подозрѣваетъ этой «тропы», а поклонники давно забыли ее... и могила-то, говорятъ, развалилась вся! Даже некому тамъ и указать ее! Нашли у кого правду! прочтите-ка, напримѣръ, хоть «*Въ вратахъ эдема ангель ильсний*»—какъ это правдоподобно!

— Извольте, прочту! и вы сами увидите, что это правдиво; вы счастливо попали!

Професоръ буквально исполнилъ предложеніе критика и прочель стихотвореніе наизустъ. Всѣ аплодировали — конечно, Пушкину.

— Какая ерунда!—сказалъ, поморщившись, Кряковъ.

Студентъ покатился со смѣху и спрятался за спину Крякова.

— Если вы,—запѣль жалкимъ голосомъ Чешневъ, обращаясь къ Крякову:—не видите передъ глазами живую картину—сияющаго у эдема ангела и демона, летающаго надъ бездною, если не чуете глубокой идеи, таящейся въ этой картинѣ, то вы можете принять девизъ Данте — «оставь всякую надежду на поэзію»...

— Но не на правду! А она одна поэзія и есть!— перебилъ Кряковъ.—Кто сейчасъ сказалъ, что искусство должно изображать жизнь? Откуда же Пушкинъ взялъ этого черта надъ бездной: изъ жизни, что ли? Или онъ видѣлъ этого ангела?..

— Видѣлъ,—сказалъ профессоръ:—въ своей фантазіи, и мы всѣ видимъ...

— Ну, такъ, стало-быть, вы вѣрите въ чертей; что съ вами и разговаривать! Пусти, уйду! — говорилъ Кряковъ, стараясь вырвать полу платья изъ руки студента.

Но, однако, не ушелъ.

— Боже мой! — тосковалъ Чешневъ: — какая ложь, какое искаженіе человѣческой природы! Жить безъ идеала, то-есть жить безъ цѣли! Отрѣшиться отъ фантазіи — значитъ оборвать всѣ цветы, погасить солнечные лучи... обратиться въ тьму кромѣшину...

— Зачѣмъ? не надо только вратъ! Пусть говорятъ про солнце, да не называютъ его «Фебомъ съ золотыми перстами» и т. п. дичь! Вы называете идеаломъ праздное и больное мечтаніе! У человѣка одинъ идеалъ — правда! Правда въ наукѣ, правда въ жизни, правда въ искусствѣ... и пиши ее, какъ она есть: безъ прикрасъ, безъ вашихъ лучей...

— Отлично! отлично! браво, Кряковъ! — аплодировалъ студентъ, такъ что Урановъ, незамѣтно отъ другихъ, сердито погрозилъ ему пальцемъ.

— Не мѣшай! — строго остановилъ его и Кряковъ.

— Да такой нѣть правды, никто ее такою не видаль и нельзя видѣть! — говорилъ Чешневъ.

— Еще замѣчу обѣ объективности, — сказалъ профессоръ. — Новые писатели хотятъ простереть ее слишкомъ далеко. Художникъ, конечно, не долженъ соваться своею особою въ картину, наполнять ее своимъ я — это такъ! Но его духъ, фантазія, мысль, чувство — должны быть разлиты въ произведеніи, чтобъ оно было созданное живымъ духомъ тѣло, а не вѣрный очеркъ трупа, созданіе какого-то безличного чародѣя! Живая связь между художникомъ и его произведеніемъ должна чувствоватья зрителемъ или читателемъ; они, такъ сказать, съ помощью чувствъ автора, наслаждаются картиною, какъ, напримѣръ, намъ въ этой комнатѣ всѣмъ покойно, тепло, уютно... но если бъ вдругъ

нашъ гостепріимный хозяинъ скрылся куда-нибудь — комната перестала бы согрѣваться его радушіемъ, и мы остались бы какъ въ трактире...!

— Браво! браво! — раздалось со всѣхъ сторонъ, вмѣстѣ съ рукоплесканіями этому юмористическому обороту рѣчи.

— Dieu! comme il parle bien! — говорили въ концѣ стола.— За здоровье профессора!

Всѣ чокнулись съ нимъ бокалами.

— Знаете ли что, господинъ профессоръ: вѣдь этотъ ужинъ тонкій, дорогой,— сказалъ Кряковъ:—куда вамъ вашимъ краснорѣчіемъ заплатить за него!

Студентъ фыркнулъ отъ смѣха.

— Что это вы говорите,—съ вѣжливой строгостью замѣтилъ хозяинъ:—къ чему тутъ ужинъ! какъ вамъ не стыдно придавать такое значеніе дружеской бесѣдѣ!

— Не оспаривайте этого,—вразбранилъ Кряковъ:—ни профессору, ни мнѣ такъ ужинать часто не приходится; ужинать сами мы вѣдь не позовемъ, а заплатить за гостепріимство хочется! Это хотя и не поэтическая, а житейская правда! Такъ ли, господинъ профессоръ?

Но профессоръ съ достоинствомъ молчалъ.

— Не любятъ правды ни въ искусствѣ, ни въ жизни! — со вздохомъ сказалъ Кряковъ. — Кажется, я одинъ только и есть правдивый человѣкъ здѣсь! Какъ ты думаешь, Митя? — обратился онъ къ студенту и сильно хлопнулъ его всею ладонью по плечу.

— Смотрите, дратъся сталъ! — сердито глядя на него шепнулъ старикъ Красноперовъ.

Нѣкоторые изъ гостей въ концѣ стола сдѣлали брезгливую мину.

Всѣ молчали. Уранову было какъ-то неловко. Онъ поглядывалъ съ упрекомъ на племянника, но тотъ упорно продолжалъ избѣгать его взгляда.

— А зачѣмъ эти новые такъ пишутъ? — спросилъ генераль.

— Какъ зачѣмъ! Чего больше спрашиваютъ, то и пишутъ. Новые пути открываютъ... ты слышалъ? — объяснялъ Суховъ. — Вѣдь и у васъ вонъ перестали теперь шагать выше носа, да глядѣть въ одну сторону, а тоже ввели бѣглый шагъ и вразсыпную, что ли! Солдатъ грамотѣ выучили, и мало ли чего завели новаго!

— И напрасно! — сказалъ со вздохомъ Красноперовъ, вслушавшійся въ ихъ разговоръ: — вотъ увидите, какихъ бѣдъ наживете. У васъ, слышь, и палки отмѣнили... и чуть не гладять по головѣ виноватыхъ!

— Вы изволите спрашивать, отчего новые такъ пишутъ? — обратился профессоръ къ генералу: — отъ того что легче. Творчество не всякому дается, а реализмъ, и техника — это дѣвѣ двери, которые отворяются передъ всѣми, кто поступится въ нихъ! Даже школу выдумали... а школы не выдумываются, а создаются геніальными талантами: такихъ теперь нигдѣ нѣть! Диккенсъ, Пушкинъ и Гоголь не подозрѣвали, что создаютъ школу, а она создалась ими! А эти господа сами заявляютъ о своей школѣ!

— «Реализмъ» да «техника» — объяснилъ, нечего сказать! — шепотомъ замѣтилъ генераль Сухову.

— Все это какъ нельзя болѣе справедливо, — сказалъ Чешневъ: — и я, начавъ этотъ критическій турниръ, былъ очень радъ, что вы взяли изъ моихъ рукъ копье и ратовали побѣдоноснѣе меня. Все сказанное вами, какъ вы основательно замѣтили, послужитъ намъ нормою для опредѣленія достоинства прочитанного нами романа. Вы очень вѣрно замѣтили, что нашъ авторъ не строго объективный творецъ-художникъ...

— Однако съ задатками творчества! — прибавилъ профессоръ.

— И онъ дать намъ увлекательное изображеніе, — про-

должаль Чешневъ:—въ широкой рамѣ той жизни, въ сферѣ которой онъ живеть... и мы всѣ здѣсь — за отсутствующихъ мы тоже поручимся — должны признать за этимъ романомъ...

— Бельшія достоинства! — подтвердилъ профессоръ.

— Да, замѣчательное произведеніе, — равнодушно прибавилъ журналистъ.

Кряковъ повернулся на стулъ при этихъ похвалахъ.

— Да перестаньте! — сердито замѣтилъ онъ.

Но ему не отвѣчали.

— Стало-быть, авторъ вполнѣ достигъ цѣли, къ которой шелъ, и мы можемъ — если позволите, — прибавилъ Чешневъ, обращаясь къ хозяину: — выпить за его здоровье и благоприятъ за удовольствіе, доставленное намъ.

Всѣ чокнулись и выпили.

— Выпить-то и я выпью! — замѣтилъ Кряковъ и выпилъ, но не чокнулся ни съ кѣмъ.

— А какой правильный, обработанный языкъ! — сказалъ профессоръ.

— Да, славно пишеть! — подтвердилъ генералъ: — только жаль, что и у него попадаются — то иностранныя, то мудреныя слова, напримѣръ: коалиція, элементы, еще что-то...

— Въ корректурѣ это все вѣроятно будетъ исправлено, — сказалъ журналистъ. — Хорошо бы немного придать разнообразія, небрежности языку, что называется abandon. А то ужъ слишкомъ гладко, прибранно, стилисто!

— Вы, конечно, — обратился Чешневъ къ журналисту: — охотно приняли бы его на страницы вашего журнала?

Журналистъ задумался и не сразу отвѣчалъ.

— Я не знаю... надо подумать... поговорить съ моимъ сотрудникомъ по части беллетристики, — отвѣчалъ онъ уклончиво.

— Но вѣдь вы находите въ романѣ достоинства?

— О, конечно; но этого мало. Журналъ мой издается въ извѣстномъ направлениі — слѣдовательно все, что входитъ въ него, должно, или отвѣтать этому направлению, или, по крайней мѣрѣ, не противорѣчить ему рѣзко...

— Кажется авторъ отдѣльного самостоятельного сочиненія отвѣтаетъ самъ за себя, — замѣтилъ Чешневъ: — и журналъ, помѣщающій его на своихъ страницахъ, играетъ тутъ роль только магазина, принимающаго вещь для про дажи.

— Нѣть, это не такъ! — сказалъ, засмѣявшиясь, журналистъ. — Тогда это былъ бы не журналъ, а сборникъ, альманахъ...

— Кому охота разводить скуку въ своемъ журналѣ? — замѣтилъ Кряковъ, шептавшійся съ студентомъ и услыхавший послѣднія слова.

— Позвольте не согласиться съ вашимъ отзывомъ, — твердо сказалъ хозяинъ: — романъ не скучный... Мы всѣ на лицо — и всѣ скажемъ противное.

— Всѣ! всѣ! — дружно сказали голоса.

— Скучный! утомительный! — твердилъ Кряковъ: — я не могъ высидѣть...

— Это еще не причина! — съ учтивымъ смѣхомъ возразилъ Чешневъ.

— Однакожъ высидѣли! — замѣтилъ хозяинъ: — я даже, извините, видѣлъ, что при чтеніи иныхъ страницъ ваши глаза, какъ бы это сказать, блестали, — значитъ было занимательно...

— Я хотѣлъ бѣжать, да вотъ онъ не пускалъ! — сказалъ Кряковъ, указывая на студента.

— C'est très-joli, charmant! тутъ нельзѧ соскучиться... Когда и кончилось, всѣ еще слушали, хотѣли продолженія!.. — говорила Лилина и другіе.

— Да и скука — дѣло условное, — сказалъ Чешновъ: — есть много умныхъ, почтенныхъ людей, которымъ скучень и

Гомеръ, и Шекспиръ! Я самъ знаю такихъ, которые тотчасъ уходятъ, лишь только заиграютъ при нихъ изъ Моцарта или Бетховена, но съ удовольствіемъ слушаютъ шансонетки изъ «Елены Прекрасной» или «Duchesse de Gérolstein». Другіе не терпятъ исторической школы въ живописи и отворачиваются отъ Тиціана и Рубенса, а засматриваются *tableaux de genre*. Многимъ даже всякий разговоръ образованныхъ людей въ салонѣ скученъ!..

— C'est vrai, c'est vrai! Bien dit! Да! это вѣрно, мѣтко!— одобряли въ концѣ стола.

Кряковъ обводилъ глазами говорившихъ, какъ бульдогъ, будто выбирая, на кого бы наброситься.

— Такъ вы сравниваете вашего автора съ Гомерами, Рубенсами и Тиціанами! Ха-ха-ха! — захохоталъ онъ: — поздравляю васъ и пью за ваше здоровье!

Онъ, иронически кланяясь Чешневу, выпилъ свой бокаль.

— Я пью за ваше и пожелаю, — медленно, съ жалостью въ голосѣ, возразилъ Чешневъ: — чтобы на васъ падъ лучъ человѣческой правды!

И онъ выпилъ.

— Развѣ я лгу? — съ азартомъ спросилъ Кряковъ.

Чешневъ сдѣлалъ отрицательный знакъ достоинства.

— О нѣть, Боже сохрани! вы весь искренность! но вы заблуждаетесь, и къ тому же сердитесь — слѣдовательно вы вдвойнѣ не правы! И въ эту минуту не правы, зная, что я вовсе не сравнива автора ни съ Гомеромъ, ни съ Тиціаномъ — и говорите въ гнѣвѣ. Пошли же Господь миръ душѣ вашей!

— Аминь! — сказалъ Суховъ, при общемъ смѣхѣ. — Пошли за попомъ, — прибавилъ онъ тихо Уранову: — можетъ быть тотъ отчитаетъ его! Превесело, право! Я непремѣнно познакомлюсь съ нимъ, поѣду къ нему и приглашу къ себѣ обѣдать.

— Да пойдемъ ужъ вмѣстѣ; мнѣ надо же ему карточку

завести! — сказалъ хозяинъ. — Митю возьмемъ съ собой! А знакомиться — пѣтъ, Богъ съ нимъ! Вонъ онъ какой оригиналъ!

Кряковъ между тѣмъ смотрѣлъ на всѣхъ разсѣянно, по званивая вилкой по тарелкѣ. Онъ, повидимому, начиналъ терять, при сосредоточенномъ на него общемъ вниманіи, то, что называется *contenance*, или сталъ уставать отъ неловкости своего положенія.

— Помоги мнѣ выбраться какъ-нибудь незамѣтно! — шепталъ онъ студенту.

— Посиди еще немнога, вмѣстѣ уйдемъ! А пока скажи еще что-нибудь, — отвѣчалъ тотъ.

— Вотъ вы говорили, — вдругъ началъ Кряковъ, довольно покойно обращаясь къ профессору: — что романъ долженъ изображать жизнь — значитъ изображать правду. А вы (онъ обратился къ Чешневу) нашли, что авторъ изобразилъ ее вѣрно: я спрашиваю васъ, гдѣ же у него эта жизнь и гдѣ ея правда? въ чёмъ?

— Какъ гдѣ жизнь! цѣлый огромный кругъ живеть во всемъ мірѣ этой жизнью!.. — съ удивленіемъ возразилъ Чешnevъ.

— Какая это жизнь? развѣ такъ живутъ? И какой это «кругъ»: высшій, что ли, хотите вы сказать?..

— Не высшій, не низшій, а просто кругъ благовоспитанныхъ людей, то что называется — джентльменовъ у англичанъ, или порядочныхъ людей у настъ!

— Зачѣмъ же эти порядочные люди взяты у него въ графскихъ и княжескихъ фамиліяхъ, или въ высшей военной и административной сферѣ? Развѣ онъ не предполагаетъ джентльменство въ другихъ слояхъ общества? Порядочность есть вездѣ, она бываетъ и подъ армякомъ!

— Это правда; но онъ между армяками никого не знаетъ. Онъ взялъ дѣйствіе и лица въ знакомомъ ему кругу. Не все ли это равно?

— Нѣть, не все равно! Зачѣмъ онъ взялъ ихъ именно въ этомъ кругу? Зачѣмъ понадобилось ему изображать только ихъ?

— Какое право имѣете вы судить автора за то, чего онъ не далъ? Критика должна смотрѣть только на то, чѣдъ онъ далъ! *Каламъ* пинетъ болото, *Клодъ-Лорренъ* — убраный, расчищенный лѣсъ и свѣтлый ручей. И никому въ голову не приходитъ требовать, чтобы Каламъ писалъ сады, и упрекать Клодъ-Лорреня, зачѣмъ онъ не писалъ болота? И въ литературѣ то же самое!

— По-вашему, чѣдъ не аристократическій кругъ, то и болото? — вставилъ Кряковъ.

— Тогда можно, — продолжалъ, не слушая его, Чешневъ: — требовать къ суду тѣхъ авторовъ, которые изображаютъ, напримѣръ, одни — нравы и бытъ купцовъ и мѣщанъ, другіе — крестьянъ. Были и такие, которые писали изъ быта духовенства. Почему же сфера изъ высшаго, какъ вы называете, или богатаго, знатнаго, благовоспитанного круга, должна оставаться недоступною писателю?

— А потому, что этого высшаго круга нѣть на свѣтѣ, слѣдовательно нѣть въ этой картинѣ и художественной правды, о которой вы оба съ профессоромъ говорили такъ краснорѣчиво сейчасъ!

Всѣ въ недоумѣніи смотрѣли другъ на друга.

— Какъ же это такъ «нѣть»! — разсуждалъ генераль, обратясь къ хозяину и Сухову. — А всѣ твои сегодня гости, мы, какого же круга?

— Не принимай къ сердцу, чѣдъ онъ говорить, — тихо отвѣчалъ Суховъ: — вѣдь это антихристъ, но только прелюбопытный малый; какъ бы его къ намъ въ клубъ затащить!

— Да такъ же, нѣть! порядочные люди или джентльмены есть во всякомъ классѣ; наверху ихъ меньше. Тамъ только бары. Развѣ они — высшій классъ? Почему?

Всѣ молчали.

— Вотъ и полюбуйтесь: каковъ образъ мыслей!—вдругъ проговорилъ Красноперовъ, который во время спора объ искусствѣ уже задремалъ два раза.

— Замѣчаніе, что одного высшаго класса нѣть, довольно вѣско и отчасти основательно,—замѣтилъ журналистъ.

— Въ чемъ же, позвольте узнать? — спросилъ хозяинъ, съ любопытствомъ; другіе тоже ждали отвѣта.

— Одной и цѣльной этой жизни дѣйствительно нѣть; она соприкасается съ жизнью другихъ круговъ, другого воспитанія и нравовъ, а авторъ обходитъ ее и пишетъ одни верхи...

— Но вѣдь другіе пишутъ же одни низы и обходятся безъ верховъ, какъ я сейчасъ замѣтилъ! — возразилъ Чешневъ.

— Да, это правда; но эти низы и въ дѣйствительности обходятся безъ верховъ.

— Вы думаете? — иронически спросилъ генералъ.

— Я говорю только про бытовую сторону, доступную искусству, — прибавилъ торопливо редакторъ: — и оставляю все прочее въ сторонѣ. Верхи не участвуютъ, т. е. не присутствуютъ въ нравахъ низшихъ слоевъ, въ ихъ житьѣ-бытьѣ. Они такъ и существуютъ сами по себѣ. Но одни верхи безъ низовъ — и дня не просуществуютъ. А нашъ авторъ умышленно обходитъ всякий другой, не высший кругъ, замѣтно брезгуетъ имъ, а къ своему кругу относится пристрастно. Вотъ въ этомъ намѣреніи и цѣли автора — и нѣть художественной правды, какъ сейчасъ замѣтилъ г. Кряковъ.

— Слышишь, тебя цитируютъ? — сказалъ смеясь молодой Урановъ.

— Я же вѣдь говорилъ, что я одинъ правдивѣе всѣхъ! — замѣтилъ тотъ.

— Художникъ-писатель долженъ быть объективенъ, т. е. безпристрастенъ, — продолжалъ редакторъ: — долженъ писать,

какъ, напримѣрь, графъ Толстой, всякую жизнь, какая попадется ему подъ руку, потому что жизнь всего общества — смѣшанна и слитна. У него всѣ слои перетасованы, какъ оно и есть въ дѣйствительности. Рядомъ съ лицомъ изъ высшаго круга, онъ пишетъ и мужика, и бабу-ключницу, и даже взбѣсившуюся собаку. Изъ столичныхъ салоновъ онъ переносить читателя въ избу домовитаго крестьянина, на пчельникъ, на охоту, и съ такою же артистическою любовью рисуетъ — и военныхъ, и статскихъ, и баръ, и слугъ, кучера и лошадей, лѣсъ, траву, пашню... все! Онъ, какъ птицеловъ сѣтью, накрываетъ своей рамкой цѣлую панораму всякой жизни и пишетъ — *sine ira*, какъ справедливо говоритъ профессоръ. Сдѣлай онъ иначе — онъ бы согаль, а талантъ лгать не можетъ, если же солжеть, т. е. одно выставитъ, а другое утаитъ, одно напишетъ съ любовью артиста, а другое пристрастно, т. е. умышленно дурно, то онъ перестанетъ быть талантомъ; выйдетъ блѣдно, вяло, безжизненно, или односторонне, невѣрно...

Профессоръ склонилъ немнога голову на-бокъ, а Чешневъ откинулся назадъ, оба слушали внимательно и кажется соглашались отчасти съ тѣмъ, что говорилъ редакторъ. Суховъ тихонько зѣвнулъ въ руку, другое, для развлечения, допивали свои рюмки, кое-кто щѣль десертъ. Старый беллетристъ Скудельниковъ поднялъ глаза на минуту на редактора, обвелъ взглядомъ прочихъ гостей и опять стала смотрѣть на столъ, гдѣ, прямо противъ его носа, лежали въ десертныхъ вазахъ дыня и ананасъ.

— Но вѣдь и нашъ авторъ,—сказалъ Чешневъ:—кое-гдѣ касается другихъ званій, напримѣръ: описываетъ швейцара, прислугу...

— Да, — прервалъ Кряковъ: — описываетъ какъ собакъ, съ напускнымъ презрѣніемъ! остроумно называетъ ихъ «социалистами». Вотъ онъ какъ касается! глумится надъ величайшей идеей вѣка, идеей равенства!

— Действительно, онъ намѣренно и бережно обходить все вульгарное,—продолжалъ редакторъ:—это правда!

— Да оно тутъ нѣдетъ, — возразилъ Чешневъ: — ему нѣть мѣста! Если «низы», какъ говорите вы, не смышаются съ верхами въ частной жизни, то стало-быть и верхи живутъ отдельно, своимъ кругомъ. Сколько современныхъ писателей намѣренно избѣгаютъ упоминать о верхахъ! Зачѣмъ, напримѣръ, живописецъ, если бъ захотѣлъ нарисовать эту столовую и насть всѣхъ, всталъ бы здѣсь мужика изъ харчевни, или воть одного изъ этихъ лакеевъ, что намъ служили, посадилъ бы съ нами за столъ?

— Вы взяли крайности, позвольте замѣтить!—возразилъ редакторъ: — между верхами... и лакеями, мужиками, идутъ цѣлые ряды—по профессіямъ, положенію, воспитанію, нравамъ...

— Да если бъ вашъ авторъ сталъ писать харчевню, то онъ посмотрѣлъ бы, не попадъ ли туда какой-нибудь баринъ, и написалъ бы его одного, а мужиковъ обошелъ бы!—сказалъ Кряковъ.

— Онъ вовсе не написалъ бы харчевни!—спорилъ Чешневъ:—онъ тамъ не былъ и не знаетъ ея посѣтителей.

— И знать не хочетъ! вотъ что скверно! Русская жизнь не на верхахъ! Ея тамъ нѣть!

Чешневъ пожалъ плечами, другое улыбнулись.

— Вамъ хотѣлось бы, чтобы онъ изобразилъ ту русскую жизнь, гдѣ и грязь, и пятна на скатерти, и неметеный полъ...

Онъ вздохнулъ.

— Зачѣмъ опять брать крайности? — говорилъ примирительно журналистъ, обращаясь и къ Чешневу, и къ Крякову.—Нѣть надобности умышленно искать сора и пятенъ, чтобы щеголять ими; но нельзя и обходить бережно и брезгливо все обыденное, гдѣ не всегда блестятъ чистота и изящество! А авторъ очень тщательно сортируетъ и лица,

и веши — даже какъ будто чистить и самую природу, подскабливаетъ пейзажи, чтобы не попала туда какая-нибудь соломинка или соринка. Это значитъ выскабливать и жизнь. Если можно обчистить и обдѣлать такъ людей, то изъ природы не выкинешь всего ненужнаго; будетъ ненатурально. Удалите и изъ людскихъ фигуръ всѣ характеристической, типичныя особенности, детали — выйдетъ безлично и безжизненно.

Чешневъ, склоня голову, слушалъ въ раздумьѣ этотъ стройный критический періодъ.

— Тутъ есть, конечно, некоторая доля правды,—сказалъ онъ, наконецъ, съ легкимъ вздохомъ: — авторъ... пурпуръ не въ одномъ языкѣ, но и въ герояхъ своихъ, и въ декорацияхъ романа. Но вѣдь и въ людяхъ, и въ природѣ, разлито много этой прибраннысти и изящества, если не глядываться слишкомъ пристально; онъ и пишетъ, какъ ему кажется то, на чемъ останавливается его взглядъ! Вы, конечно, не замѣтили натянутости, чопорности въ его романѣ? Онъ только въ высшей степени приличенъ, но простъ и естественъ...

— Приличенъ, пожалуй, но естественъ — едва ли можно сказать, именно потому, что слишкомъ заботится, чтобы не попало въ его салоны «фламандского сора», по выражению Пушкина, т. е. обыденной жизни, — сказалъ журналистъ.

— Ему тамъ и не мѣсто — согласитесь!

— Не знаю; но отсутствіе живыхъ деталей отнимаетъ много жизни у людей и природы — опять скажу. Уловить и передать правдивую черту чувства въ данный моментъ, или движение мысли въ лицѣ человѣческомъ — это психологической, внутренней реализмъ; обстановить сцену реальными, вѣрными деталями — это внѣшний реализмъ, а все вмѣстѣ ведеть къ правдѣ.

— Но вѣдь писатели-художники и живописцы, сознай-

тесь, часто рисуютъ и пишутъ много ненужныхъ правдъ, которыхъ можно бы избѣжать. Напримѣръ...

— Напримѣръ, — перебилъ Кряковъ: — запахъ, который Петрушка, лакей Чичикова, носить вездѣ съ собой; этотъ примѣръ, что ли, хотите вы привести?

Всѣ засмѣялись, Лилина покраснѣла.

— Да... хоть этотъ и многіе другіе, все ненужные признаки.

— Объ этомъ ужъ давно спорили, и Бѣлинскій рѣшилъ этотъ споръ! — сказалъ Кряковъ. — Почитайте его страницы, гдѣ онъ разсуждастъ объ этой фарисейской опрятности; нельзя, видите, сказать, «воняетъ», нельзя выговорить при дамахъ (онъ покосился на Лилину) слово блоха и т. п. Послушать этихъ привередниковъ и передѣлать русскій языкъ на хорошій тонъ, такъ придется не говорить по-русски, а только тыкать пальцемъ въ воздухъ! Ненужное! что въ жизни есть — все нужно!

— Вы идете по слѣдамъ Гегеля, — замѣтилъ съ улыбкой профессоръ: — *все существующее разумно!* Но не все нужное въ жизни — нужно въ искусствѣ, позвольте добавить вашъ афоризмъ!

— Напротивъ, ненужное играетъ и въ искусствѣ большую роль, — сказалъ Кряковъ: — какъ и въ самой жизни, стало-быть, оно и нужно.

— Какъ ненужное въ жизни — нужно? — спросилъ иронически Суховъ: — напримѣръ... насморкъ?

Всѣ захохотали. Кряковъ махнулъ рукой.

— Ужъ это черезчуръ парадоксально — позвольте замѣтить! — сказалъ хозяинъ.

— Нѣтъ, не парадоксально! Я разумѣю подъ ненужнымъ всякий излишекъ сверхъ необходимаго. И въ жизни только излишки и даютъ намъ то, что называются счастьемъ; кто какъ понимаетъ счастье — это другой вопросъ!

— Какъ это такъ? позвольте, позвольте!

— Такъ! оглядитесь вокругъ,—сказалъ Кряковъ.

Всѣ въ самомъ дѣлѣ оглядѣлись.

— Вонъ, что у васъ тамъ наверху поставлено, на шкафѣ?

— Какъ что? — съ удивленіемъ отозвался хозяинъ: — статуй...

— А въ шкафѣ?

— Въ шкафѣ старинное серебро... вы видите!

Чешневъ весело улыбался, редакторъ, профессоръ и нѣкоторые изъ гостей тоже, предвидя, къ чему ведетъ рѣчь Кряковъ. Другие же наивно глядѣли на предметы, которые онъ называлъ.

— Вонъ и на столѣ серебро, — продолжалъ Кряковъ: — подъ ногами коверъ; вонъ бронзовые канделябры... разъ, два, три — четыре... вонъ тридцать или сорокъ свѣчей горятъ вмѣсто двухъ или трехъ! Развѣ все это нужно? А эти перепелки, а дорогая зелень, десертъ, а вина двадцать бутылокъ?..

— Какъ же иначе? вездѣ все это есть! — говорилъ хозяинъ: — стало-быть, нужное!

— Нѣть, не вездѣ; выгляните только въ окошко. Все это ненужное, излишки... и они составляютъ ваше, и — вотъ всѣхъ ихъ — счастье. Можно юсть на глиняныхъ тарелкахъ, а не на серебрѣ, пить воду или квасъ, ну, пиво, — а вы пьете и юдите все ненужное, излишekъ... Издержки на одно необходимое не сдѣлали бы вамъ ни малѣйшаго удовольствiя... напримѣръ, покупка дровъ, или говядины себѣ на обѣдъ, овса лошадямъ. А вотъ васъ радуетъ накупать всего этого, ненужнаго... или въ карты выиграть и проиграть.

— Tiens, cela c'est vrai! — сказалъ одинъ гость.

Урановъ, генераль, Суховъ и Иванъ Петровичъ — слушали, добродушно улыбаясь, не зная, что отвѣтить на этотъ парадоксъ. Всѣ съ любопытствомъ смотрѣли на Крякова.

— Діогена корчитъ! —тихо замѣтилъ кто-то.

— Что вы все уставились на меня? — сказал онъ: — не правда, что ли?

Всѣ засмѣялись.

— Нѣтъ, тутъ есть и правда! — отозвался Урановъ.

— Ну, и въ искусствѣ то же: изобразите, тамъ, любовь, что ли, безъ реальныхъ атрибутовъ, безъ обстановки...

— Атрибуты! — шепталъ генераль.

— И выйтѣть вздоръ! какая-нибудь дѣла на скалѣ... чего не бываетъ! — добавилъ Кряковъ.

— Но вѣдь Пушкинъ, какъ великий реалистъ и въ то же время классикъ, прибавилъ къ дѣлу въ одѣждѣ бѣлой надъ волнами, бурю и покрывало, которымъ игралъ онътеръ — и вышло картино и правдиво, т.-е. реально! — сказалъ профессоръ. — Это и есть поэзія!

— Куда его клубничное влеченіе завело: на скалу! — смеялся Кряковъ. — Это ужъ вовсе ненужное!

— Позвольте, позвольте, — остановилъ его профессоръ: — вы противорѣчите сами себѣ: вы сейчасъ возвели *ненужное* въ законъ — и въ жизни, и въ искусствѣ...

— Не нужное, да правдивое! поймите меня: — что бываетъ! а черти надъ бездной не летаютъ и дѣлы на скалахъ не рисуются! — огрызался Кряковъ.

— Авторъ нашъ классикъ, онъ чуждается реализма — это правда, — заговорилъ опять профессоръ. — Онъ строго придерживается во всемъ классического стиля. Онъ ближе къ идеалу, нежели къ типу, и оттого, между прочимъ, чуждается житейскихъ обыденныхъ мелочей жизни. Это его вкусъ, воспитаніе или природа, какъ хотите. Но вѣдь и вкусы дробятся на роды, какъ само искусство дѣлится на школы. Различіе школъ и стилей обусловливается между прочимъ различіемъ вкусовъ артистическихъ натуръ. Это тропинки, по которымъ расходятся артисты, слѣдя каждый своей натуръ...

— Ну, заиграла музыка!—вставил Кряковъ вполголоса, по его услыхали и засмѣялись, и ораторъ тоже.

— Одинъ ищетъ, напримѣръ, природы въ глубинѣ дремучаго лѣса, въ степи, въ дикихъ скалахъ,—продолжалъ онъ:—а другой видѣть и любить ее въ паркахъ, воздѣланыхъ садахъ и цвѣтникахъ! Кто пишетъ мадоннъ, библейскіе или мифологическіе сюжеты; другое — вседневную пеструю жизнь. Новые художники хотятъ смѣшать все, подвести подъ genre...:

— Не клевещите на новыхъ художниковъ; они не смѣшиваютъ никакихъ школъ и стилей, а просто знать ихъ не хотятъ!—забушевалъ опять Кряковъ.—Всѣ—и Юпитеры, и Венеры, ваши *ангелы у вратъ эдема и черти надъ бездной*, отжили свой вѣкъ и ничего не говорятъ болѣе представлению артиста. Новые художники пишутъ, чтѣ видятъ и знаютъ въ природѣ и въ жизни, и если заглядываютъ въ исторію, то и библейскія события угадываютъ и пишутъ, какъ они случились, а не какъ смотрѣть на нихъ идеалисты въ свои очки, сквозь тысячетѣя...

Послѣ этого наступила пауза и Чешнѣвъ съ грустью по-никъ головой, прошептавъ:— Боже мой! будеть ли конецъ этому дикому разгулу!

— Такъ вы полагаете,—обратился онъ потомъ къ редактору, не глядя на Крякова:— что одни джентльмены, ихъ кругъ, нравы, бытъ, не могутъ быть предметомъ художественнаго произведенія?..

— Какие это джентльмены?—вмѣшался опять Кряковъ:— эти причесанные, прибранные господа, которые ходятъ около другъ друга, боясь дотронуться одинъ до другого, кланяются, изъясняются въ любви и дружбѣ, какъ тѣни? Они Ѣдятъ и пьютъ какъ по нотамъ... Какая же это жизнь! развѣ такъ живутъ?

— Конечно, — нѣхотя возражалъ ему Чешнѣвъ:— при отсутствіи воспитанія нравы обозначаются иначе... очень

живо и натурально. Но избави Боже иногда отъ такой на-
туры!

— Кажется, г. Кряковъ недоволенъ тѣмъ,—вставилъ ре-
дакторъ: — что авторъ изображаетъ одну парадную сторону
жизни, жизнь салоновъ, въ формѣ строго условныхъ, регу-
лированныхъ отношений между лицами, и даетъ мало про-
стора и свободы мысли, чувству, страстиамъ. Это тоже прав-
да. Онъ не трогаетъ психическихъ тайнъ и оттого поне-
волъ изображаетъ все поверхностно и условно...

— И называетъ еще это романомъ! — насмѣшилъ приба-
вилъ Кряковъ.

— Какъ же вы назовете это? — спросилъ Урановъ.

— Это протестъ аристократизма и милитаризма противъ
демократіи — вотъ какъ я назову! — сердито сказалъ онъ. —
Протестъ привилегированныхъ сословій, съ ихъ роскошью,
приторною утонченностью, противъ...

— Противъ грубости, цинизма, неряшства, всякой мо-
ральной и материальной распущенности... это правда! — до-
бавилъ Чешневъ тоже пылко.

Генераль, Суховъ и Урановъ засмѣялись.

— Bien dit! — раздалось съ другого конца стола.

— И это подвигъ со стороны автора, — продолжалъ Чеш-
невъ. — Давно пора было поднять копье противъ буйного
написка на все то, чѣмъ живетъ и держится общество.

— Напримеръ — на что? — почти грубо спросилъ Кряковъ.

— Напримеръ, на человѣческія приличія,уваженіе къ
человѣческому достоинству, сдержанность, обузданіе дикихъ
страстей — и вмѣстѣ съ этимъ, конечно, и на соответствую-
щія формы общежитія, на утонченность нравовъ, такъ же,
какъ на чистый вкусъ и здравыя понятія... и въ иску-
ствахъ! Словомъ, протестъ противъ всякой расшатанности
и растрепанности въ людскомъ обществѣ, противъ всякаго
звѣроподобія! Вотъ въ чемъ состоитъ подвигъ автора! Че-
ловѣчество долгимъ и труднымъ путемъ достигало этихъ ре-

зультатовъ, а тутъ вдругъ явилось поколѣніе, которое хочетъ стереть все добытое тысячелѣтіями... И что оно поставить на это мѣсто? Вотъ противъ этой лжи и грубаго насилия и протестуетъ авторъ!

— Нѣтъ,—бурно заговорилъ Кряковъ:—онъ протестуетъ противъ простоты нравовъ, естественности быта, требовавшій времени, противъ человѣческихъ правъ, личной свободы, равенства!.. вотъ въ чёмъ подвигъ вашего автора! Онъ хочетъ защитить положеніе своихъ героевъ на верху, ихъ привилегированную утонченность, роскошь, уклоненіе отъ прямого и положительного труда!

— Пошли за полиціей,—тихо, удерживая смѣхъ, сказалъ Суховъ хозяину.

— Постой, не мышай! Это любопытно!—отвѣчалъ онъ.

— Труда!—съ горькимъ смѣхомъ повторилъ Чешневъ:— да развѣ эти новые тунеядцы не отъ труда бѣжали въ свои трущобы и проповѣдуютъ раздѣлъ чужой собственности!

Кряковъ выпилъ стаканъ краснаго вина.

— А на скромныe, низшиe классы общества вашъ авторъ-аристократъ брызжетъ презрѣniемъ! Такъ, Митя? ты вѣдь слышалъ,—обратился онъ къ студенту:—брызжетъ?

— Не помню!—сказалъ тотъ со смѣхомъ:— что ты ссылаешься на меня? говори за себя!

— Гдѣ же?—спросилъ Чешневъ:—о низшемъ классѣ тамъ даже не упомянuto!

— А зачѣмъ не упомянuto?—рѣзко отозвался Кряковъ.

— Вотъ, прошу угодить!—сказалъ Чешневъ и засмѣялся.

— Объ этомъ сейчасъ только говорили,—прибавилъ онъ:— и исчерпали этотъ предметъ. Мы сказали уже, что авторъ не знаетъ другихъ классовъ...

— И знать не хочетъ! значитъ, презираетъ! И какъ ему не презирать! всѣ герои его—образцы изящества, утонченности мыслей, чувствъ, рѣчи — и всѣ ничего не дѣлаютъ! Какъ же вдругъ ввести въ ихъ кругъ труженика, отъ ко-

тораго можетъ почуяться запахъ трудового пота... виноватъ... транспираціи—(поправилъ онъ съ улыбкой и ироническимъ поклономъ ко всѣмъ), и который, пожалуй, скажетъ «воняетъ дымомъ», вмѣсто «шахнетъ дымомъ». Еще, того гляди, явится въ понищенномъ платьѣ, безъ перчатокъ... вотъ какъ я пришелъ: извините!—сказалъ онъ хозяину, показывая голыя руки.

— И я тоже не надѣваю ихъ!— перебилъ Чешневъ со смѣхомъ.

— И вдругъ такой авторъ,—продолжалъ Кряковъ:—нарисовалъ бы мужика, мѣщанина, мелкаго чиновника, труженика, ремесленника... Какъ же! барыни, пожалуй, его не стали бы читать!

— Я, и всѣ почти мои знакомыя дамы читали и знаемъ Гоголя!—сказала вдругъ Лилина.

Кряковъ мутно взглянулъ на нее.

— Вы?—возразилъ онъ:—не можетъ быть!

— Отчего?

— Если бъ вы читали Гоголя и другихъ народныхъ писателей—ваші глаза смотрѣли бы иначе и не было бы у васъ этой блаженнайшой улыбки.

Она сконфузилась и смотрѣла въ недоумѣніи вокругъ.

— Qu'est-ce qu'il dit?—спросила она сосѣда.

— Des sottises! Gardez-vous bien de le contredire!—отвѣчалъ тотъ, улыбаясь.

— Вотъ такъ лучше,—прибавилъ Кряковъ:— объясняйтесь на своемъ природномъ языкѣ и оставьте Гоголя въ покой!

— Dieu, Dieu, Dieu! Voilà un ours mal lÃ©chÃ©! донеслось съ другого конца стола—и всѣ засмѣялись. Кряковъ остановился-было, но махнулъ рукой, засмѣялся самъ и продолжалъ, обращаясь къ Чешневу:

— Нѣть, всѣ эти лица романа—кучка праздныхъ людей, живущихъ жирно и наслаждающихся на счетъ народа, а

сами ничего не дѣлающіе! Вотъ что вашъ вышній классъ! стдитъ ли описывать его!

— Боже мой?—почти застональ Чешневъ:—какая злоба и клевета! Праздныхъ! Да кто же управляетъ, вмѣсть съ высшей властью, судьбами нашей страны?—горячо обратился онъ къ Крякову.—Кто поставилъ ее на высокую ступень извнѣ и кто держить силу, порядокъ и ходъ жизни внутри—какъ не лица того же круга, изъ котораго авторъ взялъ своихъ героевъ?

— Нѣть! трудомъ, кровью и духомъ народа держится все!—рыкаль, какъ левъ, Кряковъ, съ блестающими глазами.

Студентъ поталкивалъ его тихонько въ бокъ.

— Да развѣ мы всѣ—не народъ? развѣ эти графы, князья, ихъ предки—не изъ народа и не народъ?—спорилъ Чешневъ.

— Были! а теперь лѣзутъ изъ кожи, чтобы уйти отъ него дальше, не походить на него! Разрушаютъ даже послѣднюю связь съ нимъ—языкъ; стараются быть ему непонятнымъ, говорять по-французски, по-англійски, всячески, лишь бы не по-русски!

Чешневъ вздохнулъ и поникнулъ головой передъ этой послѣдней, конечно, неоспоримой правдой насчетъ языка.

— Да и въ своемъ-то языкѣ много иностранныхъ словъ употребляются,—вполноголоса сказалъ генераль:—что правда, то правда!

— Это отчасти сираведливо,—съ оттѣнкомъ грусти замѣтилъ Чешневъ:—и въ этомъ смыслѣ мы всѣ, пожалуй, давно не народъ. И вы тоже: одѣты вы не по-русски и употребляете много не русскаго и промѣ языка. Да и русскій языкъ, которымъ вы говорите, не тотъ, которымъ говорить народъ; онъ васъ не пойметъ, а вы на его языкѣ говорить не умѣете.

— Оттого, что его не учать понимать насъ, держать умышленно въ невѣжествѣ...

— Но вѣдь если онъ выучится одѣваться, говорить не по-русски, пить, ъсть не русское, какъ мы теперь, такъ вѣдь онъ перестанетъ быть тѣмъ народомъ, какой вы разумѣете. Все это всегда такъ было и будетъ; это вѣчное колесо! Стало-быть, вы негодуете, зачѣмъ не всѣ вверху, или зачѣмъ мы всѣ не внизу! Но вѣдь это физически невозможно? Вы не хотите понять, что народъ составляетъ только часть того, что называется націей! Вы, по крайней мѣрѣ, скажите, чего вы хотите? Какое ребячество!

— Не ребячество, а соціализмъ это называется! Головы, получше нашихъ съ вами, рѣшаютъ этотъ вопросъ; а памъ нечего спорить!

Всѣ опять громко засмѣялись. Рѣшительно всѣмъ было весело отъ этихъ дебатовъ. И Чешневъ засмѣялся. Героемъ вечера былъ не авторъ и его романъ, а Кряковъ и оригинальные пріемы его полемики.

— Чему вы обрадовались!—сердито сказалъ Кряковъ.
Смѣхъ удвоился.

— Что же это такое этотъ соціализмъ?—спросилъ генераль.

— Вамъ любопытно?—обратился къ нему Кряковъ:—спросите того фельдфебеля, котораго Скалозубъ хотѣлъ дать Репетилову въ Вольтеры, а меня увольте отъ отвѣта!

— Въ нашъ огородъ камешки бросаетъ!—добродушно замѣтилъ генераль, видя общій смѣхъ.

— Народность или, скажемъ лучше, національность—не въ одномъ языкѣ выражается,—сказалъ послѣ нѣкотораго молчанія Чешневъ.—Она въ духѣ единенія мысли, чувствъ, въ совокупности всѣхъ силъ русской жизни! Пусть космополиты мечтаютъ о будущемъ отдаленномъ сліяніи всѣхъ племенъ и національностей въ одну человѣческую семью, пусть этому суждено когда-нибудь и исполниться, но до тѣхъ поръ, и даже для этой самой цѣли—если бъ такова была, въ самомъ дѣлѣ, конечная цѣль людскаго бытія—не-

обходимо каждому народу переработать всѣ соки своей жизни, извлечь изъ нея всѣ силы, всѣ смыслы, всѣ качества и дары, какими онъ надѣленъ, и принести эти национальные дары въ общечеловѣческій капиталъ! Чѣмъ сильнѣе народъ, тѣмъ богаче будетъ этотъ вкладъ и тѣмъ глубже и замѣтнѣе будетъ та черта, которую онъ прибавить къ всемирному образу человѣческаго бытія.

Онъ въ раздумьѣ поникъ головой.

— Comme c'est profond!—шептали въ одномъ концѣ.

— Это... это... знаете...—началъ Суховъ:—это правда!.. И онъ запыхалъ виномъ.

Беллетристъ Скудельниковъ на минуту опять поднялъ глаза на Чешнева и потомъ снова впалъ въ апатію.

— Какъ это хорошо сказано! très joli, n'est ce pas?—говорила Лилина.

— Затѣйливо, нечего сказать; ну, такъ что же?—сказалъ Кряковъ:—что вы хотѣли этимъ сказать?

— То, что русскій народъ исполняетъ эту свою великую и национальную и человѣческую задачу, и что въ ней ровно и дружно работаютъ всѣ силы великаго народа, отъ царя до пахаря и солдата! Когда все тихо, покойно, всѣ, какъ муравьи, живутъ, работаютъ, какъ будто въ разбродѣ; думаютъ, чувствуютъ про себя и для себя; говорятъ, пожалуй, и на разныхъ языкахъ; но лишь только явится туча на горизонтѣ, загремитъ война, постигнетъ Россію зараза, голодъ—смотрите, какъ соединяются всѣ нравственные и вещественные силы, какъ все сливается въ одно чувство, въ одну мысль, въ одну волю—и какъ вдругъ всѣ, будто подъ напіемъ Св. Духа, мгновенно поймутъ другъ друга и заговорятъ однимъ языкомъ и одною силою! Баринъ, мужикъ, купецъ—всѣ идутъ на одну общую работу, на одно дѣло, на одинъ трудъ, несутъ миллионы и копейки... и умираютъ, если нужно—и какъ умираютъ! Передъ вами уже не графы, князья, военные или статскіе, не мѣщане или

мужики—а одна великая, будто изъ несокрушимой мѣди
вылитая статуя—Россія!

— Браво! C'est sublime! отлично!—закричали всѣ.—За
здоровье Дмитрія Ивановича! человѣкъ, наливай шампан-
ское!—приказывалъ Урановъ.

— За что? Вы всѣ это думаете и чувствуете!—говорилъ
онъ, отвѣчая чоканье па чоканье:—это общій отвѣтъ на-
шему собесѣднику г. Крякову!

— Да! да!—подтвердили всѣ.

Кряковъ всталъ со стула, готовясь уходить, но вдругъ
опять сѣлъ.

— До сихъ порь я былъ хорошаго мнѣнія о васъ,—на-
чаль онъ, обращаясь къ Чешневу, но не договорилъ: его
заглушилъ общій хохотъ.—А вы просто-напросто шови-
нисты!—выпалилъ онъ, когда всѣ утихли.

Съ минуту длилось молчаніе. Профессоръ потупилъ глаза,
журналистъ конфузливо улыбался, Скудельниковъ вдругъ
взглянулъ широко на Крякова и на Чешнева. Красноперовъ,
Урановъ, Суховъ и генералъ съ недоумѣніемъ поглядывали
другъ на друга.—Что это еще такое?—шепотомъ спросилъ
генералъ у Сухова. Тотъ спросилъ о томъ же Уранова,
Урановъ у Чешнева. Прочие съ усиленнымъ любопытствомъ
смотрѣли на Чешнева и Крякова. Трухинъ даже протеръ
очки платкомъ и ждалъ отвѣта. Чешневъ взглянулъ на Кря-
кова какъ будто съ сожалѣніемъ. Студентъ прятался отъ
недовольныхъ взглядовъ дяди за спину сосѣда.

— Вы назвали меня «шовинистомъ»,—сказалъ Чешневъ
тихо и почти печально:—Нѣть, я не осѣпляюсь условными
сентиментами и не поддаюсь ходячему, дешевому патріо-
тизму! Я могъ бы съ болѣшимъ основаніемъ, въ свою оче-
редь, назвать васъ «псевдо-либераломъ»...

— Что жъ, назовите: я не обижусь!—развязно сказалъ
Кряковъ.

— Нѣть, я этого не сдѣлаю!—мягко перебилъ его Чеш-

невъ:—вы гость здѣсь и ваша личность должна быть не-
прикосновенна.

— Ah, bravo! oui, c'est ça! это урокъ! Leçon bien mé-
ritée! пробѣжалъ тихій говоръ за столомъ.

Кряковъ поглядывалъ кругомъ и слушалъ этотъ говоръ
какъ-то равнодушно.

— Дайте же мнѣ вашу руку!—прибавилъ Чешневъ, про-
тягивая свою.

— Извольте!—сказалъ Кряковъ и подалъ руку.

— Но оставляя личность въ сторонѣ, я не могу молчать
предъ псевдо-либерализмомъ, ноты котораго, извините, зву-
чали въ вашихъ рѣчахъ. Этотъ псевдо-либерализмъ точить
корни того истиннаго либерализма, который одинъ ведеть
къ прогрессу. Онъ избралъ своимъ девизомъ разрушение
гражданственности, цивилизациіи, онъ не останавливается
ни передъ какими средствами — даже пожарами, убийства-
ми... и не знаетъ самъ, чего хотѣть, и мчится... куда?—задум-
чиво спросилъ какъ-будто самого себя Чешневъ, поникая
головою.

— Вотъ, вотъ—да, это самое! Что я, давеча, не правду
говорилъ?—вдругъ прорекъ Красноперовъ.

— Тш...—сдѣлалъ ему Суховъ. Кряковъ усмѣхнулся.

— Ужъ обѣ этомъ говорили-говорили, писали-писали, а
намъ все неимется!—сказалъ онъ.

— Онъ еще смѣется, каковъ молодецъ!—шепталъ Крас-
ноперовъ сосѣдямъ:—какъ будто не его дѣло! Нѣть, вы от-
вѣчайте, куда онъ мчится, этотъ вашъ либерализмъ?—при-
бавилъ старикъ громко.

— Почемъ я знаю, куда!—сказалъ Кряковъ.—Пусть рѣ-
шишь нашъ мудрецъ!—Онъ указалъ на Чешнева.

— Почемъ я знаю, куда, — повторилъ Чешневъ: — это
вѣрно! это одинъ возможный, искренній отвѣтъ псевдо-ли-
берализма! А онъ мчится мало-по-малу къ той бездѣ, —за-
ключилъ онъ: — отъ которой, умирая, отвернулся и Герценъ,

и куда отчаянно бросился маніакъ Бакунинъ, увлекая за собой Панургово стадо...

— Браво! браво! — закричали многіе, гремя тарелками, звеня стаканами.

— Ну, я туда васъ не зову,—сказалъ Кряковъ и опять засмѣялся.

Засмѣялся и студентъ.

— Правда, Митя? вѣдь я не такой? — прибавилъ Кряковъ.

— Ну, наслушались мы сегодня и новой, и старой мудрости, — сказалъ Суховъ своимъ сосѣдямъ: — каково-то спать будемъ? А все-таки весело, превесело здѣсь! — заключилъ онъ.

— Да, весело, — сказалъ тихо Урановъ: — только какъ мнѣ придется раздѣляться? Вонъ, Чешневъ, и тотъ взволнованъ, Иванъ Петровичъ оскорблень, Лилина сконфужена и всѣ озадачены! Митя одинъ только въ усь себѣ не дуешь; ужо вымою я ему голову! А теперь надо какъ-нибудь загладить дурное впечатлѣніе!

— Вы что-то хотѣли еще сказать о нынѣшнемъ чтеніи, Дмитрій Ивановичъ? — обратился онъ къ Чешневу.

— Я хотѣлъ напомнить, — отвѣчалъ Чешневъ: — какъ нашъ авторъ выразилъ живо, рельефно и патріотизмъ, и чувство долга, въ одной картинѣ...

— «Рельефно»! «шовинистъ»! какъ еще? «сикофанть»? — шепталъ генералъ Сухову: — въ ушахъ даже звенить!

— Я говорю объ описаніи маневровъ, — продолжалъ Чешневъ: — со стороны посмотреть — кажется, пожалуй, монотонно; но авторъ поставилъ читателя въ средину картины, сдѣль его съ строемъ этихъ русскихъ душъ, сердецъ, — и вы чувствуете себя единицею какой-то великой моральной и физической силы, и въ каждомъ солдатѣ, офицерѣ, генералѣ, видите родного брата, друга, самого себя!

— Величественная картина! — подтвердилъ профессоръ.

— Да, эффектная! — замѣтилъ редакторъ: — но въ романѣ она кажется нѣсколько официалью... натянутою...

— Грандіозная! — сказалъ Урановъ: — воля ваша!

— Грандіозная казарма! — рѣшилъ Кряковъ.

— C'est très-joli и какъ похоже! я много разъ бывала... такъ похоже, такъ похоже! — твердила съ дѣтскою радостью Лилина.

— Да вотъ какъ, — вмѣшался генераль: — что я забылъ, гдѣ я сижу; такъ и кажется, что веду бригаду, и даже да-веча самъ поймалъ себя: салютую рукой вотъ этакъ, какъ будто у меня сабля въ рукахъ — ей-Богу!

— «Салютую»! — поймалъ! Чѣд, какое это слово: развѣ русское? — сказалъ Суховъ.

— Это казенное, значитъ можно, — отвѣчалъ генераль.

— Обращаясь къ задачѣ романа, — продолжалъ Чешневъ: — можно, кажется, безошибочно заключить, что главная цѣль автора — поставить на свое мѣсто все то, что многіе ста-раются легкомысленно устранить...

— Позвольте узнать, чѣд еще онъ хочетъ ставить на ноги? противъ чего онъ сражается? — спросилъ Кряковъ.

— Да вотъ хоть бы противъ какого-то напускного пре-небреженія къ представителямъ военной профессіи...

— Военное званіе — c'est une vocation, comme une autre! — вставилъ генераль.

— Чѣд, и у тебя русскаго пороху не хватило! — сказалъ Суховъ.

— Противъ военнаго званія никто не возстаетъ, — огрыз-нулся Кряковъ. — Оно — весь народъ!

— Нѣть, возставали и возстаютъ, — спорилъ генераль: — гдѣ можно задѣсть, осмѣять, брызнутъ перомъ въ офицера — и брызнутъ! мнѣ случалось самому нерѣдко читать, да и отъ многихъ военныхъ слыхалъ — тоже жалуются. Или — го-ворятъ — молчатъ совсѣмъ, какъ будто военныхъ и на свѣтѣ нѣть! обходить и въ газетахъ, и въ повѣстяхъ, и на

сценъ — это чѣдь значить? Пренебреженіе! Мы-де вѣсъ и знать не хотимъ.

— Равнодушіе, а не пренебреженіе, — смягчилъ редакторъ.

— Да, равнодушіе — это такъ! — сказалъ Чешневъ: — но знаете ли, вѣдь равнодушіе — это самое коварное оружіе! Можно бороться со всякою силою, но какъ одолѣть это гробовое молчаніе невидимаго врага, это непризнаніе значенія, правъ, и за чѣмъ: за воинами!

— Вы это все обѣ офицерахъ, что ли, говорите? — спросилъ Кряковъ. — Да, ихъ не трогаютъ, это правда! но прежде всего оттого, что обругать не позволяютъ, а по головкѣ только гладить не за что! Да и невѣрно будетъ, односторонне, — какъ сейчасъ разсуждали — если только хвалить! Вотъ и молчатъ — и хорошо дѣлаютъ! Что же общаго у военнаго званія съ офицерами?

— Ба-ба-ба! А они къ какому же званію принадлежатъ? Чѣмъ они провинились? Позвольте, позовльте, милостивый государь! — горячился генераль. — За что ихъ не любятъ и обходятъ?

— Обходить ихъ я сейчасъ сказалъ почему, — отвѣчалъ Кряковъ: — не вѣльно трогать. А не любять — потому что... За что ихъ любить? Смолоду они щеголяютъ, барствуютъ, роскошничаютъ у Борелей, въ обществѣ кокотокъ, катаются на рысакахъ и давятъ народъ...

— Когда? гдѣ? позовльте спросить. Вѣдь ужъ была возбуждена исторія, по навѣту печати, о какихъ-то офицерахъ, будто они скачутъ и давятъ народъ — и оказалось клеветой!

— Давите сколько хотите, все будетъ клевета; на то и привилегированное званіе! — добавилъ Кряковъ.

Генераль и другіе иронически улыбались.

— Ну-съ, роскошничаютъ у Борелей... еще чѣмъ они виноваты? — спросилъ генераль.

— Потомъ изъ нихъ дрессируютъ губернаторовъ, разныхъ директоровъ, правителей... нужды нѣтъ, что, бывало, въ обществѣ ходили разсказы объ ихъ милыхъ скандаличикахъ.

— Боже мой! Боже мой!—стональ Чешневъ:—какая злая несправедливость! И это русскій человѣкъ говорить о русскихъ, о своихъ братьяхъ!

Въ обществѣ сдѣлалось серьезное движение.

— Скажите, сколько на одинъ скандалъ между военными приходилось скандаловъ между статскими? Вся разница только въ томъ, что одни собирались у Борелей и Дюсо, а другие на какой-нибудь «Средней Рогаткѣ» платили дань молодости! Сами же вы говорите «бывало»; вѣдь измѣнились же съ тѣхъ поръ нравы, явились гласный судъ, пресса... Зачѣмъ же вы хотите возвращать насъ къ давно минувшему одними злыми воспоминаніями?

Онъ покинулъ головою и вздохнулъ.

— Офицеры, конечно, бываютъ молоды, какъ и студенты, и правовѣды, и семинаристы, — прибавилъ онъ: — дѣхъ вы извиняете, а офицеровъ нѣть! Ужели вы не видите благородной цѣли автора — поправить эту несправедливость, напомнить о нихъ, изобразить характеръ этого прекрасного, хотя и непріятнаго вамъ круга общества, той группы его, которая идетъ въ эту минуту бороться и умирать за Россію?

Раздались рукоплесканія. Генераль всталъ съ бокаломъ въ руки.

— Хоть я и воинъ, но такъ мужественно и искусно сразиться за военныхъ не сумѣлъ бы. Позвольте выпить за ваше здоровье? — сказалъ онъ.

— И мы! и мы! — подтвердили всѣ.

— Щеголяютъ... барствуютъ... роскошничаютъ!.. — началь опять Чешневъ, когда всѣ затихли. — Да развѣ есть другая жизнь, болѣе трудная, болѣе исполненная дѣла и

всякихъ лишеній, какъ жизнь этой самой военной молодежи! Вы считаете какія-то давнишнія, полинявшия пятна на ихъ мундирахъ — и пятна эти хотите перенести на цѣту корпорацію! А она идетъ теперь побѣждать, или славно погибать!

— Это народъ, народъ, — все народъ! — твердилъ Кряковъ.

— Да вѣдь и Мининъ не одинъ пошелъ, а взялъ Пожарскаго! Боже мой! По-вашему, кто только образуется, одѣнется по-европейски, кого заслуга выдвинетъ впередъ — тотъ и перестаетъ принадлежать къ народу! А мнѣ кажется, что скорѣе тотъ, что хочетъ отдѣлаться отъ религіи своего народа, отъ народнаго единодушія и единомыслія въ своемъ государственномъ и общественномъ устройствѣ, — тотъ незамѣримо дальше уходить отъ него, нежели тѣ, которые учатся говорить на иностранныхъ языкахъ и слѣдуютъ своимъ вкусамъ, своимъ привычкамъ.

— Браво! браво! admirable! — воскликнули всѣ.

— Ну, теперь уйду! давай Богъ ноги! Того и гляди за полиціей посплютъ! — ворчалъ Кряковъ, но такъ, что его слышали и невольно засмѣялись.

— Не беспокойтесь, вы здѣсь въ полной безопасности! — сказалъ Урановъ почти обидчиво.

— Мы васъ не выдадимъ, вы герой! — весело прибавилъ Суховъ.

— Погоди одну минуту, — удерживалъ его студентъ: — вонъ Чешневъ хочетъ что-то сказать!

— Вы говорите о богачахъ, щеголяхъ, — сказалъ Чешневъ: — но вѣдь они и не въ военномъ быту жили бы также, даже шире и роскошнѣе, а въ кругу товарищѣй они все-таки ограничены условіями своего быта. Но вѣдь это исключенія; много ли ихъ? А не богачи, живущіе въ казармахъ, жалованьемъ? А въ арміи — разбросанные по селамъ и деревнямъ? Спросите, какъ они роскошничаютъ?

— Этихъ авторъ не коснулся, — съ злой улыбкой замѣтилъ Кряковъ.

— Пусть такъ! Авторъ показалъ квинтъ-эссеңцію воен-наго званія: высшія, тонко выработанныя типичныя черты чести и военнаго достоинства — словомъ, взялъ вершины...

— Да развѣ честь — это привилегія военная, полковая, какъ полковая музыка, что-ли... а не свойство всѣхъ по-рядочныхъ людей въ мундирахъ и не въ мундирахъ? А онъ усвоилъ ее имь какъ исключение!

— Онъ этого нигдѣ не говорить, онъ только коснулся нѣкоторыхъ формъ ея; есть степени и оттенки, своеобразные обычаи, условія, существующія во всякомъ дѣлѣ для однихъ, несуществующія для другихъ...

— Въ дѣлѣ чести все равно! все равно! — твердилъ Кряковъ.

— Ну, нѣтъ, — замѣтилъ генераль: — уйти, напримѣръ, изъ департамента, или уйти съ военнаго поста — есть разница!

Послѣ этого настала пауза.

— Да, романъ замѣчательный, — разсуждалъ журналистъ. — Если бъ онъ явился лѣтъ сорокъ назадъ, онъ произвелъ бы сильную сенсацію въ обществѣ!

— А теперь?

— Теперь, съ Гоголя, все до того охвачено отрицательнымъ направленіемъ, что положительный типъ лица почти невозможенъ въ литературѣ. Къ этому подоспѣлъ реализмъ, ввелъ новые приемы въ искусство и одержалъ безповоротную победу надъ классицизмомъ.

— Вы думаете, что классицизмъ исчезнетъ въ искусствѣ? возможно ли это? — сказалъ Чешневъ.

— Въ томъ видѣ, въ какомъ онъ господствовалъ прежде, конечно — да...

— Это зависитъ отъ степени таланта, — вмѣшался профессоръ. — Гений можетъ реставрировать (при этомъ словѣ

генераль поморщился) тотъ или другой стиль искусства! Вѣдь отказаться отъ классиковъ, значитъ отказаться отъ всякаго наслѣдія предковъ, отъ всякой преемственной связи съ прошедшимъ!

— Ну, опять запѣла канарейка!—ворчалъ Кряковъ сосѣдъ, которые не могли не засмѣяться.

— Если мы въ живыхъ организмахъ слѣдующихъ одно за другимъ поколѣній замѣчаемъ, — продолжалъ профессоръ— поразительную наслѣдственность отличительныхъ признаковъ, моральныхъ и физическихъ свойствъ, переходящую изъ рода въ родъ — то какъ же мы отвергнемъ передачу умственного, духовнаго или эстетического достоянія?.. Это значитъ отвергнуть цивилизацию — и начинать сначала. Зачѣмъ?

— Это совершенно справедливо,—замѣтилъ редакторъ:— но вы берете въ обширномъ смыслѣ...

— Позвольте, позвольте!—перебилъ Кряковъ: — отвѣтьте на мой вопросъ, только непремѣнно правду!

Опять общій смѣхъ.

— Oh, l'enfant terrible!—говорили въ концѣ стола.

— Давно ли вы читали вашихъ классиковъ и часто ли читаете ихъ?—спросилъ онъ.

Всѣ вдругъ смолкли.

— У меня Гомеръ, Горацій, Виргилій и всѣ классики, и древніе, и новые—всегда подъ рукой!—послѣ некотораго молчанія сказалъ профессоръ.

— Я не вѣрь спрашивалъ: это ваша служба! Вамъ классики нужны, какъ чиновнику *сводъ законовъ*. А вы? вы?— Онъ обратился къ Чешневу, редактору и къ прочимъ.

— Я заглядываю иногда...—отвѣчалъ редакторъ.

— Для справокъ по журналу, по части критики и беллетристики?

— Я помню многое, какъ будто вчера читалъ,—сказалъ Чешневъ:—и многое знаю наизусть...

— Что заучили въ школѣ; а теперь?

— И теперь, хотя рѣдко, но беру въ руки. Чѣдже изъ этого?

— А вотъ эти всѣ господа, пожалуй, или вовсе, или со школьнай скамы не читали,—прибавилъ Кряковъ, указывая безъ церемоніи на прочихъ гостей:—или перезабыли!

«Читаль прилежно Апулея,
А Цицерона не читаль»,—

сказалъ, улыбаясь, Урановъ.

— Вотъ видите: и напѣ «великій» поэтъ этою ироніею только прикрылъ правду; никто ихъ не читаетъ, а учать ихъ въ школѣ сами не знаютъ зачѣмъ; какъ учать и тому что міръ сотворенъ въ шесть дней, что волчица кормила Ромула и Рема и т. п.; не вѣрятъ, а учать, потомъ забываютъ!

— Пусть волчица и не кормила Ромула и Рема, а все-таки нельзя не выучить этой фабулы,—замѣтилъ Чешнєвъ:— вы безъ всего этого въ жизни и шагу не сдѣлаете! Пожалуй, забыть можно, но узнать нужно. Эти преданія слились съ исторіей. Мало ли вы выучиваете такого, что вамъ не понадобится потомъ въ жизни; но все изученное входитъ въ плоть и кровь вашего нравственнаго, умственнаго и эстетическаго образованія! Безъ этой подкладки древнихъ классиковъ, ихъ образцовъ во всемъ — смѣло скажу, человѣкъ образованнымъ называться не можетъ.

— Да зачѣмъ же учить ложь? Зачѣмъ не передѣлать этого вздора, чтобы не набивать имъ головы людскія? — вопилъ сердито Кряковъ.

— Вы правы,—заговорилъ редакторъ профессоръ:—классицизмъ будеть присутствовать въ наукѣ и искусствѣ и во всей жизни, пожалуй, какъ фундаментъ... или корень, если хотите; онъ будеть скрытъ въ глубинѣ земли. Но вѣдь человѣчество идетъ впередъ и все производить, творить; нарастаютъ новые роды, виды, и образуютъ со врем-

менемъ новое зданіе, которое въ свою очередь сдѣлается классическимъ. Отъ древняго же, начального классицизма— мы, воля ваша, ушли далеко! И дальше все будутъ нарастать новые, свѣжіе слои... Развитіе остановиться не можетъ!

— Позвольте, однако, замѣтить,—сказалъ профессоръ:— что произведенія искусства, какъ образцы, и сами по себѣ не отжили, и не одна только школа и молодость наслаждаются ими. Конечно, мы избалованы новыми и свѣжими побѣгами — это такъ, и вкусъ нашъ отчасти притупился и сталъ мало чувствителенъ къ простой и величавой эстетической трапезѣ. Но, какъ я хотѣлъ сказать, по временамъ является реставрація древности, производимая геніальными талантами, и въ какомъ могуществѣ возстаютъ тогда великие покойники! Напримѣръ—Рашель развѣ не воскресила намъ древнихъ библейскихъ и героическихъ женщинъ! Мы видѣли ихъ, какъ живыхъ!

— По Расину воскрешала древность! хороша древность!— замѣтилъ Кряковъ. — Развѣ Расинъ и Корнель тѣ классики, которыхъ вы разумѣете: полноте! А кто писалъ по классическимъ образцамъ, всѣ провалились со своими эпopeями, одами, диэирамбами; отъ нихъ ничего не осталось, все умерло!

— Это оттого, что повторить ихъ [не легко; и даже близко къ нимъ подойти!—сказалъ профессоръ.

— Потому что не нужно! — вставилъ Кряковъ. — Учи и пиши новую жизнь!

— Да,—прибавилъ Чешневъ:—вонъ статуя Венеры Милосской пролежала въ землѣ двѣ тысячи лѣтъ, но и теперь никто изъ новыхъ, въ своихъ произведеніяхъ, не подошелъ и близко къ ней! Или наша, хоть бы керченская ваза!.. Да все, все, что ни найдутъ: руку, торсъ, черепокъ вазы—все оказывается неподражаемо!

— Теперь все это машинами стали дѣлать на фабрикахъ,—сказалъ хозяинъ:—magnifique—et pas cher!

— Да, кажется, къ этому идетъ!— со вздохомъ замѣтилъ Чешневъ.

— Вы съѣхали на пластическія искусства, а мы, кажется, говорили объ искусствѣ слова!— сказалъ Кряковъ.

— И Гомера никто не повторилъ! — замѣтилъ профессоръ:— сами вы сказали!

— Наладили! — вполголоса замѣтилъ Кряковъ. — И я-то связался спорить! Кто бы сталъ читать новаго Гомера! Но-вый Гомеръ у насъ—это Гоголь!

Старики засмѣялись.

Опять настала пауза.

— Скажите, какъ вы находите женщинъ въ романѣ?— спросилъ Чешневъ редактора.

— Граціозныя, нѣжныя созданія, прозрачныя какъ видѣнія...— хвалилъ профессоръ.

— Да, именно видѣнія! — повторилъ журналистъ тономъ легкой ироніи:— такъ воздушно и тонко очерчены онъ, что плоти и крови въ нихъ какъ будто нѣть! Это болѣе тѣни, нежели живыя фигуры. Иначе, впрочемъ, и быть не могло: авторъ, какъ я замѣтилъ, пишетъ условныя, лицевые стороны жизни, не вводить насъ ни въ психологическую глубину, ни въ интимную реальную жизнь, оттого очерки его и блѣдны. Притомъ, женщины у него, какъ актрисы на сценѣ, дѣйствуютъ будто и на свободѣ, сами по себѣ, но во всякомъ ихъ словѣ и движеніи замѣтно, что на нихъ обращены тысячи глазъ. Мало того, что называется... abandon и вообще натуры...

— Завели рѣчь о «клубничкѣ»! — сказалъ съ пренебреженіемъ Кряковъ: — объ этомъ и говорить-то тошно! Нѣть романа, гдѣ авторъ самъ не захлебывался бы отъ юбочнаго счастья и не отравлялъ бы имъ и читателя! Ужели въ зре-ломъ обществѣ только въ этомъ вся жизнь и все дѣло и со-стоитъ, и другого содержанія нѣть!

— Есть, какъ не быть! вонь — совѣтъ, пожалуй, дѣла...

есть клубъ, есть карты; а убери женщина совсѣмъ—ничего безъ нихъ и не надо! Это главное, это на первомъ планѣ; на этомъ все вертится! — вдругъ провозгласилъ хозяинъ.— Я не пишу ни романовъ, ни драмъ, ни комедій, а знаю, что и тамъ, и въ жизни, безъ нихъ—хоть въ гробъ ложись. Такъ ли?

— Такъ! такъ!—закричали всѣ. — За здоровье женщина! За ваше здоровье!

Всѣ обратились къ Лилиной.

— Браво!—пискнула она, сверкая дѣтскими глазками.— Я принимаю за всѣхъ женщинъ этотъ тостъ и благодарю!— Она кокетливо отпила изъ бокала.

— Да, женщины — все!—прибавилъ и профессоръ.—Онъ иногда явный, иногда скрытый мотивъ всячаго человѣческаго дѣла; ихъ присутствіе, вѣяніе, такъ-сказать, женской атмосферы, даетъ цвѣтъ и плодъ жизни. Мы, мужчины, только орудіе, рабочая сила, на насъ лежить всякая черная работа... словомъ, мы—матерія, а женщины—духъ...

— Перестаньте, вѣдь мерзко слушать!—при общемъ смѣхѣ сказалъ Кряковъ.—Вотъ вѣдь, кажется, и культурный вѣкъ, и культурное общество...

— «Культурный вѣкъ»,—остановилъ его генераль:—позвольте спросить, поймутъ ли васъ въ харчевнѣ, въ вашемъ народѣ, если вы скажете этакъ?

Кряковъ поморщился и отмахнулся рукой отъ генерала, какъ отъ большой собаки.

— Авторъ, изображая сцены любви, — замѣтилъ редакторъ опять съ ироніей:—держался болѣе теоріи «неземного чувства», какъ его называли, бывало, въ стихахъ. У него любовь похожа скорѣе на религіозный экстазъ католическихъ монахинь, а не на живое, страстное человѣческое чувство...

— Какъ у Золя, напримѣръ? — спросилъ Чешневъ.—Да, надо прибавить и этотъ цвѣтокъ къ вѣнку автора; онъ не

отемниль своихъ страницъ ни однимъ пятномъ грубой чувственности! Свѣтъ и огонь чувства сквозить и грѣть вездѣ, а горячихъ углей нѣть! Это одна изъ его заслугъ!

— Онъ скуненекъ на поцѣлуи, это правда! — сказалъ Суховъ: — нѣть, чтобы того... эта... (онъ поглядывалъ на Лилину, какъ будто ея присутствіе стѣсняло его) — что-нибудь насчетъ... какъ, напримѣръ, тамъ графъ съ княгиней... въ паркѣ, что ли, въ ея деревнѣ... ну, жаркую сценку... какъ водится... по-человѣчески!...

Всѣ посмѣивались.

— Вотъ, чего захотѣлъ; смотри, узнаетъ Анна Андреевна! — сказалъ ему хозяинъ.

— Да, вы правы; если ужъ писать обѣ этомъ, такъ пиши реально, — замѣтилъ и Кряковъ: — клубничка такъ клубничка! Изображай правду! не краснѣй! разсказывай, какъ амурничаютъ эти бары и барыни между собой! Или графы и княгини иначе дѣлаютъ любовь, нежели мужики? Открой намъ тайны ихъ будуаровъ и алькововъ, если открываешь всю ихъ жизнѣ! А то дѣлаютъ любовь съ напускнымъ, невиннымъ лицомъ, какъ будто играютъ пьесу въ папашинѣ именины.

— А кто видаль эти тайны? — спросилъ Чешневъ.

— Какъ кто? я думаю, всѣ! — со смѣхомъ сказалъ Кряковъ.

— Кого же? себя видали въ чувственныхъ изліяніяхъ любви? — продолжалъ Чешневъ. — И у художника достанеть духа писать съ себя и съ любимой женщины! Скажите, какое чувство испытываетъ порядочный человѣкъ, если ему случится быть постороннимъ свидѣтелемъ самой скромной ласки между любящимися, даже между мужемъ и женой? Его коробить; а вы требуете, чтобы художникъ вносилъ въ искусство то, на что сама природа набросила покровъ, — стыдитесь!

Кряковъ улыбнулся.

— Какимъ изящнымъ слогомъ рассказываете вы все это!—замѣтилъ онъ.

— Очень желалъ бы вамъ сдѣлать такой же комплиментъ, но, къ сожалѣнію, не могу...

Общій смѣхъ не далъ договорить ему.

— Превесело, право!—твѣрдилъ Суховъ.
И хозяинъ развеселился.

— Да, благодаря Митѣ!—сказалъ онъ.

— А отѣлаю я автора, покажись только въ печать! —
грозилъ Кряковъ.

— Да, если вы скажете печатно то, что вы говорили здѣсь, то, конечно, произведеніе нашего автора не вылержитъ такой критики. Это все равно, если бъ сюда вошелъ гость — и мы вмѣсто того, чтобы раздвинуть стулья, очистить между нами мѣсто и встрѣтить его вѣжливо и радушно, вдругъ поднялись бы на него толпой, съ крикомъ, съ упреками, что онъ не такъ одѣтъ, не такъ пригожъ, уменъ! Вотъ образъ новой критики! Новый авторъ тоже, что новый гость **въ** литературѣ! Какие же это нравы? какая критика?

— Это называется теперь *critique militante*... воинствующая!—съ ироніей замѣтилъ профессоръ.

— Да, правда! критика — это война!—сказалъ Чешневъ:— но одни воюютъ мечомъ или копьемъ, какъ рыцари...

— Больше порохомъ и свинцомъ!— поправилъ генераль.

— А другіе...

— Кулакомъ! Да, это бываетъ; и хоть не такъ больно, какъ свинцомъ, а все-таки морды до крови разбиваются! — добавилъ Кряковъ и самъ засмѣялся, когда засмѣялись другие.—Впрочемъ, до этого рѣдко доходитъ; больше ругаются!— заключилъ онъ.

— Что это за прелесть — малый!—сказалъ Суховъ.

— А вы, Матвѣй Ивановичъ, — провозгласилъ вдругъ

хозяинъ, обращаясь къ Скудельникову: — что молчите? ни слова не сказали?

— Я давно хотѣлъ сказать, да не дали...

— Ну, говорите теперь: что такое?

— А вотъ дыню и ананасъ забыли, такъ и остались неразрѣзанными! — сказалъ онъ.

Всѣ засмѣялись.

— Въ самомъ дѣлѣ! сейчасъ, сейчасъ! — захлопотался хозяинъ. — Да что вы о дынѣ, вы о романѣ-то ничего не сказали.

— Я все слушалъ...

— Ну, и скажите что-нибудь.

— Все скажу.

— Говорите: мы слушаемъ.

— Я не вамъ, я самому автору скажу.

— Чѣмъ скажете?

— Все чѣмъ здѣсь происходило и чѣмъ говорили о его романѣ...

— Нельзя: мало ли чѣмъ тутъ говорили. Онъ обидится.

— Вы не знаете его, а еще друзья! Все скажу, чѣмъ дѣлали и говорили...

— Все?

— Все, даже и про ананасъ съ дыней не забуду!

— Скорѣй! скорѣй! кончимъ ихъ...

— Некогда, смотрите, на дворѣ день!

Всѣ оглянулись къ окнамъ. Майское утро превозмогало, даже сквозь густые занавѣсы, блескъ свѣчей.

Кряковъ вдругъ всталъ съ мѣста и скорыми шагами подошелъ къ хозяину, вмѣстѣ съ студентомъ.

— Прощайте, мнѣ пора! — сказалъ онъ: — спасибо вамъ! Прекрасный вечеръ! Мнѣ очень весело было... Ужинъ отличный, и вино тоже!

Всѣ смотрѣли на него съ улыбкой. Хозяинъ, Суховъ, генераль окружили его. Прочие сидѣли.

— Не хотите ли рюмку на прощанье? — сказалъ хозяинъ.

— Хоть стаканъ, съ удовольствіемъ!

Ему подали вина.

— За ваше здоровье! Благодарю! Я очень доволенъ вами! очень!

Всѣ хотели.

— А мы-то вами какъ? — сказалъ Суховъ.

Урановъ пожималъ ему обѣ руки.

— Намъ надо васъ благодарить! Вы доставили намъ такъ много удовольствія... — говорилъ онъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Ну, я радъ! Прощайте и вы всѣ; — сказалъ онъ прочимъ собесѣдникамъ: — я на васъ не сержусь, господа!

Общій хотѣть былъ ему отвѣтомъ.

— Il ne manquait que ça! Est-il drôle! — раздалось среди смѣха въ другомъ концѣ стола.

— Право, не сержусь! ни на кого! даже и на васъ! — обратился онъ къ Красноперову. — И на ваше превосходительство тоже! — обратился онъ къ генералу. — Дайте руку!

— Вы очень добры! — сказалъ генераль и весело хлопнуль рукой по его ладони.

Красноперовъ надулся. Хотѣть такъ и гудѣлъ.

— Что же вы смѣетесь? — упрекнулъ Кряковъ. — Скажите имъ, что это неучтиво! — обратился онъ къ Чешневу: — вы мнѣ дали урокъ въ учтивости, а они вонъ чтѣ! Смѣйтесь, когда уйду!

Но у всѣхъ лица такъ и сияли отъ смѣха.

— Dieu, Dieu, Dieu, Dieu! — повторялъ гость въ концѣ стола.

— Я самъ пріѣду къ вамъ съ визитомъ благодарить васъ за посѣщеніе! — сказалъ хозяинъ.

— Хорошо, хорошо! очень радъ! Славная мысль! буду ждать васъ! — отвѣчалъ Кряковъ. — Зачѣмъ съ визитомъ, да еще благодарить? Просто такъ пріѣзжайте! Не обманите!

Урановъ молчалъ и въ недоумѣніи поглядывалъ на него.

— И мнѣ позвольте покороче познакомиться съ вами и просить васъ когда-нибудь сдѣлать мнѣ честь пожаловать ко мнѣ! — сказалъ Суховъ. — Я пріѣду къ вамъ вотъ съ Григоріемъ Петровичемъ...

— Буду ожидать; что жъ, я радъ!.. И васъ всѣхъ прошу: милости просимъ ко мнѣ, кому угодно...

Всѣ смеялись.

— Я теперь въ Павловскѣ! — прибавилъ онъ.

— На дачѣ? Гдѣ же васъ тамъ найти? — спросилъ съ улыбкой Суховъ.

— Вотъ онъ знаѣтъ! — отвѣчалъ Кряковъ, указывая на молодого Уранова. — Съ нимъ пріѣзжайте! вотъ бы въ четвергъ: тамъ музыка въ этотъ день... Право!

— Гдѣ же мы васъ тамъ, на музыкѣ встрѣтимъ? — спросилъ Урановъ съ улыбкой.

И всѣ улыбались.

— Да, хоть на музыкѣ, а потомъ ко мнѣ...

— Прощайтѣ, прощайтѣ, не поминайте лихомъ! — твердилъ онъ, обходя столъ; Челинѣвъ онъ молча подалъ руку и крѣпко пожалъ се; тотъ отвѣчалъ ему тѣмъ же и съ какимъ-то состраданіемъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ. — Теперь, кажется, мало такихъ, — замѣтилъ онъ тихо сосѣду: — это одинъ изъ послѣднихъ магиканъ!

— И этотъ, я думаю, тоже, — отвѣчалъ тотъ тихо, указывая глазами на Красноперова.

Кряковъ все прощался.

— Et vous, lâ-bas sans rancune! — сказалъ онъ вдругъ, подходя къ концу стола, откуда раздавались французскія фразы.

— Tiens! il parle correctement! — замѣтили тамъ.

Потомъ онъ остановился около Лилиной.

— Прощайтѣ, барыня! — сказалъ онъ: — я и на васъ не сержусь; видите, какой я добрый!

Хохотъ возобновился.

— Докажите же и вы доброту: дайте мнѣ руку на прощанье! не бойтесь, я не укушу!

Всѣ съ любопытствомъ и смѣхомъ смотрѣли на нихъ обоихъ. Лилина робко и нерѣшительно положила свою руку на его ладонь, особенно когда увидѣла, что у него рука была чистая и изъ рукава виднѣлись манжеты безукоризненной бѣлизны.

— Не сердитесь? Нѣтъ?—спрашивалъ онъ, держа ея руку.

— Нѣтъ, нисколько!—сказала она, поглядывая на окружающихъ:—мнѣ тоже было весело!

— И прекрасно! А какая у васъ славная ручка: стройная, правильная, образцовая...

Она хотѣла отнять руку, особенно когда всѣ, не удерживая смѣха, смотрѣли на эту сцену. Но онъ держалъ ее крѣпко.

— Только пухла очень, мягка, изнѣжена она! Я знаю однако одну руку, которая не уступить вашей, особенно если на нее надѣть вотъ такую лепешку!—онъ указалъ на ея браслетъ съ большимъ изумрудомъ и съ брильянтами вокругъ.—Но та рука грубѣе; она не нѣжится, а работаетъ и иглой, при случай и сварить что-нибудь, и около дѣтей повозится!

— Чья же эта такая счастливая рука, что удостоилась вашего вниманія?—съ кокетливой ироніей спросила Лилина, уже переставшая робѣть. — Извините за нескромный вопросъ!—прибавила она.

— Моей жены, вотъ чья! славная бабенка! — сказалъ Кряковъ.—Но все-таки и у васъ ручка образцовая!

Онъ вдругъ чмокнулъ ея руку и быстро побѣжалъ вонъ, преслѣдуемый дружнымъ хохотомъ и воскликаніями всѣхъ гостей. За нимъ слѣдовала студентъ, а сзади провожалъ хозяинъ. Двери затворились, и хозяинъ воротился на свое мѣсто.

- Каковъ! а!—раздавалось съ разныхъ сторонъ.
- Mais c'est une horreur! c'est une peste!
- Помилуйте, прелестъ!—говорилъ Суховъ.
- L'ours mal lâché! Oh, quelle horreur!
- А я вижу, что онъ добрый малый, воля ваша!—сказалъ генераль.
- И какой умный, образованный!—прибавилъ редакторъ.
- Паршивая овца! — сказалъ Краснолевъ:—все стадо перепортить!
- Заблудшая овца! — поправилъ съ сожалѣніемъ профессоръ.
- А вы, Дмитрій Ивановичъ, какъ находите его?
- Онъ для меня... загадка!—сказалъ тотъ задумчиво.— Вы, конечно, знаете его?—спросилъ онъ у редактора журнала.
- Нѣтъ, вѣроятно первый разъ слышу его имя, — сказалъ тотъ.— Теперь таѣтъ много пишущихъ въ газетахъ и журналахъ!
- Въ эту минуту воротился молодой Урановъ и съ веселымъ видомъ смотрѣлъ на гостей.
- Ну что, проводилъ гостя?—спросилъ его дядя.
- Да! Какъ онъ вамъ понравился?
- Всѣ повторили ему свои отзывы.
- Еще приглашаетъ къ себѣ!—сказалъ Краснолевъ.— Кто поѣдетъ къ этакому уроду, куда-нибудь въ трущобу, на чердакъ!
- Мы поѣхали бы — вотъ съ нимъ!—сказалъ хозяинъ, показывая на Сухова: — если бъ это было въ городѣ. Но, конечно, онъ не серьезно приглашалъ насъ, да еще въ Павловскъ! Ты, Митя, завези ему просто наши карточки.
- Напротивъ, онъ очень серьезно приглашаетъ васъ всѣхъ,—сказалъ студентъ съ лукавымъ смѣхомъ: — и даже васъ!—обратился онъ къ Лилиной.—Вотъ и приглашеніе!
- Онъ подалъ дядѣ какой-то листокъ. Всѣ навострили уши и жадно впились глазами въ хозяина.

— Что это такое! — сказалъ тотъ и началъ читать вслухъ:

«Въ четвергъ, 12-го мая, въ Павловскомъ театрѣ, данъ будетъ, въ пользу герцоговинцевъ, спектакль, съ участіемъ артиста Императорскихъ театровъ»...

Онъ не успѣлъ договорить имени артиста, какъ все общество гостей привстало съ мѣстъ, хоромъ ~~ахнуло и вдругъ оцѣпенѣло~~ въ молчаніи.

— Это онъ! возможно ли! — шепнула кто-то точно въ испугѣ.

— Diable! diable! nous sommes joliment attrap s! — проговорилъ про себя другой.

Общая картина, которую вполнѣ наслаждался только одинъ зритель, молодой Урановъ.

Затѣмъ послѣдовалъ общій, сплошной смѣхъ. — А мы-то! — А я-то! — вырывалось среди хохота, то у того, то у другого. Чешневъ такъ и заливался ~~дѣтскимъ~~ смѣхомъ надъ собою. Только Красноперовъ угрюмо молчалъ.

— Какъ это тебѣ въ голову пришло, Митя! — обнимая племянника, сказалъ Урановъ.

— Вы просили, дядя, помочь, чтобы весело было! — сказалъ тотъ.

— Спасибо! я въ долгъ у тебя не останусь! — заключилъ Урановъ.

Еще собесѣдники не очнулись отъ смѣха, какъ вошелъ человѣкъ и сказалъ, что швейцарь пришелъ ~~снизу~~ доложить что-то нужное. Швейцарь и самъ выглядывалъ изъ-за дверей въ залу.

— Что такое случилось? что тебѣ? — спросилъ Григорій Петровичъ швейцара. — Войди!

— Насчетъ гостя; вотъ что сейчасъ изволили уйти...

— Ну?

Всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ ждали.

— Когда они вышли, я подалъ имъ пальто; а они подо-

шли къ зеркалу, покосились на меня и отвернулись вотъ этакъ спиной... а я въ зеркало-то все и увидалъ...

— Что жъ ты увидалъ?

— Они хвать за усы, да въ карманъ ихъ, хвать за бороду — да въ карманъ! Гляжу, совсѣмъ другой человѣкъ сталъ! Да безъ оглядки какъ бросится вонъ, на извозчика — и такъ прытко погнали...

— Ну, что же?

— Я и побѣжалъ наверхъ доложить... господинъ незнакомый, въ первый разъ... все ли цѣло... серебро... Можно дognать...

Всеобщій гомерическій хохотъ былъ ему отвѣтомъ.

Съ хохотомъ гости прощались съ Урановыми, съ хохотомъ шли по лѣстницѣ, одѣвались и разѣзжались.

Въ слѣдующій за этимъ вечеръ, въ четвергъ, вечерній поѣздъ привезъ въ семь часовъ въ Павловскъ всѣхъ гостей, бывшихъ на литературномъ вечерѣ Уранова, кромѣ Красноперова и графа Пестова, и много другихъ лицъ того же круга. За два дня до спектакля не было уже ни одного мѣста; билеты были распроданы по баснословной цѣнѣ.

Артиста, какъ и всегда, при его появлениі встрѣтилъ восторженный пріемъ. Раскланиваясь, онъ особый поклонъ обратилъ въ ту сторону, где сидѣли: Ураповъ, Суховъ, генераль, самъ авторъ романа и дамы, между прочими, графиня Синявская съ дочерью, княгиня и княжна Тецкія, Лилина и много другихъ. Пьеса прошла блестательно, вызовамъ не было конца, букетамъ и подаркамъ тоже. Тутъ были и вѣнки, и несессеры, и футляры съ разными вещами. Общее вниманіе обратилъ поданный изъ ложи, черезъ капельднера, большой старинный серебряный кубокъ, изящной работы, который Урановъ показывалъ за ужиномъ своимъ гостямъ.

Артистъ принялъ кубокъ, узналь его, взглянуль на ложу,

откуда его подали, и не могъ даже поклониться. Онъ только приложилъ руку къ сердцу.

На кубкѣ были вырѣзаны имена всѣхъ присутствовавшихъ за ужиномъ.

«Истинному виновнику вечера 7-го мая — благодарные собесѣдники», сказано было въ запискѣ, вложенной въ кубокъ.

Тамъ же оказался футляръ съ браслетомъ, украшеннымъ большими изумрудомъ съ брильянтами вокругъ.

«Съ одной женской руки на другую, достойнейшую, руку супруги знаменитаго артиста — отъ женщины», написано было мелкимъ женскимъ почеркомъ на бумажкѣ.

Наконецъ, со дна кубка артистъ досталъ пачку радужныхъ ассигнацій. Онъ сосчиталъ — оказалось пятьсотъ рублей. Онъ отнесъ ихъ въ кассу, взялъ расписку въ получение пожертвованія отъ такихъ-то лицъ въ пользу славянъ — и отправилъ ее на другой день со своею визитною карточкою къ Уранову.

Сентябрь 1877.

„МИЛОНЬ ТЕРЗАНИЙ“.

(Критический этюдъ).

«Горе отъ ума», Грибоедова.—Бенефисъ Монахова, ноябрь, 1871 г.

Комедія «Горе отъ ума» держится какимъ-то особнякомъ въ литературѣ и отличается моложавостью, свѣжестью и болѣе крѣпкой живучестью отъ другихъ произведеній слова. Она, какъ стольтній старикъ, около котораго всѣ, отживъ по очереди свою пору, умираютъ и валятся, а онъ ходить, бодрый и свѣжій, между могилами старыхъ и колыбелями новыхъ людей. И никому въ голову не приходитъ, что настанетъ когда-нибудь и его чередъ.

Всѣ знаменитости первой величины, конечно, не даромъ поступили въ такъ-называемый «храмъ безсмертія». У всѣхъ у нихъ много, а у иныхъ, какъ, напримѣръ, у Пушкина, гораздо болѣе правъ на долговѣчность, нежели у Грибоѣдова. Ихъ нельзя близко и ставить одного съ другимъ. Пушкинъ громадень, плодотворень, силенъ, богатъ. Онъ для русскаго искусства то же, что Ломоносовъ для русскаго просвѣщенія вообще. Пушкинъ занялъ собою всю свою эпоху, самъ создалъ другую, породилъ школы художниковъ,—взялъ себѣ въ эпохѣ все, кроме того, что успѣлъ взять Грибоѣдовъ и до чего не договорился Пушкинъ.

Несмотря на гений Пушкина, передовые его герои, какъ герои его вѣка, уже блѣднѣютъ и уходятъ въ прошлое. Гениальныя созданія его, продолжая служить образцами и источникомъ искусству—сами становятся исторіей. Мы изучили Онѣгина, его время и его среду, взвѣсили, опредѣлили значеніе этого типа, но не находимъ уже живыхъ слѣдовъ этой личности въ современномъ вѣкѣ, хотя созданіе этого типа останется неизгладимымъ въ литературѣ. Даже позднѣйшіе герои вѣка, напримѣръ, Лермонтовскій Печоринъ, представляя, какъ и Онѣгинъ, свою эпоху, каменѣютъ, однако, въ неподвижности, какъ статуи на могилахъ. Не говоримъ о явившихся позднѣе ихъ, болѣе или менѣе яркихъ тиахъ, которые при жизни авторовъ успѣли сойти въ могилу, оставивъ по себѣ нѣкоторыя права на литературную память.

Называли *безсмертною* комедіею «Недоросль» Фонвизина,—и основательно—ея живая, горячая пора продолжалась около полувѣка: это громадно для произведенія слова. Но теперь нѣтъ ни одного намека въ «Недоросль» на живую жизнь, и комедія, отслуживъ свою службу, обратилась въ историческій памятникъ.

«Горе отъ ума» появилось раньше Онѣгина, Печорина, пережило ихъ, прошло невредимо чрезъ Гоголевскій періодъ, прожило эти полвѣка со времени своего появленія и все живеть своею нетлѣнною жизнью, переживетъ и еще много эпохъ и все не утратить своей жизненности.

Отчего же это, и что такое вообще это «Горе отъ ума»?

Критика не трогала комедію съ однажды занятаго ею мѣста, какъ будто затрудняясь, куда ее помѣстить. Изустная оцѣнка опередила печатную, какъ сама пьеса задолго опередила печать. Но грамотная масса оцѣнила ее фактически. Сразу понявъ ея красоты и не найдя недостатковъ, она разнесла рукопись на клочки, на стихи, полустишия, развела всю соль и мудрость пьесы въ разговорной рѣчи,

точно сбратила мильонъ въ гривенники, и до того испестрила Грибоѣдовскими поговорками разговоръ, что буквально истаскала комедію до пресыщенія.

Но пьеса выдержала и это испытаніе — и не только не опошилась, но сдѣлалась, какъ будто, дороже для читателей, нашла себѣ въ каждомъ изъ нихъ покровителя, критика и друга, какъ басни Крылова, не утратившія своей литературной силы, перейдя изъ книги въ живую рѣчь.

Печатная критика всегда относилась съ болѣшею или менышею строгостью только къ сценическому исполненію пьесы, мало касаясь самой комедіи, или высказываясь въ отрывочныхъ, неполныхъ и разнорѣчивыхъ отзывахъ. Рѣшено разъ всеми навсегда, что комедія образцовое произведеніе — и на томъ всѣ помирились.

И мы здѣсь не претендуемъ произнести критической приговоръ, въ качествѣ присяжного критика: рѣшительно уклоняясь отъ этого — мы, въ качествѣ любителя, только высказываемъ свои размышенія, тоже по поводу одного изъ послѣднихъ представлений «Горе отъ ума» на сценѣ. Мы хотимъ подѣлиться съ читателемъ этими своими мнѣніями, или лучше сказать сомнѣніями о томъ, такъ ли играется пьеса, т. е. съ той ли точки зрѣнія смотрять обыкновенно на ея исполненіе и сами артисты, и зрители? А заговоривъ объ этомъ, нельзя не высказать мнѣній и сомнѣній и о томъ, такъ ли должно понимать самую пьесу, какъ ее понимаютъ некоторые исполнители и, можетъ-быть, и зрители. Не хотимъ опять сказать, что мы считаемъ нашъ способъ пониманія непогрѣшимымъ — мы предлагаемъ его только какъ одинъ изъ способовъ пониманія, или какъ одну изъ точекъ зрѣнія.

Что дѣлать актеру, вдумывающемуся въ свою роль въ этой пьесѣ? Положиться на одинъ собственный судъ — не достанетъ никакого самолюбія, а прислушаться за сорокъ лѣтъ къ говору общественного мнѣнія — нѣть возможности,

не затерявшись въ мелкомъ анализѣ. Остается, изъ безчисленнаго хора высказанныхъ и высказывающихся мнѣній, остановиться на нѣкоторыхъ общихъ выводахъ, начиная повторяемыхъ—и на нихъ уже строить собственный планъ оценки.

Одни цѣнить въ комедіи картину московскихъ правовъ извѣстной эпохи, созданіе живыхъ типовъ и ихъ искусственную группировку. Вся пьеса представляется какимъ-то кругомъ знакомыхъ читателю лицъ, и притомъ такимъ опредѣленнымъ и замкнутымъ, какъ колода картъ. Лица Фамусова, Молчалина, Скалозуба и другія врѣзались въ память такъ же твердо, какъ короли, валеты и дамы въ картахъ, и у всѣхъ сложилось болѣе или менѣе согласное понятіе о всѣхъ лицахъ, кромѣ одного — Чацкаго. Такъ всѣ они начертаны вѣрно и строго и такъ примелькались всѣмъ. Только о Чацкомъ многіе недоумѣваютъ: что онъ такое? Онъ какъ-будто пятьдесятъ-третья какая-то загадочная карта въ колодѣ. Если было мало разногласія въ пониманіи другихъ лицъ, то о Чацкомъ, напротивъ, разнорѣчія не кончились до сихъ поръ и можетъ быть не кончатся еще долго.

Другіе, отдавая справедливость картинѣ нравовъ, вѣрности типовъ, дорожатъ болѣе эпиграмматической солью языка, живой сатирой—моралью, которою пьеса до сихъ поръ, какъ неистощимый колодецъ, снабжаетъ всякаго на каждый обходный шагъ жизни.

Но и тѣ и другіе цѣнители почти обходятъ молчаниемъ самую «комедію», дѣйствіе, и многіе даже отказываютъ ей въ условномъ сценическомъ движеніи.

Несмотря на то, всякий разъ, однако, когда меняется персональ въ роляхъ, и тѣ и другіе суды идутъ въ театръ, и снова поднимаются оживленные толки объ исполненіи той или другой роли и о самыхъ роляхъ, какъ будто въ новой пьесѣ.

Всѣ эти разнообразныя впечатлѣнія и на нихъ основан-

ная своя точка зрѣнія у всѣхъ и у каждого служать лучшимъ опредѣленіемъ пьесы, т. е., что комедія «Горе отъ ума» есть и картина нравовъ, и галлерея живыхъ типовъ, и вѣчно-острая, жгучая сатира, и вмѣстѣ съ тѣмъ и комедія и, скажемъ сами за себя—больше всего комедія—какая едва ли найдется въ другихъ литературахъ, если принять совокупность всѣхъ прочихъ высказанныхъ условій. Какъ картина, она, безъ сомнѣнія, громадна. Полотно ея захватываетъ длинный періодъ русской жизни—отъ Екатерины до императора Николая. Въ группѣ двадцати лицъ отразилась, какъ лучъ свѣта въ каплѣ воды, вся прежняя Москва, ея рисунокъ, тогдашній ея духъ, исторический моментъ и нравы. И это съ такою художественною, объективною законченностью и опредѣленностью, какая далась у насъ только Пушкину и Гоголю.

Въ картинѣ, гдѣ нѣть ни одного блѣднаго пятна, ни одного посторонняго, лишняго штриха и звука—зритель и читатель чувствуютъ себя и теперь, въ нашу эпоху, среди живыхъ людей. И общее и детали, все это не сочинено, а такъ цѣликомъ взято изъ московскихъ гостиныхъ и перенесено въ книгу и на сцену, со всей теплотой и со всѣмъ «особымъ отпечаткомъ» Москвы,—отъ Фамусова до мелкихъ штриховъ, до князя Тугоуховскаго и до лакея Петрушки, безъ которыхъ картина была бы не полна.

Однако для насть она еще не вполнѣ законченная историческая картина: мы не отодвинулись отъ эпохи на достаточное разстояніе, чтобы между ею и нашимъ временемъ легла непроходимая бездна: Колоритъ не сгладился совсѣмъ; вѣкъ не отдѣлился отъ нашего, какъ отрѣзанный ломоть: мы кое-что оттуда унаслѣдовали, хотя Фамусовы, Молчалины, Загорѣцкіе и пр. видоизмѣнились такъ, что не вѣзутъ уже въ кожу Грибоѣдовскихъ типовъ. Рѣзкія черты отжили конечно: никакой Фамусовъ не станетъ теперь приглашать въ шуты и ставить въ примѣръ Максима Петро-

вича, по крайней мѣрѣ, такъ положительно и явно. Молчалинъ, даже передъ горничной, втихомолку, не сознается теперь въ тѣхъ заповѣдяхъ, которыхъ завѣщалъ ему отецъ; такой Скалозубъ, такой Загорѣцкій невозможны даже въ далекомъ захолустьѣ. Но пока будетъ существовать стремленіе къ почестямъ помимо заслуги, пока будутъ водиться мастера и охотники угодничать и «награжденья братъ и весело пожить», пока сплетни, бездѣлье, пустота будутъ господствовать, не какъ пороки, а какъ стихіи общественной жизни,—до тѣхъ поръ, конечно, будутъ мелькать и въ современномъ обществѣ черты Фамусовыхъ, Молчалиныхъ и другихъ, нужды нѣтъ, что съ самой Москвы стерся тотъ «особый отпечатокъ», которымъ гордился Фамусовъ.

Общечеловѣческие образы конечно остаются всегда, хотя и тѣ превращаются въ неизнаваемые отъ временныхъ перемѣнъ типы, такъ что, на смѣну старому, художникамъ иногда приходится обновлять, по прошествіи долгихъ періодовъ, явившіяся уже когда-то въ образахъ основныя черты нравовъ и вообще людской натуры, облекая ихъ въ новую плоть и кровь въ духѣ своего времени. Тартюфъ конечно—вѣчный типъ, Фальстафъ—вѣчный характеръ—но и тотъ и другой, и многие еще знаменитые подобные имъ первообразы страстей, пороковъ и проч., исчезая сами въ туманѣ старины, почти утратили живой образъ и обратились въ идею, въ условное понятіе, въ нарицательное имя порока, и для нась служатъ уже не живымъ урокомъ, а портретомъ исторической галлереи.

Это особенно можно отнести къ Грибоѣдовской комедіи. Въ ней мѣстный колоритъ слишкомъ ярокъ, и обозначеніе самыхъ характеровъ такъ строго очерчено и обставлено такою реальностью деталей, что общечеловѣческія черты едва выдѣляются изъ-подъ общественныхъ положеній, ранговъ, костюмовъ и т. п.

Какъ картина современныхъ нравовъ, комедія «Горе отъ

ума» была отчасти анахронизмомъ и тогда, когда въ 30-хъ годахъ появилась на московской сценѣ. Уже Щепкинъ, Мочаловъ, Львова-Синецкая, Ленскій, Орловъ и Сабуровъ играли не съ натуры, а по свѣжему преданію. И тогда стали исчезать рѣзкие штрихи. Самъ Чацкій гремитъ противъ «вѣка минувшаго», когда писалась комедія, а она писалась между 1815 и 1820 годами.

«Какъ посравнить да посмотрѣть» (говорить онъ),
«Вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій,
«Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ»—
а про свое время выражается такъ:

«Теперь вольнѣе всякой дышить»—
или:

«Браницъ вашъ вѣкъ я безпощадно»,—
говорить онъ Фамусову.

Стѣдовательно, теперь остается только немногое отъ мѣстнаго колорита: страсть къ чинамъ, низкопоклонничество, пустота. Но съ какими-нибудь реформами чины могутъ отойти, низкопоклонничество до степени лакейства Молчалинского уже прячется и теперь въ темноту, а поэзія фрунта уступила мѣсто строгому и раціональному направленію въ военномъ дѣлѣ.

Но все же еще кое-какіе живые слѣды есть, и они пока мѣшаютъ обратиться картинѣ въ законченный исторической барельефъ. Эта будущность еще пока у ней далеко впереди.

Соль, эпиграмма, сатира, этотъ разговорный стихъ, кажется, никогда не умрутъ, какъ и самъ, разсыпанный въ нихъ острый и юдкій, живой русскій умъ, который Грибоѣдовъ заключилъ, какъ волшебникъ духа какого-нибудь въ свой замокъ, и онъ разсыпается тамъ злобнымъ смѣхомъ. Нельзя представить себѣ, чтобы могла явиться когда-нибудь другая, болѣе естественная, простая, болѣе взятая изъ

жизни рѣчь. Проза и стихъ слились здѣсь во что-то нераздѣльное, затѣмъ кажется, чтобы ихъ легче было удержать въ памяти и пустить опять въ оборотъ весь собранный авторомъ умъ, юморъ, шутку и злость русскаго ума и языка. Этотъ языкъ такъ же дался автору, какъ далась группа этихъ лицъ, какъ дался главный смыслъ комедіи, какъ дѣлось все вмѣстѣ, будто вылилось разомъ, и все образовало необыкновенную комедію—и въ тѣсномъ смыслѣ какъ сценическую пьесу, — и въ обнирномъ, какъ комедію жизни. Другимъ ничѣмъ, какъ комедіей, она и не могла бы быть.

Оставя двѣ капитальныя стороны пьесы, которыхъ такъ явно говорятъ за себя, и потому имѣютъ большинство почитателей,—т.-е. картину эпохи, съ группой живыхъ портретовъ, и соль языка,—обратимся сначала къ комедіи, какъ къ сценической пьесѣ, потомъ какъ къ комедіи вообще, къ ея общему смыслу, къ главному разуму ея въ общественномъ и литературномъ значеніи, наконецъ, скажемъ и объ исполненіи ея на сценѣ.

Давно привыкли говорить, что нѣть движенія, т.-е. нѣть дѣйствія въ пьесѣ. Какъ нѣть движенія? Есть—живое, непрерывное, отъ первого появленія Чапкаго на сценѣ до послѣдняго его слова: «Карету мнѣ, карету!»

Это—тонкая, умная, изящная и страстная комедія, въ тѣсномъ, техническомъ смыслѣ, — вѣрная въ мелкихъ психологическихъ деталяхъ,—но для зрителя почти неуловимая, потому что она замаскирована типичными лицами героевъ, геніальной рисовкой, колоритомъ мѣста, эпохи, прелестью языка, всѣми поэтическими силами, такъ обильно разлитыми въ пьесѣ. Дѣйствіе, т.-е. собственно интрига въ ней, передъ этими капитальными сторонами, кажется блѣднымъ, липкимъ, почти ненужнымъ.

Только при разѣздахъ въ сценахъ зритель точно пробуждается при неожиданной катастрофѣ, разразившейся между главными лицами, и вдругъ припоминаетъ комедію-интригу.

Но и то не надолго. Передъ нимъ уже вырастаетъ громадный, настоящій смыслъ комедіи.

Главная роль, конечно — роль Чапкаго, безъ которой не было бы комедіи, а была бы, пожалуй, картина нравовъ.

Самъ Грибоѣдовъ приписалъ горе Чапкаго его уму, а Пушкинъ отказалъ ему вовсе въ умѣ.

Можно бы было подумать, что Грибоѣдовъ, изъ отеческой любви къ своему герою, польстилъ ему въ заглавіи, какъ будто предупредивъ читателя, что герой его уменъ, а всѣ прочие около него не умны.

Но Чапкій, не только умнѣе всѣхъ прочихъ лицъ, но и положительно уменъ. Рѣчь его кипитъ умомъ, остроуміемъ. У него есть и сердце, и притомъ онъ безукоризненно честенъ. Словомъ — это человѣкъ, не только умный, но и развитой, съ чувствомъ, или, какъ рекомендуетъ его горничная Лиза, онъ «чувствителенъ и весель, и остеръ». Только личное его горе произошло не отъ одного ума, а болѣе отъ другихъ причинъ, гдѣ умъ его игралъ страдательную роль, и это подало Пушкину поводъ отказать ему въ умѣ. Между тѣмъ Чапкій, какъ личность, несравненно выше и умнѣе Онѣгина и Лермонтовскаго Печорина. Онъ искрennій и горячій дѣятель, а тѣ — паразиты, изумительно начертанные великими талантами, какъ болѣзnenныя порожденія отжившаго вѣка. Ими заканчивается ихъ время, а Чапкій начинаетъ новый вѣкъ — и въ этомъ все его значеніе и весь «умъ».

И Онѣгинъ, и Печоринъ, оказались неспособны къ дѣлу, къ активной роли, хотя оба смутно понимали, что около нихъ все истлѣло. Они были даже «озлоблены», носили въ себѣ и «недовольство» и бродили какъ тѣни съ «тоскующею лѣнью». Но презирая пустоту жизни, праздное барство, они поддавались ему и не подумали, ни бороться съ нимъ, ни бѣжать окончательно. Недовольство и озлобленіе не мѣшиали Онѣгину франтить, «блестѣть» и въ театрѣ, и на

балѣ, и въ модномъ ресторанѣ, кокетничать съ дѣвицами и серьезно ухаживать за ними въ замужествѣ, а Печорину блестѣть интересной скучой и мыкать свою лѣнью и озлобленіе между княжной Мери и Бэлой, а потомъ рисоваться равнодушіемъ къ нимъ передъ тупымъ Максимомъ Максимычемъ: это равнодушіе—считалось квинтъ-эссенціей доњ-жуанства. Оба томились, задыхались въ своей средѣ, и не знали, чего хотѣть. Онѣгінъ пробовалъ читать, но зѣвнуль и бросилъ, потому что ему и Печорину была знакома одна наука «страсти нѣжной», а прочему всему они учились «чemu-нибудь и какъ-нибудь»—и имъ нечего было дѣлать.

Чацкій, какъ видно, напротивъ, готовился серьезно къ дѣятельности. «Онъ славно пишеть, переводить», говорить о немъ Фамусовъ, и всѣ твердять о его высокомъ умѣ. Онъ, конечно, путешествовалъ не даромъ, учился, читалъ, принимался, какъ видно, за трудъ, быть въ сношеніяхъ съ министрами и разошелся—не трудно догадаться почему:

«Служить бы радъ,—прислуживаться тошно»,—

намекаетъ онъ самъ. О «тоскующей лѣни, о праздной скучѣ» и помину неѣть, а еще менѣе о «страсти нѣжной», какъ о наукѣ и о занятіи. Онъ любить серьезно, видя въ Софѣ будущую жену.

Междудѣмъ Чацкому досталось выпить до дна горькую чашу—не найдя ни въ комъ «сочувствія живого», и уѣхать, увозя съ собой только «мільонъ терзаній».

Ни Онѣгінъ, ни Печоринъ не поступили бы такъ неумно вообще, въ дѣлѣ любви и сватовства особенно. Но зато они уже поблѣдѣли и обратились для насъ въ каменные статуи, а Чацкій остается и останется всегда въ живыхъ за эту свою «глупость».

Читатель помнить, конечно, все что продѣлалъ Чацкій. Прослѣдимъ слегка ходъ пьесы и постараемся выдѣлить изъ нея драматической интересъ комедіи, то движение, которое

идеть черезъ всю пьесу, какъ невидимая, по живая нить, связующая всѣ части и лица комедіи между собою.

Чацкій вѣтаетъ къ Софѣ, прямо изъ дорожнаго экипажа, не заѣжалъ къ себѣ, горячо цѣлуясь у ней руку, глядитъ ей въ глаза, радуется свиданію, въ надеждѣ найти отвѣтъ прежнему чувству — и не находитъ. Его поразили двѣ перемѣны: она необыкновенно похорошѣла и охладѣла къ нему — тоже необыкновенно.

Это его и озадачило, и огорчило, и немного раздражило. Напрасно онъ старается посыпать солью юмора свой разговоръ, частію играя этой своей силой, чѣмъ конечно прежде нравился Софѣ, когда она его любила, — частію подъ вліяніемъ досады и разочарованія. Всѣмъ достается, всѣхъ перебралъ онъ — отъ отца Софы до Молчалина — и какими мѣткими чертами рисуетъ онъ Москву — и сколько изъ этихъ стиховъ ушло въ живую рѣчь! Но все напрасно: пѣжная воспоминанія, остроты — ничто не помогаетъ. Онъ *терпитъ отъ нея однѣ холодности*, пока, Ѳдко задѣвъ Молчалина, онъ не задѣль за живое и ее. Она уже съ скрытой злостью спрашиваетъ его, случилось ли ему хоть нечаянно «добро о комъ-нибудь сказать», и исчезаетъ при входѣ отца, выдавъ послѣднему почти головой Чацкаго, т. е. объявивъ его героемъ разсказанного передъ тѣмъ отцу сна.

Съ этой минуты между єю и Чацкимъ завязался горячий поединокъ, самое живое дѣйствіе, комедія въ тѣснотѣ смыслѣ, въ которой принимаютъ близкое участіе два лица, Молчалинъ и Лиза.

Всякій шагъ Чацкаго, почти всякое слово въ пьесѣ, тѣсно связаны съ игрой чувства его къ Софѣ, раздраженнаго какою-то ложью въ ея поступкахъ, которую онъ и бѣется разгадать до самаго конца. Весь умъ его и всѣ силы уходятъ въ эту борьбу: она и послужила мотивомъ, поводомъ къ раздраженіямъ, къ тому «миллиону терзаній», подъ вліяніемъ которыхъ онъ только и могъ сыграть ука-

занную ему Грибоедовымъ роль, роль гораздо большаго, высшаго значенія, нежели неудачная любовь, словомъ роль, для которой и родилась вся комедія.

Чацкій почти не замѣчаетъ Фамусова, холодно и разсѣянно отвѣтываетъ на его вопросъ, гдѣ былъ? «Теперь мнѣ до того ли?» говорить онъ, и обѣщая пріѣхать опять, уходитъ, проговаривая изъ того, что его поглощаетъ:

«Какъ Софья Павловна у васъ похоронѣла!»

Во второмъ посѣщеніи онъ начинаетъ разговоръ опять о Софѣ Павловнѣ.—«Не больна ли она? не приключилось ли ей печали?»—и до такой степени охваченъ и подогрѣтымъ ея расцвѣтшей красотой чувствомъ, и ея холодностью къ нему, что, на вопросъ отца, не хочетъ ли онъ на ней жениться, въ разсѣянности спрашиваетъ: «А вамъ на что!» И потомъ равнодушно, только изъ приличія, дополняетъ:

«Пусть я посватаюсь, вы что бы мнѣ сказали?»

И почти не слушая отвѣта, вяло замѣчаетъ на совѣтъ «послужить»:

«Служить бы радъ,—прислуживаться тошно!»

Онъ и въ Москву, и къ Фамусову, пріѣхалъ очевидно для Софы и къ одной Софѣ. До другихъ ему дѣла нѣть; ему и теперь досадно, что онъ, вмѣсто нея, нашелъ одного Фамусова. «Какъ здѣсь бы ей не быть?» задается онъ вопросомъ, припоминая прежнюю юношескую свою любовь, которую въ немъ «ни даль не охладила, ни развлеченье, ни перемѣна мѣсть»,—и мучается ея холодностью.

Ему скучно и говорить съ Фамусовымъ—и только положительный вызовъ Фамусова на споръ выводить Чацкаго изъ его сосредоточенности:

«Вотъ то-то, всѣ вы гордецы:
«Смотрѣли бы какъ дѣлали отцы,
«Учились бы, на старшихъ глядя!»—

говорить Фамусовъ и затѣмъ чертить такой грубый и уродливый рисунокъ работѣства, что Чацкій не вытерпѣлъ

и въ свою очередь сдѣлать параллель вѣка «минувшаго» съ вѣкомъ «нынѣшнимъ».

Но все еще раздражение его сдержано: онъ какъ будто совѣстится за себя, что вздумалъ отрезвлять Фамусова отъ его понятій; онъ спѣшилъ вставить, что «не о дядюшкѣ его говорить», котораго привелъ въ примѣръ Фамусовъ, и даже предлагаетъ послѣднему побранить и свой вѣкъ, наконецъ, всячески старается замять разговоръ, видя, какъ Фамусовъ заткнулъ уши, — успокаиваетъ его, почти извиняется.

«Длить споры не мое желанье», —

говорить онъ. Онъ готовъ опять войти въ себя. Но его будить неожиданный намекъ Фамусова на слухъ о сватовствѣ Скалозуба.

«Вотъ будто женится на Софьюшкѣ...» и т. д.

Чацкій навострилъ уши.

«Какъ суетится, что за прытъ!» —

«А Софья? Нѣтъ ли впрямь тутъ жениха какого?» говорить онъ, и хотя потомъ прибавляетъ:

«Ахъ — тотъ скажи любви конецъ,

«Кто на три года вдаль уѣдетъ!» —

но самъ еще не вѣритъ этому, по примѣру всѣхъ влюбленныхъ, пока эта любовная аксиома не разыгралась надъ нимъ до конца.

Фамусовъ подтверждаетъ свой намекъ о женитьбѣ Скалозуба, навязывая послѣднему мысль «о генеральшѣ», и почти явно вызываетъ на сватовство.

Эти намеки на женитьбу возбудили подозрѣнія Чацкаго о причинахъ перемѣны къ нему Софьи. Онъ даже согласился-было на просьбу Фамусова бросить «завирадльныя идеи» и помочь при гостѣ. Но раздраженіе уже шло crescendo, и онъ вмѣшался въ разговоръ, пока небрежно, а потомъ, раздосадованный неловкой похвалой Фамусова

его уму и проч., возвышаетъ тонъ и разрѣшается рѣзкимъ монологомъ:

«А суды кто?» и т. д. Тутъ уже завязывается другая борьба, важная и серьезная, цѣлая битва. Здѣсь въ нѣсколькихъ словахъ раздается, какъ въ увертюрѣ оперы, главный мотивъ, намекающий на истинный смыслъ и цѣль комедіи. Оба, Фамусовъ и Чацкій, бросили другъ другу перчатку:

«Смотрѣли бы, какъ дѣлали отцы,
«Учились бы, на старшихъ глядя!»—

раздался военный кличъ Фамусова. А кто эти старшие и «суды»?

...«За дряхлостю лѣть
«Къ свободной жизни ихъ вражда непримирима»,—

отвѣчаетъ Чацкій и казнить—

«Прошедшаго житья подлѣйшія черты».

Образовались два лагеря, или, съ одной стороны, цѣлый лагерь Фамусовыхъ и всей братіи «отцовъ и старшихъ»,— съ другой—одинъ пылкій и отважный боецъ, «врагъ иска-ній». Это борьба на жизнь и смерть, борьба за существование, какъ новѣйшие натуралисты опредѣляютъ естественную смѣну поколѣній въ животномъ мірѣ. Фамусовъ хочетъ быть «тузомъ» — «ѣсть на серебрѣ и на золотѣ, ѿздѣтъ цугомъ, весь въ орденахъ, быть богатымъ и видѣть дѣтей богатыми, въ чинахъ, въ орденахъ и съ ключомъ»—и такъ безъ конца, и все это только за то, что онъ подписываетъ бумаги, не читая и боясь одного, «чтобъ множество не накопилось ихъ».

Чацкій рвется къ «свободной жизни», «къ занятіямъ наукой и искусствомъ и требуетъ службы дѣлу, а не лицамъ» и т. д. На чьей сторонѣ побѣда? Комедія даетъ Чацкому только «мільонъ терзаній» и оставляетъ, по-видимому, въ томъ же положеніи Фамусова и его братію,

въ какомъ они были, ничего не говоря о послѣдствіяхъ борьбы.

Теперь намъ извѣстны эти послѣдствія. Они обнаружились съ появленіемъ комедіи, еще въ рукописи, въ свѣтъ — и какъ эпидемія охватили всю Россію!

Междѣ тѣмъ интрига любви идетъ своимъ чередомъ, правильно, съ тонкою психологическою вѣрнотью, кото-рая во всякой другой пьесѣ, лишенной прочихъ колос-сальныхъ Грибоѣдовскихъ красотъ — могла бы сдѣлать ав-тору имя.

Обморокъ Софы при паденіи съ лошади Молчалина, ея участіе къ нему, такъ неосторожно высказавшееся, новые сарказмы Чацкаго на Молчалина — все это усложнило дѣй-ствіе и образовало тотъ главный пунктъ, который назывался въ штикахъ завязкою. Тутъ сосредоточился драматический интересъ. Чацкій почти угадалъ истину.

«Смѣтенье, обморокъ, поспѣшность, гнѣвъ испуга (по слушаю паденья съ лошади Молчалина).

«Все это можно ощущать,
«Когда лишаешься единственнаго друга».—

говорить онъ и уѣзжаетъ въ сильномъ волненіи, въ мукахъ подозрѣній на двухъ соперниковъ.

Въ третьемъ актѣ онъ раньше всѣхъ забирается на балъ, съ цѣлью «вынудить признанье» у Софы — и съ дрожью нетерпѣнья приступаетъ къ дѣлу прямо съ вопросомъ: «Кого она любитъ?»

Послѣ уклончиваго отвѣта, она признается, что ей ми-лье его «иные». Кажется ясно. Онъ и самъ видѣть это и даже говорить:

«И я чего хочу, когда все рѣшено?
«Мнѣ въ петлю лѣзть, а ей смѣшино!»

Однако лѣзть, какъ всѣ влюбленные, несмотря на свой «умъ», и уже слабѣеть передъ ея равнодушіемъ. Онъ бро-сается никуда негодное противъ счастливаго соперника ору-

жіе — прямое нападеніе на него, и снисходить до притворства:

«Разъ въ жизни притворюсь,»

рѣшаеть онъ, — чтобы «разгадать загадку», а собственно, чтобы удержать Софью, когда она рванулась прочь при новой стрѣлѣ, пущенной въ Молчалина. Это не притворство, а уступка, которой онъ хочетъ выпросить тѣ, чего нельзя выпросить — любви, когда ея нѣтъ. Въ его рѣчи уже слышится молящій тонъ, иѣжные упреки, жалобы:

«Но есть ли въ немъ та страсть, то чувство, иылкость та...

«Чтобъ, кромѣ васъ, ему міръ цѣлый

«Казался прахъ и суeta?

«Чтобъ сердца каждое біенье

«Любовью ускорялось къ вамъ...» —

говорить онъ, — и наконецъ:

«Чтобъ равнодушнѣе мнѣ понести утрату,

«Какъ человѣку — вы, который съ вами взросль —

«Какъ другу вашему, какъ брату,

«Мнѣ дайте убѣдиться въ томъ...»

Это уже слезы. Онъ трогаетъ серьезныя струны чувства —

«Отъ сумасшествія могу я остеречься,

«Пущусь подальше простыть, охолодѣть...» —

заключаетъ онъ. Затѣмъ оставалось только упасть на колѣни и зарыдать. Остатки ума спасаютъ его отъ бесполезнаго униженія.

Такую мастерскую сцену, высказанную такими стихами, едва ли представляеть какое-нибудь другое драматическое произведеніе. Нельзя благороднѣе и трезвѣе высказать чувство, какъ оно высказалось у Чацкаго, нельзя тоньше и граціознѣе выпутаться изъ ловушки, какъ выпутывается Софья Павловна. Только Пушкинскія сцены Онѣгина съ Татьяной напоминаютъ эти тонкія черты умныхъ натуръ.

Софѣ удалось-было совершенно отдѣлаться отъ новой подозрительности Чацкаго, но она сама увлеклась своей лю-

бовью къ Молчалину и чуть не испортила все дѣло, выскавшись почти открыто въ любви. На вопросъ Чацкаго:

«Зачѣмъ же вы его (Молчалина) такъ коротко узнали?»

Она отвѣтываетъ:

«Я не старалась! Богъ насть свѣль.»

Этого довольно, чтобы открыть глаза слѣпому. Но ее спась самъ Молчалинъ, т.-е. его шичтожество. Она въ увлечениіи поспѣшила нарисовать его портретъ во весь ростъ, можетъ-быть въ надеждѣ примѣрить съ этой любовью не только себя, но и другихъ, даже Чацкаго, не замѣчая, какъ портретъ выходитъ пошлъ:

«Смотрите, дружбу всѣхъ онъ въ домѣ пріобрѣлъ.

При батопикѣ три года служить;

«Тотъ часто безъ толку сердить,

«А онъ безмолвіемъ его обезоружить,

«Отъ доброты души простить.

«А между прочимъ

«Веселостей искать бы могъ.—

«Ничуть, отъ старничковъ не ступить за порогъ!

«Мы рѣзвимся, хохочемъ;

«Онъ съ нами щѣлый день засядеть, радъ не радъ,

«Играеть...»

Далѣе:

«Чудеснѣйшаго свойства...

«Онъ, наконецъ, уступчивъ, скроменъ, тихъ,

«И на душѣ проступковъ никакихъ;

«Чужихъ и вкривь, и вкося не рубить...

«Вотъ я за что его люблю!»

У Чацкаго разсѣялись всѣ сомнѣнія:

«Она его не уважаетъ!»

«Шалитъ, она его не любить.

«Она не ставить въ грошъ его!»—

утѣшаешь онъ себя при каждой ея похвалѣ Молчалину, и потомъ хватается за Скаловзуба. Но отвѣтъ ея — что онъ «герой не ея романа», уничтожилъ и эти сомнѣнія. Онъ оставляетъ ее безъ ревности, но въ раздумьѣ, сказавъ:

«Кто разгадает васы!»

Онъ и самъ не вѣрилъ въ возможность такихъ соперниковъ, а теперь убѣдился въ этомъ. Но и его надежды на взаимность, до сихъ поръ горячо волновавшія его, совершенно поколебались, особенно когда она не согласилась остаться съ нимъ подъ предлогомъ, что «щипцы остынутъ», и потомъ, на просьбу его позволить зайти къ ней въ комнату, при новой колкости на Молчалина, она ускользнула отъ него и заперлась.

Онъ почувствовалъ, что главная цѣль возвращенія въ Москву ему измѣнила, и онъ отходить отъ Софіи съ грустью. Онъ, какъ потомъ сознается въ сѣняхъ, съ этой минуты подозрѣваетъ въ ней только холодность ко всему, и послѣ этой сцены самый обморокъ отнесъ не «къ признакамъ живыхъ страстей», какъ прежде, а «къ причудѣ избалованныхъ нервъ».

Слѣдующая сцена его съ Молчалинымъ, вполнѣ обрисовывающая характеръ послѣдняго, утверждаетъ Чацкаго окончательно, что Софья не любить этого соперника.

«Обманщица смѣялась надо мной!»—

замѣчаетъ онъ и идетъ навстрѣчу новымъ лицамъ.

Комедія между нимъ и Софьей оборвалась; жгучее раздраженіе ревности унялось и холодъ безнадежности пахнулъ ему въ душу.

Ему оставалось уѣхать; но на сцену вторгается другая, живая, бойкая комедія, открывается разомъ нѣсколько новыхъ перспективъ московской жизни, которая не только вытѣсняютъ изъ памяти зрителя интригу Чацкаго, но и самъ Чацкій какъ будто забываетъ о ней и мѣшается въ толпу. Около него группируются и играютъ, каждое свою роль, новые лица. Это балъ, со всей московской обстановкой, съ рядомъ живыхъ сценическихъ очерковъ, въ которыхъ каждая группа образуетъ свою отдельную комедію, съ полною

обрисовкою характеровъ, успѣвшихъ въ иѣсколькихъ сло-
вахъ разыграться въ законченное дѣйствіе.

Развѣ не полную комедію разыгрываютъ Горичевы? Этотъ
мужъ, недавно еще бодрый и живой человѣкъ, теперь опу-
стившійся, облекшійся, какъ въ халатъ, въ московскую
жизнь, баринъ; «мужъ-мальчикъ, мужъ-слуга, идеаль мос-
ковскихъ мужей», по мѣткому опредѣленію Чацкаго, —
подъ башмакомъ приторной, жеманной, свѣтской супруги,
московской лады?

А эти шесть княжень и графиня-внучка,—весь этотъ кон-
tingentъ невѣсть, «умѣющихъ», по словамъ Фамусова, при-
нарядить себя тафтицей, бархатцомъ и дымкой», «поющіхъ
верхнія нотки и лынущихъ къ военнымъ людямъ»?

Эта Хлестова, остатокъ екатерининского вѣка, съ мось-
кой, съ арапкой-дѣвочкой, — эта княгиня и князь Петръ
Ильичъ—безъ слова, но такая говорящая руина прошлаго—
Загорѣцкій, явный мошенникъ, спасающійся отъ тюрмы въ
лучшихъ гостиныхъ и откупшающійся угодливостью, въ родѣ
собачьихъ поносокъ, и эти Н. Н., и всѣ толки ихъ, и все
занимающее ихъ содержаніе!

Наплывъ этихъ лицъ такъ обиленъ, портреты ихъ такъ
рельефны, что зрителъ хладѣеть къ интригѣ, не успѣвая
ловить эти быстрые очерки новыхъ лицъ и вслушиваться въ
ихъ оригиналный говоръ.

Чацкаго уже нѣть на сценѣ. Но онъ до ухода далъ
обильную пищу той главной комедіи, которая началась у
него съ Фамусовымъ, въ первомъ актѣ, потомъ съ Молча-
линымъ,—той битвѣ со всей Москвой, куда онъ, по цѣлямъ
автора, затѣмъ и приѣхалъ.

Въ краткихъ, даже мгновенныхъ встрѣчахъ съ старыми
знакомыми, онъ успѣль всѣхъ вооружить противъ себя юд-
кими репликами и сарказмами. Его уже живо затрогиваются
всякіе пустяки—и онъ даетъ волю языку. Разсердилъ ста-
руху Хлестову, далъ невпопадъ иѣсколько совѣтовъ Гори-
чеву.

чеву, рѣзко оборвалъ графиню-внучку и опять задѣлъ Молчалина.

Но чаша переполнилась. Онъ выходитъ изъ заднихъ комнатъ уже окончательно разстроенный, и по старой дружбѣ, въ толпѣ опять идетъ къ Софѣ, надѣясь хоть на простое сочувствіе. Онъ повѣряетъ ей свое душевное состояніе:

«Милюнъ терзаній!» —

говорить онъ:

«Груди отъ дружескихъ тисковъ,
«Ногамъ отъ шарканья, ушамъ отъ восклицаній,
«А пуще головѣ отъ всякихъ пустяковъ!
«Здѣсь у меня душа какимъ-то горемъ ската!» —

жалуется онъ ей, не подозрѣвая, какой заговоръ созрѣлъ противъ него въ непріятельскомъ лагерѣ.

«Милюнъ терзаній» и «горе!» — вотъ что онъ пожалѣлъ за все, что успѣлъ посѣять. До сихъ поръ онъ былъ непобѣдимъ: умъ его безошибочно поражалъ больныхъ мѣста враговъ. Фамусовъ ничего не находить, какъ только зажать уши противъ его логики, и отстрѣливаются общими мѣстами старой морали. Молчалинъ смолкаетъ, княжны, графини — пятятся прочь отъ него, обожженныя краивою его смѣха, и прежній другъ его, Софья, которую одну онъ щадить, лукавить, скользить и наносить ему главный ударъ втихомолку, объявивъ его, подъ рукой, вскользь, сумасшедшімъ.

Онъ чувствовалъ свою силу и говорилъ увѣренno. Но борьба его истомила. Онъ очевидно ослабѣлъ отъ этого «милюна терзаній», и разстройство обнаружилось въ немъ такъ замѣтно, что около него группируются всѣ гости, какъ собирается толпа около всякаго явленія, выходящаго изъ обыкновенного порядка вещей.

Онъ не только грустенъ, но и желченъ, придиричивъ. Онъ, какъ раненый, собираетъ всѣ силы, дѣлаетъ вызовъ толпѣ —

и наносить ударъ всѣмъ,—но не хватило у него мощи противъ соединеннаго врага.

Онъ впадаетъ въ преувеличенія, почти въ нетрезвость рѣчи, и подтверждаетъ во мнѣніи гостей распущенный Софьею слухъ о его сумасшествіи. Слышится уже не острый, ядовитый сарказмъ, въ который вставлена вѣрнала, опредѣленная идея, правда, — а какая-то горькая жалоба, какъ будто на личную обиду, на пустую, или, по его же словамъ, «незначущую встрѣчу съ французикомъ изъ Бордо», которую онъ, въ нормальномъ состояніи духа, едва ли бы замѣтилъ.

Онъ перестать владѣть собой, и даже не замѣчаетъ, что онъ самъ составляетъ спектакль на балѣ. Онъ ударяется въ патріотический паѳосъ, договаривается до того, что находить фракъ противнымъ «разсудку и стихіямъ», сердится, что madame и mademoiselle не переведены на русскій языкъ,—словомъ, «il divague!» заключили вѣроятно о немъ всѣ шесть княжень и графиня-внучка. Онъ чувствуетъ это и самъ, говоря, что «въ многолюдствѣ онъ растерянъ, самъ не свой!»

Онъ точно «самъ не свой», начиная съ монолога «о французикѣ изъ Бордо» — и такимъ остается до конца пьесы. Впереди пополняется только «милонъ терзаній».

Пушкинъ, отказывая Чацкому въ умѣ, вѣроятно, всего болѣе имѣлъ въ виду послѣднюю сцену 4-го акта, въ сѣняхъ, при развѣдѣ. Конечно, ни Онѣгинъ, ни Печоринъ, эти франты, не сдѣлали бы того, что продѣлали въ сѣняхъ Чацкій. Тѣ были слишкомъ дрессированы, «въ наукѣ страсти нѣжной», а Чацкій отличается и между прочимъ искренностью и простотой, и не умѣеть, и не хочетъ рисоваться. Онъ не франтъ, не левъ. Здѣсь измѣняетъ ему не только умъ, но и здравый смыслъ, даже простое приличіе. Такихъ пустяковъ надѣлалъ онъ!

Отдѣлавшись отъ болтовни Репетилова и спрятавшись въ

швейцарскую въ ожиданіи кареты, онъ подглядѣлъ свиданіе Софы съ Молчалинымъ и разыгралъ роль Отелло, не имѣя на то никакихъ правъ. Онъ упрекаетъ ее, зачѣмъ она его «надеждой завлекла», зачѣмъ прямо не сказала, что прошлое забыто. Тутъ что ни слово — то неправда. Никакой надеждой она его не завлекала. Она только и дѣлала, что уходила отъ него, едва говорила съ нимъ, призналась въ равнодушіи, назвала какой-то старый дѣтскій романъ и прятанье по угламъ «ребячествомъ» и даже намекнула, что «Богъ ее свѣль съ Молчалинымъ».

А онъ, потому только, что

«...такъ страстно и такъ низко
Былъ расточитель пѣжныхъ словъ»,

въ ярости, за собственное свое бесполезное униженіе, за напущенный на себя добровольно самимъ собою обманъ, — казнить всѣхъ, а ей бросаетъ жестокое и несправедливое слово:

«Съ вами я горжусь моимъ разрывомъ»,
когда нечего было и разрывать! Наконецъ, просто доходитъ до брани, изливая желчь:

«На дочь и на отца,
И на любовника *илупца*»,

и кипитъ бѣшенствомъ на всѣхъ, «на мучителей толпу, предателей, нескладныхъ умниковъ, лукавыхъ простаковъ, старухъ зловѣщихъ» и т. д. И уѣзжаетъ изъ Москвы искать «уголка оскорбленному чувству», произнося всему беспощадный судъ и приговоръ!

Если бъ у него явилась одна здоровая минута, если бъ не жегъ его «мільонъ терзаній», онъ бы, конечно, самъ сдѣлалъ себѣ вопросъ: «зачѣмъ и за что надѣлалъ я всю эту кутерьму?» И, конечно, не нашелъ бы отвѣта.

За него отвѣчаетъ Грибоѣдовъ, который не спроста кончилъ пьесу этой катастрофой. Въ ней, не только для Софы,

но и для Фамусова и всѣхъ его гостей, «умъ» Чацкаго, сверкашій, какъ лучъ свѣта въ цѣлой пьесѣ, разразился въ концѣ въ тотъ громъ, при которомъ крестятся, по пословицѣ, мужики.

Отъ грома первая перекрестилась Софья, остававшаяся до самаго появленія Чацкаго, когда Молчалинъ уже пользовалъ у ногъ ея, все тою же безсознательною Софьей Павловною, съ тою же ложью, въ какой ее воспиталъ отецъ, въ какой онъ прожилъ самъ, весь его домъ и весь кругъ. Еще не опомнившись отъ стыда и ужаса, когда маска упала съ Молчалина, она прежде всего радуется, что «ночью все узнала, что нѣтъ укоряющихъ свидѣтелей въ глазахъ!»

А нѣтъ свидѣтелей, слѣдовательно все шито да крыто, можно забыть, выйти замужъ, пожалуй, за Скалозуба, а на прошлое смотрѣть...

Да никакъ не смотрѣть. Свое нравственное чувство стерпить, Лиза не проговорится, Молчалинъ пикнуть не смѣеть. А мужъ? Но какой же московскій мужъ, «изъ жениныхъ пажей», станетъ озираться на прошлое!

Это и ея мораль, и мораль отца, и всего круга. А между тѣмъ Софья Павловна индивидуально не безнравственна: она грѣшить грѣхомъ невѣдѣнія, слѣпоты, въ которой жили всѣ —

«Свѣтъ не караетъ заблужденій,
Но тайны требуетъ для нихъ!»

Въ этомъ двустишии Пушкина выражается общій смыслъ условной морали. Софья никогда не прозрѣвала отъ нея и не прозрѣла бы безъ Чацкаго никогда, за неимѣніемъ слу-
чая. Послѣ катастрофы, съ минуты появленія Чацкаго—
оставаться слѣпой уже невозможно. Его суда, ни обойти
забвеніемъ, ни подкупить ложью, ни успокоить—нельзя. Она
не можетъ не уважать его, и онъ будетъ вѣчнымъ ея «уко-

ряющимъ свидѣтелемъ», судьей ея прошлаго. Онъ открылъ ей глаза.

До него она не сознавала слѣпоты своего чувства къ Молчалину, и даже, разбирая послѣдняго, въ сценѣ съ Чапкимъ, по ниточкѣ, сама собою не прозрѣла на него. Она не замѣчала, что сама вызвала его на эту любовь, о которой онъ, дрожа отъ страха, и подумать не смѣлъ. Ее не смущали свиданія наединѣ ночью, и она даже проговорилась въ благодарности къ нему въ послѣдней сценѣ, за то, что «въ ночной тиши онъ держался больше робости во нравѣ!» Слѣдовательно и тѣмъ, что она не увлечена окончательно и безвозвратно, она обязана не себѣ самой, а ему!

Наконецъ, въ самомъ начальѣ, она проговаривается еще наивнѣе передъ горничной:

«Подумаешь, какъ счастье своеинравно»,

говорить она, когда отецъ засталъ Молчалина рано утромъ у ней въ комнатѣ:

«Бываетъ хуже—съ рулѣ сойдетъ!»

А Молчалинъ просидѣлъ у нея въ комнатѣ цѣлую ночь. Что же разумѣла она подъ этимъ «хуже»? Можно подумать Богъ знаетъ что: но *bonny soit qui mal y pense!* Софья Павловна вовсе не такъ виновата, какъ кажется.

Это — смѣсь хорошихъ инстинктовъ съ ложью, живого ума съ отсутствиемъ всякаго намека на идеи и уображенія,—путаница понятій, умственная и нравственная слѣпота—все это не имѣть въ ней характера личныхъ пороковъ, а является, какъ общія черты ея круга. Въ собственной, личной ея физіономіи, прячется въ тѣни что-то свое, горячее, нѣжное, даже мечтательное. Остальное принадлежитъ воспитанію.

Французскія книжки, на которыхъ сѣтуетъ Фамусовъ, фортепіано (еще съ аккомпанементомъ флейты), стихи, французскій языкъ и танцы—вотъ что считалось классическимъ образованіемъ барышни. А потомъ «Кузнецкій мостъ и вѣч-

ныя обновы», балы, такие какъ этотъ балъ у ея отца, и это общество—вотъ тотъ кругъ, где была заключена жизнь «барышни». Женщины учились только воображать и чувствовать и не учились мыслить и знать. Мысль безмолвствовала, говорили одни инстинкты. Житейскую мудрость почерпали они изъ романовъ, новѣстей—и оттуда инстинкты развивались въ уродливыя, жалкія, или глупыя свойства: мечтательность, сентиментальность, исканіе идеала въ любви, а иногда и хуже.

Въ снотворномъ застое, въ безвыходномъ морѣ лжи, у большинства женщинъ снаружи господствовала условная мораль—а втихомолку жизнь кипела, за отсутствиемъ здоровыхъ и серьезныхъ интересовъ, вообще всякаго содержанія, тѣми романами, изъ которыхъ и создалась «наука страсти нѣжной». Онѣгина и Печорина—вотъ представители цѣлаго класса, почти породы ловкихъ кавалеровъ, *jeunes premiers*. Эти передовыя личности въ *high life*—такими являлись и въ произведеніяхъ литературы, где и занимали почетное мѣсто со временемъ рыцарства и до нашего времени, до Гоголя. Самъ Пушкинъ, не говоря о Лермонтовѣ, дорожилъ этимъ внѣшнимъ блескомъ, этою представительностью *du bon ton*, манерами высшаго свѣта, подъ которою крылось и «озлобленіе», и «тоскующая лѣнь», и «интересная скуча». Пушкинъ щадилъ Онѣгина, хотя касается легкой ироніей его праздности и пустоты, но до мелочи и съ удовольствиемъ описываетъ модный костюмъ, бездѣлки туалета, франтовство—и ту напущенную на себя небрежность и невниманіе ни къ чему, эту *fatuité*, позированье, которымъ щеголяли дэнди. Духъ позднѣйшаго времени снялъ заманчивую драпировку съ его героя и всѣхъ подобныхъ ему «кавалеровъ», и опредѣлилъ истинное значеніе такихъ господъ, согнавъ ихъ съ первого плана.

Они и были героями и руководителями этихъ романовъ, и обѣ стороны дрессировались до брака, который погло-

паль всѣ романы почти безслѣдно, развѣ попадалась и оглашалась какая-нибудь слабонервная, сентиментальная — словомъ, дурочка, или героемъ оказывался такій искренній «сумасшедшій», какъ Чапкій.

Но въ Софіѣ Павловнѣ, съышнимъ оговориться, т.-е. въ чувствѣ ея къ Молчалину есть много искренности, сильно напоминающей Татьяну Пушкина. Разницу между ними кладеть «московскій отпечатокъ», потомъ бойкость, умѣніе владѣть собой, которое явилось въ Татьянѣ при встречѣ съ Онѣгінымъ уже послѣ замужества, а до тѣхъ поръ она не сумѣла солгать о любви даже нянѣ. Но Татьяна — деревенская дѣвушка, а Софія Павловна — московская, по-тогдашнему развитая.

Междудѣмъ она въ любви своей точно такъ же готова выдать себя, какъ Татьяна: обѣ, какъ въ лунатизмѣ, бродятъ въ увлечениіи, съ дѣтской простотой. И Софія, какъ Татьяна же, сама начинаетъ романъ, не находя въ этомъ ничего предосудительнаго, даже не догадываясь о томъ. Софія удивляется хохоту горничной при разсказѣ, какъ она съ Молчалинымъ проводить всю ночь: «Ни слова вольнаго! — и такъ вся ночь проходитъ!» «Врагъ дерзости, всегда застѣнчивый, стыдливый!» Вотъ чѣмъ она восхищается въ немъ! Это смѣшно, но тутъ есть какая-то почти грація — и куда далеко до безнравственности, нужды нѣтъ, что она проговорилась словомъ: хуже — это тоже наивность. Громадная разница не между єю и Татьяной, а между Онѣгінымъ и Молчалинымъ. Выборъ Софы конечно не рекомендуется ей, но и выборъ Татьяны тоже былъ случайный, даже едва ли ей и было изъ кого выбирать.

Вглядываясь глубже въ характеръ и обстановку Софы, видишь, что не безнравственность (но и не «Богъ», конечно) «свѣли ее» съ Молчалинымъ. Прежде всего, влеченіе покровительствовать любимому человѣку, бѣдному, скромному, не смѣющему поднять на нее глазъ, — возвы-

сить его до себя, до своего круга, дать ему семейных пра-
ва. Безъ сомнѣнія ей въ этомъ улыбалась роль властѣвовать
надъ покорнымъ созданіемъ, сдѣлать его счастье и имѣть
въ немъ вѣчнаго раба. Не ея вина, что изъ этого выхо-
дилъ будущій «мужъ-мальчикъ, мужъ-слуга—идеалъ москов-
скихъ мужей!» На другое идеалы негдѣ было наткнуться
въ домѣ Фамусова.

Вообще къ Софѣ Павловнѣ трудно отнести не симпа-
тично: въ ней есть сильные задатки недюжинной натуры,
живого ума, страстности и женской мягкости. Она загуб-
лена въ духотѣ, куда не проникалъ ни одинъ лучъ свѣта,
ни одна струя свѣжаго воздуха. Не даромъ любилъ ее и
Чацкій. Послѣ него, она одна изъ всей этой толпы напра-
шивается на какое-то грустное чувство, и въ душѣ чита-
теля противъ нея нѣтъ того безучастнаго смѣха, съ какимъ
онъ разстается съ прочими лицами.

Ей, конечно, тяжелѣе всѣхъ, тяжелѣе даже Чацкаго, и
ей достается свой «милонъ терзаній».

Чацкаго роль — роль страдательная: оно иначе и быть
не можетъ. Такова роль всѣхъ Чацкихъ, хотя она въ то
же время и всегда побѣдительная. Но они не знаютъ о
своей побѣдѣ, они сѣютъ только, а пожинаютъ другое — и
въ этомъ ихъ главное страданіе, т.-е. въ безнадежности
успѣха.

Конечно, Павла Аѳанасьевича Фамусова онъ не образу-
милъ, не отрезвилъ и не исправилъ. Если бъ у Фамусова
при разѣздѣ не было «укоряющихъ свидѣтелей», т.-е. толпы
лакеевъ и швейцара — онъ легко справился бы съ своимъ
горемъ: даль бы головомойку дочери, выдраль бы за ухо
Лизу и поторопился бы свадьбой Софы съ Скалезубомъ.
Но теперь нельзя: на утро, благодарѣ сценѣ съ Чацкимъ,
вся Москва узнаетъ — и пуще всѣхъ «княгиня Марья Алек-
сѣвна». Покой его возмутится со всѣхъ сторонъ — и по-
неволѣ заставить кое-о-чемъ подумать, что ему въ голову

не приходило. Онъ едва ли даже кончить свою жизнь такимъ «тузомъ», какъ прежніе. Толки, порожденные Чацкимъ, не могли не всколыхать всего круга его родныхъ и знакомыхъ. Онъ уже и самъ противъ горячихъ монологовъ Чацкаго не находилъ оружія. Всѣ слова Чацкаго разнесутся, повторятся всюду и произведутъ свою бурю.

Молчалинъ, послѣ сцены въ сѣняхъ — не можетъ оставаться прежнимъ Молчалинымъ. Маска сдернута, его узнали, и ему, какъ пойманному вору, надо прятаться въ уголь. Горичевы, Загорѣцкій, княжны — всѣ попали подъ градъ его выстрѣловъ, и эти выстрѣлы не останутся безслѣдны. Въ этомъ, до сихъ поръ согласномъ хорѣ, иные голоса, еще смѣлые вчера, смолкнутъ, или раздадутся другіе и за, и противъ. Битва только разгоралась. Чацкаго авторитетъ извѣстенъ былъ и прежде, какъ авторитетъ ума, остроумія, конечно знаній и проч. У него есть уже и единомышленники. Скалезубъ жалуется, что братъ его оставилъ службу, не дождавшись чина, и стала книги читать. Одна изъ старухъ ропщетъ, что племянникъ ея, князь Федоръ, занимается химіей и ботаникой. Нуженъ былъ только взрывъ, бой, и онъ завязался, упорный и горячій — въ одинъ день въ одномъ домѣ, но послѣдствія его, какъ мы выше сказали, отразились на всей Москвѣ и Россіи. Чацкій породилъ расколъ, и если обманулся въ своихъ личныхъ цѣляхъ, не нашель «прелести встрѣчъ, живого участія», то брызнулъ самъ на заглохшую почву живой водой — увезя съ собой «мільонъ терзаній», этотъ терновый вѣнецъ Чацкихъ — терзаній отъ всего: отъ «ума», а еще болѣе отъ «оскорблѣннаго чувства».

На эту роль не годились ни Онѣгинъ, ни Печоринъ, ни другіе франты. Они и новизной ідей умѣли блестать какъ новизной костюма, новыхъ духовъ и проч. Заѣхавъ въ глушь, Онѣгинъ поражалъ всѣхъ тѣмъ, что къ дамамъ «къ ручкѣ не подходитъ, стаканами, а не рюмками пилъ красное вино»,

говорилъ просто: «да и нѣтъ», вмѣсто «да-съ и нѣтъ-съ». Онъ морщится отъ «брусличной воды», въ разочарованіи бранить луну «глупой» — и небосклонъ тоже. Онъ привезъ на гри-
венникъ новаго, и вмѣшавшись «умно», а не какъ Чапкій «глупо», въ любовь Ленскаго и Ольги и убивъ Ленскаго, увезъ съ собою не «мільонъ», а на «гривенникъ» же и терзаній!

Теперь, въ наше время, конечно, сдѣлали бы Чацкому упрекъ, зачѣмъ онъ поставилъ свое «оскорблѣнное чувство» выше общественныхъ вопросовъ, общаго блага и т. д. и не остался въ Москвѣ продолжать свою роль бойца съ ложью и предразсудками, роль — выше и важнѣе роли отвергнутаго жениха?

Да, теперь! А въ то время, для большинства, понятія объ общественныхъ вопросахъ были бы тоже, что для Репетилова толки «о камерѣ и о присяжныхъ». Критика много погрѣшила тѣмъ, что въ судѣ своеемъ надъ знаменитыми покойниками сходила съ исторической точки, забѣгала впередъ и поражала ихъ современнымъ оружіемъ. Не будемъ повторять ея ошибокъ — и не обвинимъ Чацкаго за то, что въ его горячихъ рѣчахъ, обращенныхъ къ фамусовскимъ гостямъ, нѣть помина объ общемъ благѣ, когда уже и такой расколъ отъ «исканій мѣсть, отъ чиновъ», какъ «занятіе науками и искусствами», считался «разбоемъ и пожаромъ».

Живучесть роли Чацкаго состоить не въ повизнѣ неизвѣстныхъ идей, блестящихъ ипотезъ, горячихъ и дерзкихъ утопій, или даже истинѣ en herbe: у него нѣть отвлеченностей. Провозвѣстники новой зари, или фанатики, или просто вѣстовщики — всѣ эти передовые курьеры неизвѣстнаго будущаго являются — и по естественному ходу общественнаго развитія — должны являться, но ихъ роли и физіономіи до безконечности разнообразны.

Роль и физіономія Чацкихъ неизмѣнна. Чацкій больше

всего обличитель лжи и всего, что отжило, что заглушает новую жизнь, «жизнь свободную». Онъ знаетъ, за что онъ воюетъ и что должна принести ему эта жизнь. Онъ не теряетъ земли изъ-подъ ногъ и не вѣрить въ призракъ, пока онъ не облекся въ плоть и кровь, не осмыслился разумомъ правдой, словомъ, не очеловѣчился.

Передъ увлечениемъ непозѣстнымъ идеаломъ, передъ обольщенiemъ мечты, онъ трезво становится, какъ остановился передъ безсмысlenымъ отрицанiemъ «законовъ, совѣсти и вѣры» въ болтовнѣ Репетилова, и скажетъ свое:

«Послушай, ври, да знай же мѣру!»

Онъ очень положителенъ въ своихъ положеніяхъ и заявляетъ ихъ въ готовой программѣ, выработанной не имъ, а уже начатымъ вѣкомъ. Онъ не гонитъ съ юношескою зачальчивостью со сцены всего, что уцѣльло, что, по законамъ разума и сираведливости, какъ по естественнымъ законамъ въ природѣ физической, осталось доживать свой срокъ, что можетъ и должно быть терпимо. Онъ требуетъ мѣста и свободы своему вѣку: просить дѣла, но не хотеть прислуживаться, и клеймить позоромъ низкопоклонство и шутовство. Онъ требуетъ «службы дѣлу, а не лицамъ», не смѣниваетъ «веселья или дурачества съ дѣломъ» какъ Молчалинъ,—онъ тяготится среди пустой, праздной толпы «мучителей, зловѣщихъ старухъ, вздорныхъ стариковъ», отказываясь преклоняться передъ ихъ авторитетомъ дряхлости, чинолюбія, и проч. Его возмущаютъ безобразныя проявленія крѣпостного права, безумная роскошь и отвратительные нравы «разливанья въ ширахъ и мотовствѣ»— явленія умственной и нравственной слѣпоты и растлѣнія.

Его идеаль «свободной жизни» опредѣлителенъ: это — свобода отъ всѣхъ этихъ исчисленныхъ цѣлей рабства, которыми оковано общество, а потомъ свобода — «вперть въ науки умъ, алчущій познаній», или безирепятственно предаваться «искусствамъ творческимъ, высокимъ и прекрас-

нымъ», — свобода «служить или не служить», «жить въ деревнѣ, или путешествовать», не слывя за то ни разбойничкомъ, ни зажигателемъ, — и рядъ дальниѣшихъ очередныхъ подобныхъ шаговъ къ свободѣ — отъ несвободы.

И Фамусовъ, и другie знаютъ это и, конечно, про себя все согласны съ нимъ, но борьба за существованіе мѣшаетъ имъ уступить.

Отъ страха за себя, за свое безмятежно-праздное существованіе, Фамусовъ затыкаетъ уши и клевещеть на Чацкаго, когда тотъ заявляетъ ему свою скромную программу «свободной жизни». Между прочимъ —

«Кто путешествуетъ, въ деревнѣ кто живеть»,
— говорить онъ, а тотъ съ ужасомъ возражаетъ:

«Да онъ властей не признастъ!»

Итакъ, лжетъ и онъ, потому что ему нѣчего сказать, и лжетъ все то, что жило ложью въ прошломъ. Старая правда никогда не смутится передъ новой — она возьметъ это новое, правдивое и разумное бремя на свои плечи. Только болыное, ненужное, боится ступить очередной шагъ впередъ.

Чацкий сломленъ количествомъ старой силы, нанеся ей въ свою очередь смертельный ударъ качествомъ силы свѣжей.

Онъ вѣчный обличитель лжи, запрятавшейся въ пословицу: «одинъ въ полѣ не воинъ». Нѣть, воинъ, если онъ Чацкий, и притомъ побѣдитель, но передовой воинъ, застрѣльщикъ и — всегда жертва.

Чацкий неизбѣженъ при каждой сменѣ одного вѣка другимъ. Положеніе Чацкихъ на общественной лѣстницѣ разнообразно, но роль и участъ все одна, отъ крупныхъ государственныхъ и политическихъ личностей, управляющихъ судьбами массъ, до скромной доли въ тѣсномъ кругу.

Всѣми ими управляетъ одно: раздраженіе при различныхъ мотивахъ. У кого, какъ у Грибоѣдовскаго Чацкаго, любовь, у другихъ самолюбіе или славолюбіе — но всѣмъ

имъ достается въ удѣль свой «мільонъ терзаній», и никакая высота положенія не спасаетъ отъ него. Очень не многимъ, просвѣтленнымъ Чацкимъ, дается утѣшительное сознаніе, что они не даромъ бились — хотя и безкорыстно, но для себя и не за себя, а для будущаго, и за всѣхъ, и успѣли.

Кромѣ крупныхъ и видныхъ личностей, при рѣзкихъ переходахъ изъ одного вѣка въ другой — Чацкіе живутъ и не переводятся въ обществѣ, повторяясь на каждомъ шагу, въ каждомъ домѣ, гдѣ подъ одной кровлей уживается старое съ молодымъ, гдѣ два вѣка сходятся лицомъ къ лицу въ тѣснотѣ семействъ, — все длится борьба свѣжаго съ отжившимъ, больного съ здоровымъ, и все боятся въ поединкахъ, какъ Гораціи и Куріаціи, — миниатюрные Фамусовы и Чацкіе.

Каждое дѣло, требующее обновленія, вызываетъ тѣнь Чацкаго — и кто бы ни были дѣятели, около какого бы человѣческаго дѣла, — будетъ ли то новая идея, шагъ въ наукѣ, въ политикѣ, въ войнѣ — ни группировались люди — имъ никуда не уйти отъ двухъ главныхъ мотивовъ борьбы: отъ совѣта «учиться, на старшихъ глядя» съ одной стороны, и отъ жажды стремиться отъ рутины къ «свободной жизни» впередъ и впередъ, съ другой.

Вотъ отчего не состарѣлся до сихъ поръ и едва ли состарѣется когда-нибудь Грибоѣдовскій Чацкій, а съ нимъ и вся комедія. И литература не выбѣется изъ магического круга, начертаннаго Грибоѣдовымъ, какъ только художникъ коснется борьбы понятій, смѣны поколѣній. Онъ, или дастъ типъ крайнихъ, несозрѣвшихъ передовыхъ личностей, едва намекающихъ на будущее, и потому недолговѣчныхъ, какихъ мы уже пережили не мало въ жизни и въ искусствѣ, — или создастъ видоизмѣненный образъ Чацкаго, какъ послѣ Серантесовскаго Донъ-Кихота и Шекспировскаго Гамлета, явились и являются безконечныя ихъ подобія.

Въ честныхъ, горячихъ рѣчахъ этихъ позднѣйшихъ Чацкихъ будуть вѣчно слышаться Грибоѣдовскіе мотивы и слова, — и если не слова, то смыслъ и тонъ раздражительныхъ монологовъ его Чацкаго. Отъ этой музыки здоровые герои въ борьбѣ со старымъ не уйдутъ никогда.

И въ этомъ безсмертіе стиховъ Грибоѣдова! Много можно бы привести Чацкихъ — являвшихся на очередной смѣшной эпохѣ и поколѣній — въ борьбахъ за идею, за дѣло, за правду, за успѣхъ, за новый порядокъ, на всѣхъ ступеняхъ, во всѣхъ слояхъ русской жизни и труда — громкихъ великихъ дѣлъ и скромныхъ кабинетныхъ подвиговъ. О многихъ изъ нихъ хранится свѣжее преданіе, другихъ мы видѣли и знали, а иные еще продолжаютъ борьбу. Обратимся къ литературѣ. Вспомнимъ, не повѣсть, не комедію, не художественное явленіе, а возьмемъ одного изъ позднѣйшихъ бойцовъ съ старымъ вѣкомъ, напримѣръ, Бѣлинскаго. Многие изъ настѣ знали его лично, а теперь знаютъ его всѣ. Прислушайтесь къ его горячимъ импровизаціямъ — и въ нихъ звучать тѣ же мотивы и тотъ же тонъ, какъ у Грибоѣдовскаго Чацкаго. И также онъ умеръ, уничтоженный «миллиономъ терзаній», убитый лихорадкой ожиданія и нездѣдавшійся исполненія своихъ грёзъ, которыя теперь — уже не грёзы больше.

Оставя политическія заблужденія Герцена, гдѣ онъ вышелъ изъ роли нормального героя, изъ роли Чацкаго, этого съ головы до ногъ русскаго человѣка, — вспомнимъ его стрѣлы, бросаемыя въ разныя темные, отдаленные углы Россіи, гдѣ онъ находили виноватаго. Въ его сарказмахъ слышится эхо Грибоѣдовскаго смѣха и безконечное развитіе остротъ Чацкаго.

И Герценъ страдалъ отъ «миллиона терзаній», можетъ быть всего болѣе отъ терзаній Репетиловыхъ его же лагеря, которымъ у него при жизни недостало духа сказать: «ври, да знай же мѣру!»

Но онъ не унесъ этого слова въ могилу, сознавшись по смерти въ «ложномъ стыдѣ», помѣшившемъ сказать его.

Наконецъ — послѣднее замѣчаніе о Чацкомъ. Дѣлаютъ упрекъ Грибоѣдову въ томъ, что будто Чацкій — не облечень такъ художественно, какъ другія лица комедіи, въ плоть и кровь, что въ немъ мало жизненности. Иные даже говорятъ, что это не живой человѣкъ, а абстрактъ, идея, ходящая мораль комедіи, а не такое полное и законченное созданіе, какъ, напримѣръ, фигура Онѣгина и другихъ выхваченныхъ изъ жизни типовъ.

Это несправедливо. Ставить рядомъ съ Онѣгинымъ Чацкаго нельзя: строгая объективность драматической формы не допускаетъ той широты и полноты кисти, какъ эпическая. Если другія лица комедіи являются строже и рѣзче очерченными, то этимъ они обязаны пошлости и мелочи своихъ натуръ, легко исчерпываемыхъ художникомъ въ легкихъ очеркахъ. Тогда какъ въ личности Чацкаго, богатой и разносторонней, могла быть въ комедіи рельефно взята одна господствующая сторона, — а Грибоѣдовъ успѣлъ намекнуть и на многія другія.

Потомъ — если приглядѣться вѣриѣ къ людскимъ типамъ въ толпѣ — то едва ли не чаще другихъ встречаются эти честныя, горячія, иногда желчныя личности, которыя не прічастся покорно въ сторону отъ встрѣчной уродливости, а смѣло идутъ навстрѣчу ей и вступаютъ въ борьбу, часто не равную, всегда со вредомъ себѣ и безъ видимой пользы дѣлу. Кто не зналъ или не знаетъ, каждый въ своемъ кругу, такихъ умныхъ, горячихъ, благородныхъ сумасбродовъ, которые производятъ своего рода кутерьму въ тѣхъ кругахъ, куда ихъ занесетъ судьба, за правду, за честное убѣжденіе!

Нѣтъ, Чацкій — по нашему мнѣнію — изъ всѣхъ наиболѣе живая личность, и какъ человѣкъ, и какъ исполнитель указанной ему Грибоѣдовымъ роли. Но, повторяемъ, натура

его сильнѣе и глубже прочихъ лицъ, и потому не могла быть исчерпана въ комедіи.

Наконецъ, позволимъ себѣ высказать нѣсколько замѣчаній объ исполненіи комедіи на сценѣ въ недавнее время, а именно, въ бенефисъ Монахова, и о томъ, чего бы могъ зрителъ пожелать отъ исполнителей.

Если читатель согласится, что въ комедіи, какъ мы сказали, движеніе горячо и непрерывно поддерживается отъ начала до конца, то изъ этого само собою должно слѣдовать, что пьеса въ высшей степени сценична. Она такова и есть. Двѣ комедіи какъ будто вложены одна въ другую: одна, такъ-сказать, частная, мелкая, домашняя, между Чацкимъ, Софьей, Молчалинымъ и Лизой; это интрига любви, вседневный мотивъ всѣхъ комедій. Когда первая прерывается, въ промежуткѣ неожиданно другая, и дѣйствіе завязывается снова, частная комедія разыгрывается въ общую битву и связывается въ одинъ узелъ.

Артисты, вдумывающіеся въ общий смыслъ и ходъ пьесы, и каждый въ свою роль, найдутъ широкое поле для дѣйствія. Труда къ одолѣнію всякой, даже незначительной роли, не мало, — тѣмъ болѣе, чѣмъ добросовѣстнѣе и тоныше будетъ относиться къ искусству артиста.

Нѣкоторые критики возлагаютъ на обязанность артистовъ исполнять и историческую вѣрность лицъ, съ колоритомъ времени во всѣхъ деталяхъ, даже до костюмовъ, т. е. до фасона платьевъ, причесокъ включительно.

Это трудно, если не совсѣмъ невозможно. Какъ исторические типы, эти лица, какъ сказано выше, еще блѣдны, а живыхъ оригиналовъ теперь не найдешь: штудировать не съ чего. Точно такъ же и съ костюмами. Старомодные фраки, съ очень высокой, или очень низкой таліей, женскія платья съ высокимъ лифомъ, высокія прически, старые чепцы — во всемъ этомъ дѣйствующія лица покажутся блѣ-

цами съ толкучаго рынка. Другое дѣло, костюмы прошлаго столѣтія, совершенно отжившиe: камзолы, роброны, мушки, пудра и проч.

Но при исполненіи «Горя отъ ума» дѣло не въ костюмахъ.

Мы повторяемъ, что въ игрѣ вообще нельзя претендовать на историческую вѣрность, такъ какъ живой слѣдъ почти пропалъ, а историческая даль еще близка. Поэтому необходимо артисту прибѣгать къ творчеству, къ созданію идеаловъ, по степени своего пониманія эпохи и произведенія Грибоѣдова.

Это первое, т. е. главное сценическое условіе.

Второе—это языкъ, т. е. такое же художественное исполненіе языка, какъ и исполненіе дѣйствія: безъ этого второго, конечно, невозможно и первое.

Въ такихъ высокихъ литературныхъ произведеніяхъ, какъ «Горе отъ ума», какъ «Борисъ Годуновъ» Пушкина, и нѣкоторыхъ другихъ, исполненіе должно быть не только сценическое, но наиболѣе литературное, какъ исполненіе отличнымъ оркестромъ образцовой музыки, гдѣ безошибочно должна быть сыграна каждая музыкальная фраза и въ ней каждая нота. Актеръ, какъ музыкантъ, обязанъ доиграться, т. е. додуматься до того звука голоса и до той интонаціи, какими долженъ быть произнесенъ каждый стихъ: это значитъ додуматься до тонкаго критического пониманія всей поэзіи Пушкинскаго и Грибоѣдовскаго языка. У Пушкина, напримѣръ, въ «Борисѣ Годуновѣ», гдѣ нѣть почти дѣйствія, или, по крайней мѣрѣ, единства, гдѣ дѣйствіе распадается на отдѣльныя, несвязныя другъ съ другомъ сцены, иное исполненіе, какъ строго и художественно-литературное, и невозможно. Въ ней всякое прочее дѣйствіе, всякая сценичность, мимика, должны служить только легкой правой литературного исполненія, дѣйствія въ словѣ.

За исключеніемъ нѣкоторыхъ ролей въ значительной сте-

пени можно сказать то же и о «Горѣ отъ ума». И тамъ больше всего игры въ языкѣ: можно снести неловкость мимическую, но каждое слово съ невѣрной интонацией будеть рѣзать ухо, какъ фальшивая нота.

Не надо забывать, что такія пьесы, какъ «Горѣ отъ ума», «Борисъ Годуновъ», публика знаетъ наизусть, и не только слѣдить за мыслью, за каждымъ словомъ, но чусть, такъ-сказать, нервами каждую ошибку въ произношеніи. Ими можно наслаждаться, не видя, а только слыша ихъ. Эти пьесы исполнялись и исполняются нерѣдко въ частномъ быту, просто чтеніемъ между любителями литературы, когда въ кругу найдется хороший чтецъ, умѣющій тонко передавать эту, своего рода литературную музыку.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, говорятьъ, эта пьеса была представлена въ лучшемъ петербургскомъ кругу съ образцовымъ искусствомъ, которому, конечно, кромѣ тонкаго критического пониманія пьесы, много помогалъ и ансамбль въ тонѣ, манерахъ, и особенно умѣньѣ отлично читать.

Исполняли ее въ Москвѣ въ 30-хъ годахъ съ полнымъ успѣхомъ. До сихъ поръ мы сохранили впечатлѣнія о той игрѣ: Щепкина (Фамусова), Мочалова (Чацкаго), Ленскаго (Молчалина), Орлова (Скалозуба), Сабурова (Репетилова).

Конечно, этому успѣху много содѣйствовало поражавшее тогда новизною и смѣлостью открытое нападеніе со сцены на многое, что еще не успѣло отойти, до чего боялись дотрогиваться даже въ печати. Потомъ Щепкинъ, Орловъ, Сабуровъ выражали типично еще живыя подобія запоздавшихъ Фамусовыхъ, кое-гдѣ уцѣлѣвшихъ Молчалиныхъ, или прятавшихся въ штарѣ за спину сосѣда Загорѣцкихъ.

Все это, безспорно, придавало огромный интересъ пьесѣ, но и помимо этого, помимо даже высокихъ талантовъ этихъ артистовъ и истекавшей оттуда типичности исполненія каждымъ изъ нихъ своей роли, въ ихъ игрѣ, какъ въ отличномъ хорѣ пѣвцовъ, поражалъ необыкновенный ансамбль всего

персонала лицъ, до малъйшихъ ролей, а главное, они тонко понимали и превосходно читали эти необыкновенные стихи, именно съ тѣмъ «толкомъ, чувствомъ и разстановкой», какая для нихъ необходима. Мочаловъ, Щепкинъ! Послѣдняго, конечно, знать и теперь почти весь партеръ и помнить, какъ онъ, уже и въ старости, читать свои роли на сценахъ и въ салонахъ!

Постановка была тоже образцовая — и должна была бы и теперь, и всегда превосходить тщательностью постановку всякаго балета, потому что комедія этой вѣкъ не сойти со сцены, даже и тогда, когда сойдутъ позднейшія образцовые пьесы.

Каждая изъ ролей, даже второстепенныхъ въ ней, сыгранная тонко и добросовѣстно, будетъ служить артисту дипломъ на обширное амплуа.

Къ сожалѣнію, давно уже исполненіе пьесы на сценахъ далеко не соответствуетъ ея высокимъ достоинствамъ, особенно не блеститъ оно — ни гармоничностью въ игрѣ, ни тщательностью въ постановкѣ, хотя отдельно, въ игрѣ нѣкоторыхъ артистовъ, есть счастливые намеки или обещанія на возможность болѣе тонкаго и тщательнаго исполненія. Но общее впечатлѣніе таково, что зритель, вмѣстѣ съ немногимъ хорошимъ, выносить изъ театра свой «милонъ терзаній».

Въ постановкѣ нельзя не замѣтить небрежности и скучности, которыя какъ будто предупреждаютъ зрителя, что будутъ играть слабо и небрежно, следовательно, не стоять и хлопотать о свѣжести и вѣрности аксессуаровъ. Напримеръ, освѣщеніе на балѣ такъ слабо, что едва различаешь лица и костюмы, толпа гостей такъ жидка, что Загорѣцкому, вместо того, чтобы «пропасть», по тексту комедіи, т. е. уклониться куда-нибудь въ толпу, отъ браны Хлестовой, приходится бѣжать черезъ всю пустую залу, изъ угловъ которой, какъ будто изъ любопытства, выглядываютъ ка-

кія-то два-три лица. Вообще все смотреть какъ-то тускло, несвѣжо, безцвѣтно.

Въ игрѣ, вмѣсто ансамбля, господствуетъ разладица, точно въ хорѣ, не успѣвшемъ сіѣться. Въ новой пьесѣ и можно бы было предположить эту причину, но нельзя же допустить, чтобы эта комедія была для кого-нибудь нова въ труппѣ.

Половина пьесы проходитъ неслышно. Вырвутся два-три стиха явственно, другіе два произносятся актеромъ какъ-будто только для себя—въ сторону отъ зрителя. Дѣйствующія лица хотятъ играть Грибоѣдовскіе стихи, какъ текстъ водевиля. Въ мимикѣ у нѣкоторыхъ много лишней суety, этой мнимой, фальшивой игры. Даже и тѣ, кому приходится сказать два-три слова, сопровождаютъ ихъ, или усиленными, ненужными на нихъ удареніями, или лишними жестами, не то такъ какой-то игрой въ походкѣ, чтобы дать замѣтить о себѣ на сценѣ, хотя эти два-три слова, сказанныя умно, съ тактомъ, были бы замѣчены гораздо больше, нежели всѣ тѣлесныя упражненія.

Иные изъ артистовъ какъ будто забываютъ, что дѣйствіе проходитъ въ большомъ московскомъ домѣ. Напримѣръ, Молчалинъ, хотя и бѣдный маленький чиновникъ, но онъ живетъ въ лучшемъ обществѣ, принять въ первыхъ домахъ, играетъ съ знатными старухами въ карты, слѣдовательно, не лишенъ въ манерахъ и тонѣ извѣстныхъ приличій. Онъ «вкрадчивъ, тихъ», говорится о немъ въ пьесѣ. Это домашний котъ, мягкий, ласковый, который бродитъ вездѣ по дому, и если блудить, то втихомолку и прилично. У него не можетъ быть такихъ дикихъ ухватокъ, даже когда онъ бросается къ Лизѣ, оставшись съ ней наединѣ, какіе усвоилъ ему актеръ, играющій его роль.

Большинство артистовъ не можетъ также похвастаться исполненіемъ того важнаго условія, о которомъ сказано выше, именно вѣрнымъ, художественнымъ чтеніемъ. Давно

жалуются, что будто бы съ русской сцены все болѣе и болѣе удаляется это капитальное условіе. Ужели, вмѣстѣ съ декламаціей старой школы, изгнано и вообще умѣніе читать, произносить художественную рѣчь, какъ будто это умѣніе стало лишнее или не нужно? Слышишь даже частыя жалобы на нѣкоторыхъ корифеевъ драмы и комедіи, что они не даютъ себѣ труда учить ролей!

Что же затѣмъ осталось дѣлать артистамъ? Что они разумѣютъ подъ исполненіемъ ролей? Гримировку? Мимику?

Съ которыхъ же порь явилось это небреженіе къ искусству? Мы помнимъ и петербургскую, и московскую сцены въ блестящемъ періодѣ ихъ дѣятельности, начиная со Щепкина, Карагинахъ, до Самойлова, Садовскаго. Здѣсь держатся еще немногіе ветераны старой петербургской сцены, и между ними имена Самойлова, Карагина напоминаютъ золотое время, когда на сценѣ являлись Шекспиръ, Мольеръ, Шиллеръ — и тотъ же Грибоѣдовъ, котораго мы приводимъ теперь, и все это давалось вмѣстѣ съ роемъ разныхъ водевилей, передѣлокъ съ французского и т. п. Но ни эти передѣлки, ни водевили, не мѣшали отличному исполненію ни «Гамлете», ни «Лира», ни «Скупого».

Въ отвѣтъ на это слышишь съ одной стороны, что будто вкусъ публики испортился (какой публики?), обратился къ фарсу, и что послѣствіемъ этого была и есть отвычка артистовъ отъ серьезной сцены и серьезныхъ, художественныхъ ролей; а съ другой, что и самыя условія искусства измѣнились: отъ исторического рода, отъ трагедіи, высокой комедіи — общество ушло, какъ изъ-подъ тяжелой тучи, и обратилось къ буржуазной, такъ-называемой драмѣ и комедіи, наконецъ, къ жанру.

Разборъ этой «порчи вкуса» или видоизмѣненія старыхъ условій искусства въ новыя, отвлекъ бы насть отъ «Горя отъ ума» и, пожалуй, привелъ бы къ какому-нибудь другому, болѣе безвыходному горю. Лучше примемъ второе

возражение (о первомъ не стойте говорить, такъ какъ оно говорить само за себя) за совершившійся фактъ и допустимъ эти видоизмѣненія, хотя замѣтимъ мимоходомъ, что на сценѣ появляются еще Шекспиръ и новыя историческія драмы, какъ «Смерть Іоанна Грознаго», «Василиса Мелентьевъ», «Шуйскій» и др., требующія того самаго умѣнья читать, о которомъ мы говоримъ. Но вѣдь кромѣ этихъ драмъ, есть на сценѣ другія произведенія новаго времени, писанныя прозой, и проза эта почти такъ же, какъ Пушкинскіе и Грибоѣдовскіе стихи, имѣеть свое типичное достоинство и требуетъ такого же яснаго и отчетливаго исполненія, какъ и чтеніе стиховъ. Каждая фраза Гоголя такъ же типична и такъ же заключаетъ въ себѣ свою особую комедію, независимо отъ общей фабулы, какъ и каждый Грибоѣдовскій стихъ. И только глубоко-вѣрное, во всей залѣ слышимое, отчетливое исполненіе, т. е. сценическое произношеніе этихъ фразъ и можетъ выразить то значеніе, какое даѣтъ имъ авторъ. Многія пьесы Островскаго тоже въ значительной степени имѣютъ эту типичную сторону языка и часто фразы изъ его комедій слышатся въ разговорной рѣчи, въ разныхъ примѣненіяхъ къ жизни.

Публика помнить, что Сосницкій, Щепкинъ, Мартыновъ, Максимовъ, Самойловъ, въ роляхъ этихъ авторовъ, не только создавали типы на сценѣ,—что, конечно, зависитъ отъ степени таланта,—но и умнымъ и рельефнымъ произношеніемъ сохраняли всю силу и образцового языка, давая вѣсь каждой фразѣ, каждому слову. Откуда же, какъ не со сцены, можно желать слышать и образцовое чтеніе образцовыхъ произведеній?

Вотъ на утрату этого литературнаго, такъ-сказать, исполненія художественныхъ произведеній, кажется, справедливо жалуются въ послѣднее время въ публикѣ.

Кромѣ слабости исполненія въ общемъ ходѣ, относительно вѣрности пониманія пьесы, недостатка въ искусствѣ чтенія

и т. д., можно бы остановиться еще надъ иѣкоторыми нѣвѣрностями въ деталяхъ — но мы не хотимъ показаться придирчивыми — тѣмъ болѣе, что мелкая или частная нѣвѣрности, происходящія отъ небрежности, исчезнутъ, если артисты отнесутся съ болѣе тщательнымъ критическимъ анализомъ къ пьесѣ.

Пожелаемъ же, чтобы артисты наши, изъ всей массы пьесъ, которыми они завалены по своимъ обязанностямъ — съ любовью къ искусству выдѣлили художественныя произведенія, а ихъ такъ немного у насъ — и между прочимъ особенно «Горе отъ ума» — и составивъ изъ нихъ сами для себя избранный репертуаръ — исполняли бы ихъ иначе, нежели какъ исполняется ими все прочее, чтѣ имъ приходится играть ежедневно, — и они непремѣнно будутъ исполнять какъ слѣдуетъ.

ЗАМѢТКИ О ЛИЧНОСТИ БѢЛИНСКАГО^{*)}

На мой взглядъ это была одна изъ тѣхъ горячихъ и воспріимчивыхъ натуръ, которыя привыкли приписывать обыкновенно искреннимъ и самобытнымъ художникамъ.

Такія натуры встречаются нерѣдко — я ихъ наблюдалъ вездѣ, гдѣ онъ попадались: и въ своихъ товарищахъ по перу, и гораздо раньше, начиная со школы, наблюдалъ и въ самомъ себѣ — и во множествѣ экземпляровъ — и во всѣхъ находилъ неизбѣжныя родовые сходственные черты, часто рядомъ съ поразительными несходствами, составлявшими особенности видовъ или индивидуумовъ. Всѣ эти наблюденія привели меня къ фигурѣ Райского въ романѣ «Обрывъ», этой жертвѣ своего темперамента и богатой, но не направленной ни на какую цѣль фантазіи. Послѣдняя была въ немъ праздною, бесполезною силой, и, безъ строгой его подготовки къ какому бы то ни было дѣлу, разрѣшалась у него только въ безплодныхъ порывахъ къ дѣятельности и уродовала самую его жизнь.

^{*)} Эти замѣтки извлечены изъ письма, писанаго въ 1874 году, къ А. Н. Ильину, по случаю собиранія имъ свѣдѣній отъ знающихъ лично Бѣлинскаго, для біографіи послѣдняго.

Но другія, богато одаренныя натуры, ставъ твердой ногой на почвѣ своего призванія, подчиняютъ фантазію сознательной силѣ ума и создаютъ цѣлую сферу производительной дѣятельности. Такъ было и съ Бѣлинскимъ.

Но напрасно приписывать избытокъ фантазіи и восприимчивости только художническимъ натурамъ. Не однѣмъ художникамъ нужно творчество: это я говорю вопреки мнѣнію Бѣлинского, или по крайней мѣрѣ вопреки его словамъ, не разъ слышаннымъ мною отъ него, что «Богъ далъ человѣку быть творцомъ только въ искусствѣ».

Тутъ есть нечто недосказанное. Совершенно справедливо, что въ искусствѣ художникъ создаетъ или изобрѣтаетъ сходства и подобія, т.-е. образы существующаго или возможнаго въ природѣ, а въ сферѣ знанія ученый только угадываетъ или открываетъ скрытые законы или готовыя истины. Но, сколько мнѣ кажется, въ процессахъ самаго этого угадыванія или этихъ открытій дѣйствуютъ также изобрѣтательные или творческіе силы и пріемы. Не одинъ Ньютона наблюдалъ падающія съ дерева яблоки и не одинъ Фультона видѣлъ, какъ привскакиваетъ крышка на чайникъ отъ пара— однако же угадывали же другіе законовъ тяготѣнія или парового движенія, — следовательно и тотъ, и другой были какъ бы творцы этихъ законовъ.

Такимъ образомъ нервозность, т.-е. тонкіе и чуткіе нервы, а вслѣдствіе этого впечатлительность и помощь фантазіи присущи, какъ необходимый элементъ, всякой работѣ, требующей иниціативы мысли и изобрѣтательной производительности, не говоря уже о наукѣ, искусствѣ, но даже въ ремеслахъ, чему мы видимъ не мало примѣровъ. Талантливый ремесленникъ, съ помощью этой же фантазіи, дѣлаетъ новые, смѣлые шаги въ ремеслѣ, и иногда возводить его на степень искусства...

Чуткость нервъ и фантазія въ художникахъ (живописцахъ, поэтахъ, актерахъ) только разнообразнѣе и каприз-

нѣе проявляется, по самому свойству и натурѣ ихъ дѣла, по образу жизни и прочимъ условіямъ.

И Бѣлинскій въ сферѣ своей дѣятельности также творилъ по-своему, т.-е. угадывалъ смыслъ явленія, чуялъ въ немъ правду, или ложь, опредѣлялъ характеръ его, и если явленіе представляло пищу увлеченію, онъ довѣрчиво увлекался самъ и увлекалъ другихъ. Переживъ впечатлѣніе въ самомъ себѣ, истративъ на него потоки, болѣе или менѣе горячихъ печатныхъ или изустныхъ, импровизацій, онъ по-томъ оставался ему вѣренъ уже въ той долѣ правды, не какую онъ видѣлъ въ пылу увлеченія, а какая дѣйствительно была въ немъ—и относился къ нему умѣреннѣе.

Наконецъ у него были постоянныя увлеченія или влече-
нія, плоды не одной только фантазіи, или напряженной
работы непрерывнаго умственного развитія: они составляли
основу его честной и прямой натуры. Это влеченія къ идеа-
ламъ свободы, правды, добра, человѣчности, при чемъ онъ
нерѣдко ссылался на евангеліе — и не помню гдѣ, — даже
печатно. Этимъ идеаламъ онъ не измѣнялъ, конечно, никогда
и на всякаго, сколько-нибудь близкаго ему человѣка, смо-
трѣль не иначе, какъ на своего единомышленника, иногда
не давая себѣ труда всмотрѣться, дѣйствительно ли это
было такъ. Никакихъ уклоненій отъ этихъ путеводныхъ
своихъ началь онъ ни въ комъ не допускалъ и не простила-
бы никому иного исповѣданія въ нравственныхъ, политиче-
скихъ или соціальныхъ взглядахъ, кроме тѣхъ, какія при-
нималъ и проповѣдывалъ самъ, разумѣется въ теоріи, ибо
на практикѣ это было непримѣнно въ то время нигдѣ,
кромѣ робкаго проговариванья или намековъ въ статьяхъ,
да толковъ въ тѣсномъ кругу друзей.

Въ стремлениі или въ порывахъ, повторяю безплодныхъ,
тогда казавшихся даже безнадежными, къ этимъ послѣднимъ
идеаламъ особенно высказывалось его горячее нетерпѣніе,
иногда до ребячества. Въ туманѣ новой какой-нибудь идеи,

даже въ родѣ идей Фурыи, напримѣръ (о чёмъ могутъ больше меня сказать знающие его смолоду), если въ ней только искрился намекъ на истину, на прогрессъ, на что-нибудь, чѣмъ казалось ему разумнымъ или честнымъ, передъ нимъ возникалъ уже опредѣленный образъ ея; нарождавшаяся ипотеза становилась его религіей; онъ вѣровалъ въ идеаль въ пеленкахъ, не думая подозрѣвать тутъ какого-нибудь обольщепія, заблужденія или замаскированной лжи. Онъ видѣлъ только одну свѣтлую сторону. Такъ, всматриваясь и вслушиваясь въ неясный еще тогда и новый у насть слухъ и говоръ о коммунизмѣ, онъ наивно, искренно, почти про себя, мечтательно произнесъ однажды: «Конечно, будь у меня тысячъ сто, ихъ не стоило бы жертвовать, — но будь у меня миллионы, я отдалъ бы ихъ!» — Кому, куда отдалъ бы? Въ коммуну, для коммуны, на коммуну? Любопытно было бы спросить, въ какую кружку положилъ бы онъ эти миллионы, когда одно какое-то смутное понятіе носилось въ воздухѣ, кое-какъ перескочившее къ намъ черезъ границу, и когда самое название «коммуны» было еще для многихъ ново. А онъ готовъ былъ вѣстъ въ кружку миллионы — и положилъ бы, если бъ они были у него и если бъ была кружка! Онъ только слышалъ о коммунизмѣ: книгъ негдѣ было взять — но, конечно, онъ скорѣе другихъ почерпнулъ изъ рассказовъ одну мечту, манившую къ соблазнительнымъ благамъ.

Онъ мчался впередъ и никогда не отглядывался. Прошлое для него отжигало почти безъ слѣда, лишь только оно кончалось. Поестественному его натурѣ чувству справедливости, онъ конечно сумѣлъ бы найти и полюбить, напримѣръ, въ славянофильствѣ, чѣмъ было въ немъ искренняго и правдиваго, но довольно того, что славянофилии хотѣли создавать новый строй русской жизни на старомъ, хотя и хорошемъ фундаментѣ, чтобы ужъ безусловно разойтись съ шими, смотрѣть на нихъ, если не враждебно, то недовѣр-

чиво. Онъ иногда не только терпѣлъ около себя людей довольно ограниченныхъ, но любилъ съ ними бесѣдоватъ, когда между ними ничего не было общаго, кромѣ вѣры въ одну какую-нибудь идею, иногда совершенно абстрактную, но манившую въ даль, къ отдаленному, часто недостижимому идеалу.

О чёмъ они могли говорить съ Бѣлинскимъ подолгу — понять было трудно. Это объяснялось между прочимъ трогательною, почти дѣтскою снисходительностью Бѣлинского къ своимъ пріятелямъ и ко всему, что ихъ составляло, чтѣмъ принадлежало. Возбудить его противъ себя можно было только какою-нибудь моральною гадостью, или нужно было расходиться съ нимъ, какъ сказано выше, въ коренныхъ убѣжденіяхъ, и то, если бъ это обнаружилось какъ-нибудь въ практикѣ, въ жизни — а затѣмъ, будь пріятель его чѣмъ хочешь, онъ не терялъ права на его дружелюбіе, однажды приобрѣтенное, особенно, если еще это выкупалось чѣмъ-нибудь, напримѣръ, талантомъ, или просто даже безмолвнымъ сочувствіемъ его идеямъ и идеаламъ.

Ни въ комъ никогда не замѣчалъ я, чтобы самолюбіе проявлялось такъ тонко, скромно и умно, какъ въ Бѣлинскомъ. Онъ не могъ не замѣтать дѣйствія своей силы въ обществѣ — и конечно дорожилъ этимъ: но надо было пристально вглядываться въ него, чтобы ловить и угадывать въ немъ слабые признаки сознанія своей силы: такъ онъ чуждъ былъ всякаго вѣнчанаго проявленія этого сознанія. Самъ онъ никогда не упоминалъ о своемъ значеніи.

Когда я узналъ Бѣлинского въ 1846 г., здоровье его было подорвано, хотя болѣзнь еще не развилаась до той степени, какъ въ послѣдній годъ его жизни. Онъ былъ еще довольно бодръ, посѣщалъ однако немногихъ и его посѣщали тоже немногіе и не часто. Онъ началъ, повидимому, утомляться и своею любимою дѣятельностью, мечталъ иногда, вслухъ, впрочемъ рѣдко, о независимомъ положеніи отъ

подневольного срочного труда. Но этой мечтѣ сбыться было не суждено. Онъ, съ кружкомъ близкихъ пріятелей, перешелъ отъ одного журнала къ другому, но это не принесло ему отдыха. Напротивъ, надо было употребить всѣ силы, чтобы воскресить изъ праха этотъ умершій журналъ и вдохнуть въ него новую жизнь. Онъ, такъ сказать, умирая, дописывалъ послѣднія свои статьи. Поѣздка на лѣто въ Крымъ съ Щепкинымъ не помогла ему, и онъ вернулся въ Петербургъ, едва ли не слабѣе, чѣмъ былъ до этого.

Извѣстно, какъ произошли всѣ эти перемѣны: основаніе «Современника», переходъ всего кружка изъ «Отечественныхъ Записокъ» въ новый журналъ. Затѣмъ, вскорѣ развилась быстро болѣзнь — и Бѣлинскаго не стало.

Къ вышесказанному о способности его увлекаться прибавлю, что та же сила фантазіи, которая помогла Бѣлинскому чутко проникать въ истинный смыслъ явлений, нерѣдко вводила его и въ горькія заблужденія — отрезвленіе отъ которыхъ обходилось ему дорого, на счетъ здоровья. Онъ точно горѣлъ въ постоянномъ раздраженіи нервъ: всякие пустяки, мелочь, все это съ одинаковою силой, наравнѣ съ крупными явленіями, отражалось у него на печени, на легкихъ. Часто, въ спорахъ, отъ пустого противорѣчія, отъ вздорного фельетона Булгарина, или его сотрудниковъ, у него раздражалась вся нервная система, такъ что иногда жалко, а иногда и страшно было смотрѣть на него, какъ онъ разрѣшался грозой, злостью, въ какой-нибудь, всегда блестящей, но много стоявшей ему импровизаціи. И это за то, напримѣрь, если кто-нибудь отзовется сухо, съ пренебреженіемъ, о тѣхъ или другихъ сочувственныхъ ему авторитетахъ въ сферѣ мысли, науки или искусства, не говоря уже о болѣе серьезныхъ поводахъ. Онъ загорался какъ-то вдругъ (особенно, если былъ подходящій слушатель — а не изъ близкихъ, съ которыми все переговорилось и нечего было ни давать, ни самому взять) — и въ теченіе часа,

двухъ, являлась импровизація, въ родѣ тѣхъ статей, какія появлялись въ «Отечественныхъ Запискахъ»:

И вотъ эта нервозная, впечатлительная и раздражительная натура, при слабости легкихъ, и вообще хрупкости организма,—убила, сожгла этого человѣка. Я засталъ его, когда онъ очевидно додоралъ въ борьбѣ, со всѣмъ враждебнымъ, чѣмъ обставлена была его жизнь, какъ и жизнь почти всѣхъ болѣе или менѣе въ то время, и въ томъ кругу. Но онъ не совладѣлъ съ хаотическимъ состояніемъ собственныхъ силъ, въ которыхъ никогда не было равновѣсія, не только на какой-нибудь болѣе или менѣе продолжительный періодъ, на годъ, на полгода, напримѣръ, чтобы успокоиться и отдохнуть: но выдалась ли и такая недѣля когда-нибудь, чтобъ онъ не истерзался чѣмъ-нибудь до истощенія и упадка силъ!

Если ничего не приходило извнѣ, онъ хватался за свои постоянные и любимые, большую частью недосягаемые идеалы, общіе и вѣчные вопросы о той или другой свободѣ, о низверженіи тѣхъ или другихъ старыхъ кумировъ, и никогда ни отъ чего не отдыхалъ, потому что покой вообще не свойственъ натурамъ нервнымъ, даже и не въ его роли и не при его значеніи. Надо еще удивляться, какъ, при этой непрерывной напряженной работе умственныхъ и душевныхъ силъ въ такомъ скудельномъ сосудѣ, жизнь могла прогорѣть почти до сорока лѣтъ!

По этому сваливать преждевременный конецъ его на что-нибудь другое, кромѣ этихъ разрушительныхъ и жгучихъ свойствъ его натуры, непрестанного броженія и горѣнія которыхъ не выдержала бы и другой, не такой хрупкій сосудъ—и несправедливо, и невѣрно! Какъ тогда старались, такъ и теперь все еще стараются сваливать вину, то на одного, то на другого изъ журналистовъ, обременявшихъ непосильною работой Бѣлинскаго. И самъ онъ, хотя жаловался иногда на утомленіе и мечталъ, какъ я сказалъ вы-

ше, о независимомъ положеніи, о покоѣ, но эти рѣдкія мечты были, такъ сказать, общими мѣстами жалобъ, какія приходятъ на умъ и на языкъ каждому изъ насъ среди спѣшныхъ или утомительныхъ занятій.

Да и возможенъ ли отыкающій Бѣлинскій? Безъ непрерывной работы, безъ этого книжнаго и броженія вопросовъ и мнѣній въ литературной лихорадки, — я не умѣю представить себѣ его. Когда его повезли за границу—онъ былъ самъ не свой.—«Хорошо ли вамъ было тамъ?» — спросилъ я его по возвращеніи.—«Плѣненіе вавилонское!» Вотъ какъ выразился онъ про свое лѣченіе и отдыихъ.

Нѣтъ, ему необходима была его спѣшная, лихорадочная работа,—нуженъ и дорогъ былъ и свой маленький кружокъ, въ своей семье, у очага, среди пяти-шести близкихъ лицъ, гдѣ онъ бился и трепеталъ природною своей жизнью, изливалъ потоки силы, служа своему призванію—и этимъ удовлетворялъ себя, и самъ чувствовалъ эту свою силу и давалъ чувствовать ее другимъ — этимъ наслаждался, этимъ только и жилъ, т. е. горячимъ лихорадочнымъ писаніемъ статей и еще болѣе горячими, лихорадочными, иногда почти горячечными импровизаціями въ кругу близкихъ лицъ.

Это былъ не критикъ, не публицистъ, не литераторъ только—а трибуны. Публичная его трибуна—въ журналѣ; другая, необходимая ему, дополнявшая первую, совершенно свободная, гдѣ онъ былъ нараспашку, это домашняя трибуна, гдѣ онъ не только зналъ, но, такъ сказать, видѣлъ свою силу, повѣрялъ, измѣрялъ ее, любовался ею самъ, глядя, какъ наслаждаются ею другіе. Отъ этого и были къ нему ближе всѣхъ тѣ, кто любилъ въ немъ больше всего его талантъ, даже больше нежели его самого! Не допускать этого, значитъ не понимать хорошо натуръ этого рода. Самолюбіе—иногда грубый, иногда сдержанній, но всегда главный, а у многихъ и единственный двигатель дѣятельности, а часто и всей жизни. Я сказалъ уже выше, какъ умно и

тонко высказывалось оно у Белинского—именно въ благодарной симпатіи къ почитателямъ его силы.

Многолюдства, новыхъ людей онъ не любилъ и избѣгалъ. Богатая натура его и чуткая впечатлительность не нуждались въ количествѣ лицъ и впечатлѣній. Свой внутренній міръ и западающія туда рѣдкія явленія давали громадную пищу его неумолкающему и беспощадному анализу, и онъ едва справлялся съ тѣмъ материаломъ, который попадался ему такъ-сказать—на лету, случайно, или на который находили его занятія по журналу. Онъ мало даже читалъ газеты, какъ-то однімъ ухомъ слушать виѣннія извѣстія, которыхъ занесетъ, бывало, то тотъ, то другой пріятель, но во всемъ находилось всегда довольно материала на промежуточный какой-нибудь день или вечеръ между писаніемъ статей. Все почти служило ему темой для болѣе или менѣе тонкаго, иногда бурнаго, или злого, или наоборотъ восторженного словоизліянія. Онъ маялся и скучалъ, ходя изъ угла въ уголъ, когда не было подходящаго собесѣдника: ему приводили новое лицо, т.-е. недавняго, еще непривыкшаго къ нему знакомаго, и когда наконецъ никого не было, кромеъ своихъ, устроивали партію въ преферансъ.

Если не было очередного, насущнаго материала, онъ изъ себя добудетъ пищу. Придешь, бывало, а онъ вдругъ заговорить, повидимому, ни съ того, ни съ сего (а конечно вслѣдствіе книжній въ немъ внутренней работы) о какомъ-нибудь, какъ помню однажды, напримѣръ, «Прометей» Гёте: и въ эту минуту уже ничего выше этого Прометея не было! Или вдругъ нападетъ на какой-нибудь авторитетъ, которому все привыкли слѣпо поклоняться,—и низвергнетъ его. Не то такъ взять текущую новость, крутую административную мѣру,—и полются потоки рѣчей, полные тонкаго анализа, мѣткихъ опредѣленій, горячихъ осужденій. Особенно цензура подавала пищу его словесной критикѣ. Чего тутъ не было! И въ то же время онъ боялся пишоновъ, и сколько

былъ довѣрчивъ къ пріятелямъ, даже ко всѣмъ вхожимъ къ нему лицамъ, къ которымъ привыкъ, столько же боялся новыхъ людей, косился на нихъ, подозрѣвая предательство. Между тѣмъ не могло быть лучшаго доказчика на него, какъ онъ самъ. Онъ на ухо каждому пріятелю довѣрялъ все, что было у него на душѣ, и ребячески думалъ, что это тутъ и умретъ. Ему даже въ голову не приходило, что тѣ въ свою очередь передавали это, также на ухо, своимъ друзьямъ, и что сказанное имъ, почти всегда вѣское и цѣнное, непремѣнно дойдетъ и до другихъ, уже не дружескихъ ушей.

Что же бы дѣлалъ такой человѣкъ въ покоѣ, т. е. въ праздности, безъ своей трибуны въ журналѣ и безъ этой маленькой аудиторіи около себя изъ десятка лицъ, замѣнявшихъ ему весь міръ, признававшихъ его и любившихъ, какъ человѣка и какъ силу? Все равно, гдѣ бы ни было, при какихъ бы ни было обстоятельствахъ,—онъ всегда горѣлъ и сгорѣлъ бы: прежде всего въ борьбѣ съ ложью и грубостью около, вблизи, и потомъ въ погонѣ за далекими, уходящими изъ всякаго реального достижения идеалами. Вотъ его натура—всѧ!

Я не говорю, чтобы непріятности, потомъ нужды, тѣснота жизни, наконецъ страхъ, подъ которыми жили и ходили всѣ тогда, не имѣли своей доли разрушительного влиянія на здоровье и жизнь его; но я положительно убѣжденъ, что, безъ нравственной, вулканической внутренней работы, которая рвала и жгла его организмъ, онъ перенесъ бы все остальное, вѣньшнее. Онъ былъ обычной жертвой въ борьбѣ крайняго своего развитія съ цѣлью океаномъ всякой сплошной, господствовавшей неразвитости.

Способность его увлекаться, несмотря на его умъ, многие опыты, лѣта, и особенно безпощадно вѣрный анализъ, была изумительна и доказывала, до какой степени сильно онъ былъ одаренъ фантазіей. Я не говорю уже о томъ, какъ юношески восторженно упивался онъ красотами извѣст-

ныхъ капитальныхъ, любимыхъ имъ, произведеній, но онъ съ любовью анализировалъ каждую мелочь въ нихъ, иногда впадая въ ребячество до комизма! Стдить развернуть нѣкоторыя статьи о Гоголѣ, гдѣ онъ говоритъ, или, лучше сказать, трепещетъ подъ его живымъ вліяніемъ. Напримѣръ, въ статьѣ о «Горе отъ ума», посвященной больше всего Гоголю, а не Грибоѣдову, чтд онъ говоритъ о *гусакѣ* Ивана Никифоровича: безъ смѣха нельзя читать! «Великая, безконечно великая черта художническаго гenia этаотъ гусакъ!»—восклицаетъ онъ съ паэосомъ и пишетъ цѣлую страницу о *гусакѣ* *).

Бѣлинскому нерѣдко приходилось стыдиться своихъ увлеченій и краснѣть за прежнихъ идоловъ. Тогда онъ отъ хвалебныхъ гимновъ переходилъ въ другой, противоположный тонъ—и не скучился на сарказмы, забывъ прежнюю нѣжность къ своимъ любимцамъ. Когда онъ въ первыя мои свиданія съ нимъ, осыпалъ меня добрыми, ласковыми словами, «рисуя» свой критическій взглядъ на меня мнѣ самому и заглядывая въ мое будущее, я остановилъ его однажды.—«Я быль бы очень радъ,—сказалъ я,—если бъ вы лѣтъ черезъ пять повторили хоть десятую часть того, что говорите о моей книгѣ («Обыкновенная Исторія») теперь». — «Отчего?»—спросилъ онъ съ удивленіемъ.

«А оттого,—продолжалъ я,—что я помню, чтд вы прежде писали о С., какъ лестно отзывались о его талантѣ,—а какъ вы теперь цѣните его!»—(А онъ тогда уже развѣнчалъ его, и сравнивая со всѣмъ, что появилось въ литературѣ послѣ, лишилъ его совсѣмъ прошлой, впрочемъ неоспоримой заслуги, какъ будто его и не было вовсе въ литературѣ).

Мое справедливое замѣчаніе, сдѣланное мною, впрочемъ, вскользь, шутливымъ, пріятельскимъ тономъ, неожиданно тронуло и задѣло его за живое. Онъ задумчиво сталъ ходить по комнатѣ. Потомъ прошло съ полчаса. Я уже забылъ и

* Томъ III, стр. 376 (изд. 1862).

говорилъ съ кѣмъ-то другимъ, а онъ подошелъ ко мнѣ и посмотрѣлъ на меня съ унылымъ упрекомъ.—«Каково же?»—сказалъ онъ наконецъ, указывая кому-то на меня: «онъ считаетъ меня флюгеромъ! Я мнѣю убѣжденія, это правда, но мнѣяю ихъ, какъ мнѣяютъ копейку на рубль!»—И потомъ опять сталъ ходить задумчиво.

Онъ, конечно, вѣрилъ въ то, что говорилъ, потому что онъ никогда не лгалъ,—но это его объясненіе было невѣрно. Онъ мнѣялъ не убѣженіе, а у него мнѣялись впечатлѣнія, и пока впечатлѣніе переживало въ немъ свой срокъ, оно поглощало его всего, онъ дѣтски отдавался ему, употребляя на выраженіе его первомъ или словами всю свою силу, безъ пощады, до тѣхъ поръ, пока не наступить въ духѣ его реакція, работа анализа, и не охладить впечатлѣнія, или пока—какъ я выше сказалъ—само впечатлѣніе, своею ложью или грубостью, внезапно не отрезвить его. Онъ сгѣшилъ высказывать процессъ дѣйствія самаго впечатлѣнія въ немъ, не ожидая конца,—и отъ этого впадалъ въ ошибки, разочарованія и неизбѣжныя противорѣчія. Собственно критическій, болѣе или менѣе стройный и провѣренный взглядъ являлся у него гораздо позже.

Онъ какъ Донъ-Жуанъ къ своимъ красавицамъ — относился къ своимъ идоламъ: обольщался, хладѣлъ, потомъ стыдился многихъ изъ нихъ и какъ будто мстилъ за прежнее свое поклоненіе. Идолы слѣдовали почти непрестанно одинъ за другимъ. Истощившись весь на Пушкина, Лермонтова, Гоголя (особенно Гоголя, отъ обаянія котораго онъ еще не успѣлъ вполнѣ успокониться, когда я познакомился съ нимъ), онъ сейчасъ же, легко перешелъ къ Достоевскому, потомъ пришелъ я—онъ занялся мною, тутъ же явился Григоровичъ, попозже Кольцовъ, наконецъ, Дружининъ. Ко мнѣ онъ отнесся сравнительно покойнѣе и трезвѣе, потому что я подвернулся съ своей книгой какъ разъ послѣ одного изъ этихъ разочарованій, въ которомъ онъ

покаялся даже гдѣ-то печатно — и стала немнога осторожнѣе. Но и тутъ, въ первыя недѣли знакомства, послушавши его горячихъ и лестныхъ отзывовъ о себѣ, я испугался, быть въ недоумѣніи, и не разъ выражалъ свои сомнѣнія и недовѣріе къ нему самому и къ его скороспѣлому суду. На меня онъ иногда какъ будто накидывался за то, что у меня не было злости, раздраженія, субъективности. — «Вамъ все равно, попадется мерзавецъ, дуракъ, уродъ, или порядочная, добрая натура, — всѣхъ одинаково рисуете: ни любви, ни ненависти ни къ кому!» И это скажеть (и не разъ говориль) съ какою-то доброю злостью, а однажды положилъ ласково послѣ этого мнѣ руки на плечи и прибавилъ почти шепотомъ: — «а это хорошо, это и нужно, это признакъ художника!» — какъ будто боялся, что его услышать и обвинятъ за сочувствіе къ безтенденціозному писателю. Онъ, конечно, отдался бы современному реальному и утилитарному направленію, но отнюдь не весь и не во всемъ. Искусство, во всей его широтѣ и силѣ, не потеряло бы своей власти надъ нимъ, — и онъ отстоялъ бы его отъ тѣхъ, чрезчуръ утилитарныхъ условій, въ которыхъ такъ тѣсно и узко хотятъ вогнать его нѣкоторые слишкомъ исключительные ревнители утилитаризма.

Про Кольцова я самъ не слыхалъ ничего отъ Бѣлинского, по это было не нужно, благодаря словоохотливости Панаева, который слышалъ отзывы Бѣлинского и по нѣсколько дней разносилъ ихъ съ стенографическою вѣрностью по домамъ, пока, вслѣдъ за Бѣлинскимъ, онъ не увлекался чѣмъ-нибудь другимъ. Но Боже мой! что это были за отзывы! Кромѣ Кольцова и виѣ Кольцова уже не было и не бывало въ мірѣ поэтовъ? Этотъ образъ заслонилъ у него на время и Пушкина, и Лермонтова — словомъ, ни о комъ не было и рѣчи больше. Заикнись кто-нибудь, не то, чтобы усомниться, а просто прибѣгнуть, напримѣръ, къ сравненію Кольцова съ кѣмъ-нибудь, или даже къ простому и спокой-

ному опредѣленію рода поэзіи и таланта Кольцова—Бѣлинскій, а вслѣдъ за нимъ и Панаевъ, разгромили бы того въ конецъ! И это на недѣлю, на двѣ, а потомъ анализъ, охлажденіе, осадокъ, а въ осадкѣ—искомая доля правды.

Я не ошибочно сравнилъ эти увлеченія Бѣлинского съ Донъ-Жуановскими увлеченіями женщинами: и у Бѣлинскаго, какъ у поклонниковъ женской красоты, всѣ прежніе идолы блѣднѣли передъ послѣднимъ, иногда невзрачнымъ, но имѣющимъ болѣе всего прелести новизны. Истина же оценки высказывалась въ большей или меньшей продолжительности впечатлѣнія, — и если послѣднее переживало послѣдующихъ идоловъ, то значитъ—критика его была непогрѣшима. Но этого иногда приходилось долго ждать.

Къ идоламъ же, обманувшимъ его ожиданія, или которыми онъ увлекался прежде, въ молодости, ошибочно, или больше нежели слѣдовало,—онъ былъ безпощаденъ впослѣдствіи. Кажется, онъ восхищался еще въ студенчествѣ Карагина, когда тотъ прїѣзжалъ изъ Петербурга въ Москву, а Мочаловъ оттуда сюда, и когда происходилъ между обоими артистами спортивскій, а по поводу ихъ, въ журналахъ, и литературный турниръ. Образовались два лагеря. Не знаю хорошенъко, но подозрѣваю, что Бѣлинскій въ юношествѣ платилъ, кажется, обоимъ артистамъ болѣе дани удивленія, нежели потомъ они (или собственно Карагинъ) въ его глазахъ стояли, когда Бѣлинскій развился и созрѣлъ. О Мочаловѣ онъ и послѣ всегда отзывался сочувственно, цѣня въ немъ вѣриое и чуткое выраженіе тонкихъ, нѣжныхъ или высокихъ сторонъ Шекспировскихъ и Шиллеровскихъ ролей, особенно Гамлета, къ чему совершенно признавалъ неспособнымъ Карагина. Любимцу своему, за нѣкоторыя истинно высокія минуты въ тѣхъ или другихъ роляхъ, онъ прощалъ вялость, монотонность и небрежность исполненія, когда этотъ актеръ былъ не въ ударѣ, а это случалось очень часто. Въ Карагинѣ же онъ

какъ-то нѣхотя признавалъ талантъ, хотя талантъ былъ большой, и притомъ старательно выработанный трудомъ въ школѣ сценическихъ и литературныхъ условій и преданій. Бѣлинскій говорилъ о немъ, какъ о неуклюжей, ходульной фігурѣ, смѣялся надъ его манерой и грубостью пониманія тонкихъ ролей.

Здѣсь онъ впадалъ въ тотъ недостатокъ, который мѣшалъ ему быть вполнѣ беспристрѣстнымъ критикомъ. Уравновѣшивать строго и покойно достоинства и недостатки въ талантахъ—было не въ горячей натурѣ Бѣлинского.

Между тѣмъ эта же самая горячность, т.-е. способность увлекаться, и поставила его во главѣ критики художественныхъ произведеній и создала даже школу этой критики, первымъ удачнымъ послѣдователемъ которой былъ Добролюбовъ и менѣе удачнымъ Аполлонъ Григорьевъ. Ни до Бѣлинского, ни послѣ него, не было у нашихъ критиковъ въ такой степени чуткой способности сознавать въ самомъ себѣ впечатлѣнія отъ того или другого произведенія, сближать и сличать его съ впечатлѣніемъ другихъ, обобщать ихъ и на этомъ основывать свой судъ.

Въ этомъ собственно и состоялъ творческій пріемъ его оцѣнки. Ему помогало еще то, чего недоставало другимъ критикамъ: это страстное сочувствіе къ художественнымъ произведеніямъ. Чѣмъ ярче и сильнѣе талантъ, тѣмъ страстнѣе было и впечатлѣніе. Оно будило его нервную систему, затрогивало фантазію и порождало эти горячія критическія изліянія, которыя бросали столько свѣту и огня на все, что производила литература замѣтальнаго. Эта самая страсть увлеченій повсегдяла его, какъ я замѣтилъ, и въ тѣ преувеличенія, натяжки и ошибки, которыя ставились ему, бывало, его противниками въ вину, какъ умыселъ и обманъ. Точно такъ же производило въ немъ первое раздраженіе и всякое бездарное, антиизящное явленіе въ литературѣ и вело къ горячимъ словоизліяніямъ въ обратномъ

смысл — и все съ тѣмъ же блескомъ, остроуміемъ, но съ безпощадною ироніей.

Въ области критики художественныхъ произведеній являлось и является не мало болѣе или менѣе замѣчательныхъ умовъ и перьевъ, но очень немногіе изъ нихъ подходятъ къ произведенію по прямому и кратчайшему пути, т.-е. отъ непосредственного впечатлѣнія произведенія на нихъ самихъ: они обходять со стороны, отъ холоднаго умственнаго воззрѣнія пускаются въ критическія дебри и разсужденія тамъ, гдѣ надо прежде чувствовать и огнемъ чувства освѣщать путь уму — къ вѣрному опредѣленію достоинствъ или недостатковъ произведенія.

Но чуткость первъ, сила фантазіи и впечатлительность, до степени страсти, даются природою, — повидимому, не очень часто. Если сами художники встречаются не на каждомъ шагу, то и критики съ такою сильною впечатлительностью, какъ у Бѣлинскаго, при силѣ его ума и дарованія, встречаются еще реже. Можетъ-быть, этимъ можно отчасти объяснить недостатокъ критики въ нашей литературѣ, на который нерѣдко раздаются жалобы въ публикѣ.

Недалеко то время, когда наступить передъ самого Бѣлинскаго предстать передъ беспристрастный судъ критики. Этотъ судъ, ненакушенный привязанностью къ его личности живыхъ друзей — современниковъ и его почитателей, настанетъ, когда охладится теперь пока еще горячее о немъ воспоминаніе и преданіе: ѳнъ отделить его общественно-литературную дѣятельность отъ всякихъ дружескихъ симпатій, откинетъ всѣ преувеличенія и строго опредѣлить и оцѣнить истинное его значеніе и заслугу передъ обществомъ.

Даже и теперь еще, люди второго поколѣнія, не связанные никакими личными отношеніями къ Бѣлинскому, просто по краткости периода, на который отодвинулись отъ него, затрудняется произнести строгий критический приговоръ его недостаткамъ.

Эти недостатки были, можетъ-быть, неизбѣжны при той роли, какая выпала ему на долю. Ему, какъ какому-то апостолу отрицанія, пришлось разыграть въ сферѣ критики и публицистики то же самое, что, другими способами и приемами, разыгралъ въ искусствѣ Гоголь, и что, иначе уже конечно, продолжало потомъ и продолжаетъ разыгрываться или доигрываться почти всѣми литературными дѣятелями до сихъ порь.

На подобную начинательную литературную роль нужна была именно такая горячая натура, какъ его, и такие способы и приемы, какіе съ усѣйхомъ были употреблены имъ: другіе, болѣе мягкие, покойные, строго-обдуманные, не дали бы ему сдѣлать и половины того, что сдѣлалъ онъ, образуя тогда собой, вмѣстѣ съ Гоголемъ, почти всю литературу: надо было разрабатывать едва початую общественную почву.

Снаружи казалось все такъ прибрано, казисто; общество выдѣляло изъ себя замѣчательныхъ, даже блестящихъ единицъ въ разныхъ сферахъ дѣятельности, на вершинахъ его лежалъ очень тонкій слой обще-европейской культуры. Но масса общества покоялась въ дремотѣ, жила рутиной и преданіями и не готовилась еще пдти навстрѣчу тѣмъ реформамъ, мысль о которыхъ уже зрела въ высшихъ правительственныйыхъ сферахъ и приближеніе которыхъ чуяли и предсказывали нѣкоторые умы, въ томъ числѣ и Бѣлинскаго. Онъ сталь — или талантъ и вся его натура поставили его во главѣ новаго литературнаго движенія. Беллетристы, изображавшіе въ повѣстяхъ и очеркахъ черты крѣпостного права, были, конечно, этимъ своимъ направленіемъ болѣе всего обязаны его горячей — и словесной, и печатной проповѣди.

Понятно, что, соединяя въ себѣ роли публициста, эстетического критика и трибуна, провозвѣстника новыхъ грядущихъ началь общественной жизни, онъ неизбѣжно долженъ быть впадать въ рѣзкости, иногда крайности, въ ли-

хорадку торопливости, увлеченій, разочарованій, раздраженій, эфемерныхъ симпатій, несправедливыхъ антипатій и недомолвокъ — словомъ непрерывной борьбы, безъ оглядки на задъ и безъ остановокъ!

Кто не оправдаетъ его, вспомня, съ какой умственной и нравственной тьмой надо было бороться, въ какомъ застоеѣ покоилась масса, передъ которой онъ проповѣдывалъ! Крѣпостное право лежало не на однихъ крестьянахъ — и ему приходилось еще оспаривать право начальниковъ — распоряжаться по своему произволу участюю своихъ подчиненныхъ, родителей — считать дѣтей своей вещественной собственностью и т. д. — и тутъ же рядомъ объяснять тонкости и прелесть Пушкинской и Лермонтовской поэзіи. Безъ него, смѣло можно сказать, и Гоголь не былъ бы въ глазахъ большинства той колоссальной фигурой, въ какую онъ, освѣщенный критикой Бѣлинского, сразу сталъ передъ публикой.

Обращаясь къ его увлеченіямъ и разочарованіямъ, припомню, между прочимъ, о его беспощадныхъ отзывахъ о Кукольнике и, особенно, о Бенедиктовѣ.

Поражая направо и налево всякую рутинность, ходульность, ложь, какъ въ жизни, такъ и въ искусствѣ, онъ и въ томъ, и въ другомъ требовалъ простоты, естественности, и кто не удовлетворялъ этимъ условіямъ — тому пощады не было.

Кукольникъ и Бенедиктовъ, оба съ значительными талантами, явились на свою бѣду послѣдними могиканами старой, «риторической», какъ прозвалъ ее Бѣлинский, школы. Онъ и печатно, и въ разговорахъ не могъ о нихъ отзываться равнодушно. Въ Кукольникѣ онъ еще соглашался признать нѣкоторыя достоинства, именно въ повѣстяхъ изъ эпохи Петра Великаго и, ставя ихъ въ примѣръ, тѣмъ тяжеле обрушивался на «Тасса», «Джулю Мости» и др. Но о Бенедиктовѣ онъ и слышать не могъ. Вычурность нѣко-

торыхъ стихотвореній, въ самомъ дѣлѣ поразительная при талантъ и умъ Бенедиктова, дѣлала его какимъ-то, будто личнымъ врагомъ Бѣлинскаго. Зная лично Бенедиктова, какъ умнаго, симпатичнаго и честнаго человѣка, я пробовалъ иногда спорить съ Бѣлинскимъ, объясняль обидѣемъ фантазіи натяжки и преувеличенія во многихъ стихотвореніяхъ,—указывалъ, наконецъ, на мастерство стиха и проч. Бѣлинскій махалъ рукой и не хотѣлъ признать ничего, ничего. Не помню, что онъ говорилъ печатно о его сочиненіяхъ, но въ разговорѣ онъ постоянно раздражался противъ него, даже нападалъ (гдѣ-то въ статьѣ) на наружность Бенедиктова, въ самомъ дѣлѣ некрасивую. И Кукольникъ, и Бенедиктовъ, оба, были его *bêtes noires*. Перваго онъ, кажется, зналъ лично, а второго нѣть, развѣ видѣлъ гдѣ-нибудь. Но антипатія къ ихъ сочиненіямъ вполнѣ переходила и на авторовъ.

Въ Кукольникѣ лично онъ могъ еще преслѣдоваться и ту кичливость, которую носили съ собой всюду многія изъ знаменитостей. Тогда былъ триумвиратъ изъ Кукольника, Брюллова и Глинки (говорять, неразлучныхъ между собою), который примирялъ въ обществѣ. Можетъ-быть, и это генеральство, выказывавшееся особенно рѣзко въ Кукольникѣ (котораго я самъ видѣлъ только мелькомъ), въ его фигурѣ, рѣчи и манерахъ, — много прибавляло уксусу къ желчи Бѣлинскаго.

Развѣнчиваніе отъ театральнаго, мишурнаго величия и самомнѣнія разныхъ знаменитостей, и сведеніе ихъ на степень обыкновенныхъ смертныхъ, было тоже въ числѣ его задачъ. Онъ не только отрезвлялъ отъ чрезмѣрнаго самолюбія живыхъ, но, какъ известно, снималъ вѣнки и съ усопшихъ, возложенные на нихъ слѣпымъ и преувеличеннымъ поклоненiemъ ихъ современниковъ, заходя иногда при этомъ далеко, впадая въ вышеупомянутыя ошибки, рѣзкости, порицанія и отрицанія, не стѣсняясь исторической пер-

спективой. Онъ какъ будто не замѣчалъ (и дѣйствительно въ то время не замѣчалъ), что при этомъ страдали законы строгаго безпристрастія. Вся сила ударовъ его была направлена не на то, чтобы отстоять прошлое и существующее, а чтобы завоевать новое, не охранить, а разрушить, чтобы добыть какую-нибудь новую, или расширить уже существующую свободу.

Справедливость требуетъ прибавить, что онъ былъ пристрастенъ, не въ отрицательномъ только, но и въ положительному смыслѣ. Но послѣднее дѣлалось у него неумышленно, а само собой. Его подкупали симпатіи къ близкимъ или хорошимъ людямъ, къ своему кружку—и онъ грѣшилъ не совѣстью, а мягкостью сердца. Упомяну о нѣкоторыхъ примѣрахъ. Между прочимъ, онъ хвалилъ повѣсти Панаева, и однажды только какъ-то нѣхотя, почти шопотомъ, сказалъ мнѣ уныло: «творчества у него ни капли нѣть».

Кудрявцевъ изъ московскаго кружка, большой пріятель Бѣлинскаго, написалъ недурную повѣсть: Бѣлинскій отозвался о ней почти восторженно. Онъ смысливалъ пріятеля съ его сочиненіемъ, чтѣ, повторяю, у него было грѣхомъ его сердца, а не совѣсти и эстетического вкуса. Литературные противники упрекали его въ этой слабости, но никогда не указывали, изъ какого чистаго источника происходила она.

Я сказалъ выше, что Бѣлинскій боролся, чтобы добывать какую-нибудь новую, или расширять старую свободу: отъ этого и запальчивость, и пристрастія, и натяжки, и противорѣчія — все то, чтѣ неизбѣжно бываетъ при усиленной ломкѣ старого и завоеванії новаго. Приведу примѣръ, въ которомъ Бѣлинскій является ревнителемъ женской эманципаціи, не въ обширномъ смыслѣ такъ-называемаго женскаго вопроса вообще, который тогда еще не поступалъ, въ нынѣшнемъ его значеніи и объемѣ, на очередь, а просто только въ вопросѣ о любви. Въ числѣ всякихъ свободъ, ко-

нечно, онъ не обошелъ и женскую свободу, за которую по-ломалъ не мало коньевъ и апостоломъ которой былъ тогда Жоржъ-Зандъ. Онъ за одно уже это, помимо таланта, былъ ея восторженнымъ поклонникомъ.

Я пришелъ къ нему однажды рано послѣ обѣда (онъ жилъ тогда у Аничкова моста); онъ ходилъ по комнатѣ и былъ радъ моему посѣщенію.—«Ну, что Теверино? — спросилъ онъ:— «какъ вы находите?» — Я не читалъ, — сказа-
лъ я равнодушно.—«Какъ не читали, вы?» — Не читалъ, — по-
вторилъ я.—«Какъ такъ!» — Не попалось книги подъ руку,
я и не прочелъ. — «Что это такое!» — напустился онъ на
меня и разразился, сначала гонкой мнѣ за лѣни и равноду-
шіе, а потомъ диопрамбомъ Теверино и вообще Жоржъ-
Занду. Не читавши Теверино, я, конечно, не могу теперь
припомнить, что именно онъ сказалъ обѣ этой повѣсти,
помню только, что по мѣрѣ того, какъ приходили другие,
человѣка два-три, послѣ меня, онъ всякому указывалъ на
меня и приговаривалъ съ удивленіемъ: — «Теверино не чи-
талъ!»

О Теверино я упомянуль теперь случайно, въ видѣ пре-
дисловія къ тому примѣру, который хочу привести по во-
просу о женской эманципації и о крайнемъ увлеченіи этимъ
вопросомъ Бѣлинскаго. Не помню теперь, въ этотъ вечеръ,
или въ другой, онъ приступилъ ко мнѣ съ вопросомъ о
«Лукреціи Флоріани», которая тогда появилась въ переводѣ
въ «Современникѣ». Я и теперь помню то восторженное
поднятіе Бѣлинскимъ руки вверхъ, когда онъ, освѣщая фи-
гуру Лукреціи уже своимъ электрическимъ огнемъ похвалилъ,
ставилъ ее все выше—выше и наконецъ заключилъ, почти
съ умиленіемъ, что это «богиня, передъ которой весь міръ
долженъ стать на колѣни!»

Меня съ начала знакомства съ шимъ, какъ нового для него
человѣка, часто звали къ нему и туда, гдѣ онъ бывалъ,
потому что онъ оживалъ съ новымъ, не непріятнымъ ему

лицомъ, высказывался охотнѣе, быть весель, доволенъ, словомъ, жилъ по-своему. О Жоржъ-Зандѣ тогда говорили безпрестанно, по мѣрѣ появленія ея книгъ, читали, переводили ее; некоторые женщины даже буквально примѣряли на себѣ ея эмансипаторскія заповѣди, поставивъ себя въ положеніе тѣхъ или другихъ ея герони, что, конечно, безъ нея имъ бы и въ голову не пришло, или пришло бы, какъ всегда, просто, безъ участія головы. Такъ, говорить, т.-е. по рецепту Жоржъ-Занда, даже женился и В. П. Б. и сей-часъ же разошелся съ женой—уже по собственному своему усмотрѣнію.

Я съ большимъ удовольствиемъ прочелъ Лукрецію Флоріані, наслаждаясь тамъ, вовсе не ея тенденціей освободить до такой степени женщину, до какой она освободила Лукрецию, а тонкой, вдумчивой рисовкой характеровъ, этой нѣжностью очертаній лицъ, особенно женскихъ, ароматомъ ума, разлитымъ въ каждой, даже мелкой замѣткѣ, и до сихъ поръ смотрю такъ на Жоржъ-Зандѣ и наслаждаясь всемъ этимъ въ ней независимо отъ ея задачь. Но Бѣлинскій, цѣня въ ней художественность исполненія, конечно, по достоинству, выше всего, однако, ставилъ все-таки ея идеи. Я не разъ спорилъ съ нимъ, но не горячо (чтобы не волновать его), а скорѣе равнодушно, чтобъ только вызвать его высказаться, — и равнодушно же уступалъ. Безъ этого споръ бы никогда не кончился, или перешелъ бы въ задоръ, на который, конечно, никто изъ знавшихъ его никогда умышленно бы не вызвалъ. Я только, такъ сказать, затрогивалъ его, или онъ, вѣрнѣе, всегда самъ задиралъ меня вопросомъ, ожидая возраженія, и тогда разрѣшался любимымъ тезисомъ, кипятился и выкладывалъ все, что у него наготовилось за извѣстный періодъ, о томъ или другомъ предметѣ, и что потомъ укладывалось, или въ статьѣ, если къ тому времени подвертывалась статья, или въ словесную импровизацію, въ споръ. Какъ безмолвныхъ, такъ и

слишкомъ горячихъ собесѣдниковъ, какимъ онъ былъ самъ, онъ кажется, не любилъ, что и понятно.

Я помню, что, по поводу Лукреціи Флоріани, я упрекалъ его слегка рабствомъ авторитету, а самой Жоржъ-Зандъ ставить въ вину, какъ художнику, тѣсную исключительность ея сферы и ея парадоксы, доказывать между прочимъ, что нельзя признавать «богиней» женщину, которая настолько не владѣеть собой, что переходитъ изъ рукъ въ руки пятерыхъ любовниковъ, не обойдя даже такого хлыща, какъ грубый, неразвитой актеръ, что это уже не любовь человѣческая, осмыслиенная, свойственная нравственной, развитойатурѣ, а такъ, «гнусность», что, наконецъ, любовь двухъ людей требуетъ равенства въ развитіи, иначе это капризъ и т. д.

Онъ напалъ на меня:—«Вы иѣмецъ, филистеръ, а иѣмцы, вѣдь это семинаристы человѣчества!» прибавилъ онъ.—«Вы хотите, чтобы Лукреція Флоріани, эта страстная, женственная фигура, превратилась въ чиновницу!»

Онъ однажды выразился даже такъ, что и художникъ самъ долженъ окунуться въ омутъ распущенности нравовъ— и проговорилъ это довольно серьезнымъ голосомъ, съ важнымъ выражениемъ лица, съ убѣженiemъ, какъ заповѣдь. Я увѣренъ, что у Бѣлинскаго, въ этомъ грубомъ парадоксѣ, крылось то убѣженіе, что художникъ, не прикоснувшись собственнымъ опытомъ низшихъ, грубыхъ слабостей и падений, оставаясь въ строгихъ предѣлахъ чистыхъ нравовъ, не будетъ имѣть многихъ красокъ на своей палитрѣ для живописанія всѣхъ людскихъ страстей и страстишекъ. Иначе нельзя этого и объяснить. Бѣлинскій, конечно, вдавался въ очевидную натяжку, допуская не только снисхожденіе, но присуждая, такъ-сказать, вѣнокъ женщинѣ, которая смѣло оторвется отъ моральныхъ и материальныхъ узъ, какими связана была,—и я полагаю,—во многомъ будетъ связана,—т.-е. сама не позволить развязать себя, когда наступитъ

отрезвление отъ горячки такъ-называемаго женскаго вопроса и когда послѣдній вступить въ фазисъ покойной и разумной обработки.

Бѣлинскій, безъ сомнѣнія, лучше другихъ понималъ все, что есть крайняго въ жизни этихъ Лукрецій, и не смѣшивалъ про себя всѣхъ этихъ кучъ навоза, гдѣ толпились актеры, герцоги и ироиче, сквозь фалангу которыхъ прошла Флоріані, — въ одну какую-то пирамиду любви. Но ему и не это было нужно: ему снился идеаль женской свободы, онъ рвался къ нему, жертвуя подробностями, впадая въ на-тяжки и противорѣчія даже съ самимъ собою, лишь бы отстоять этотъ идеаль, чтобы противные голоса не заглушили самаго вопроса въ зародышѣ.

О томъ, что собственно есть любовь, какъ человѣческое чувство, и какъ строго и зорко надо его отличать отъ одного животнаго побужденія, — онъ въ ту минуту не думалъ, хотя нерѣдко въ печати выражалъ трезвость своего взгляда. Это второстепенный для него вопросъ, до котораго, конечно, дойдетъ очередь, когда одержана и упрочена будетъ главная побѣда свободы, а детали придутъ потомъ, когда начнется воспитаніе женщины въ духѣ той свободы, — тогда и разберутъ что и какъ. Особенно онъ боялся помѣхи со стороны пуританъ и пуританокъ, которые косо поглядывали не только на эмансипаціонныя попытки Жоржъ-Зандъ, но и на чувственныя проявленія любви вообще. — «Да, — задумчиво и серьезно сказалъ онъ однажды, ужъ не помню при какомъ случаѣ: — конечно, не одно «это» (т. е. чувственность) соединять любящихъ, но безъ «этого» — ничего другого и не нужно».

Между тѣмъ, собственная его семейная жизнь совершенно противорѣчила тому, что проповѣдовывалъ онъ на своей трибунѣ о женской свободѣ любить на манеръ Лукреціи Флоріані. Всему, что говорилось и писалось о его безупречныхъ отношеніяхъ къ женщинамъ — надо вѣрить. Въ се-

мейной жизни трудно отыскать человѣка, который бы съ большими уваженіемъ обращался къ женѣ, чѣмъ онъ. Во всемъ его обхожденіи съ ней было то, что французы называютъ *déference*: это же свойство проглядывало и въ отношеніяхъ его къ прочимъ знакомымъ женщинамъ, къ женамъ и вообще семействамъ всего кружка. Если у него въ душѣ и были какія-нибудь семейныя облака, то, вѣроятно онъ никогда никому ихъ не обнаруживалъ. Вообще, глядя на его семейную жизнь, можно было заключить, что на дѣлѣ онъ признавалъ «святость» семейныхъ союзовъ, онъ, не любившій признавать вообще святостей.

Мнѣ остается замѣтить кое-что еще о несправедливомъ поголовномъ и голословномъ упрекѣ, который нерѣдко обращали къ Бѣлинскому—въ необразованности!

Въ относительной необразованности можно упрекнуть всякаго, не исключая самыхъ образованныхъ. Но на него обрушился этотъ упрекъ, какъ будто онъ былъ неучъ, какъ будто невѣжество его въ чемъ-нибудь рѣзко обличало его и было замѣтнымъ недостаткомъ.

По сочиненія его передъ нами: гдѣ же грѣшить онъ въ нихъ какими-нибудь промахами противъ того или другого знанія, или слабостью въ пониманіи того или другого, о чёмъ писаль? А о чёмъ онъ не писаль и чего не касался? И нигдѣ нѣть никакихъ рѣзкихъ обличеній въ незнакомствѣ съ догматикой той или другой науки, того или другого предмета.

Матеріальный поводъ къ этому упреку, конечно, былъ тотъ, что онъ не кончилъ курса и не получилъ университетскаго диплома. За это прежде всего ухватились всѣ за виноватыя носредственности, которыхъ значеніе блѣднѣло по мѣрѣ того, какъ развивался и обнаруживался талантъ Бѣлинского. У него, правда, не было ни офиціального значенія, ни офиціальной учености, и за это его разжаловали въ необразованные, въ неучи, въ недоучки!

Помнится, что и Полевого, вначалѣ его появления, тоже упрекали неученостью, и даже обзывали «купцомъ», потому что онъ не былъ въ университетѣ и не имѣлъ ученой степени.

Узнали, что Бѣлинскій не знаетъ по-нѣмецки, слѣдовательно, онъ-де, ни Гегеля, ни Гёте, ни другихъ, въ подлинникѣ не читалъ, а говорить о нихъ такъ, какъ будто читалъ ихъ самъ: ну, значитъ, и неучъ!

Но какъ далеко ниже его стояли многіе изъ упрекавшихъ его въ своей мнимой учености, нужды нѣтъ, что они занимали ученыя каѳедры и положенія, или сотрудничали въ журналахъ, говорили и писали о древнихъ и новыхъ литературахъ, не зная иногда ни одного, или зная только французскій языкъ.

Нѣтъ, Бѣлинскій былъ образованіе всѣхъ своихъ соратниковъ (не ученье, а именно образованіе), за исключениемъ развѣ одного Герцена, правильная подготовка котораго возводила его образованность на степень учености.

Средства Бѣлинского были скучныя, пути образованія почти случайные (однако въ университетѣ, только безъ диплома). Знанія, приобрѣтаемыя въ университетской аудиторіи, дополнялись въ кругу товарищеской, при совмѣстномъ чтеніи и взаимномъ объясненіи оригиналовъ или переводѣ съ иностранныхъ языковъ, наконецъ, среди преній, разборовъ въ юныхъ кружкахъ, въ добываніи съ трудомъ и въ взаимной передачѣ книгъ.

Развѣ это не школа, не академія, гдѣ гранились другъ о друга юные умы, жадно передавая другъ другу знанія, наблюденія, взгляды—вся эта жажда и любовь къ знанію? Какого же еще надо аѳинскаго портика, съ Платономъ въ вице-мундирѣ и очкахъ? Не такъ ли мы все пріобрѣтали то, что есть въ насъ лучшаго и живого? Не тамъ ли, въ юношескихъ университетскихъ кружкахъ, и мы сортировали и осмысливали то, что уносили отъ каѳедры?

Представьте же въ этой школѣ мальчика съ свѣтлой головой, съ впечатлительнымъ воображеніемъ, любознательнаго и талантливаго? Представьте необыкновенную остроту наблюдательности и пониманія до степени ясновидѣнія: сколько сокровищъ онъ вынесетъ изъ такой школы!

А та масса русскихъ и французскихъ книгъ, которую онъ прочелъ по обязанности сотрудника, отъ «Молвы» до «Современника», въ теченіе двадцати лѣтъ: это тоже своего рода школа! Тутъ ему не нуженъ былъ профессоръ; у него былъ свой регуляторъ и руководитель, который ближе свѣль его и съ Гегелемъ, и съ Шиллеромъ, и съ Гёте — путями, непроходимыми для другихъ, но доступными ему.

Ссылаясь на одинъ изъ любимыхъ авторитетовъ Бѣлинскаго, на Жоржъ-Зандъ, которая, гдѣ-то говоря о краткости жизни и о трудности, даже невозможности познавать все, заключаетъ такъ: «*On ne peut pas savoir tout, il faut se contenter de comprendre.*»

И Бѣлинскій дѣйствительно «понималъ» все, не только къ чему прикасался его сосредоточенный анализъ, но и то, что проносилось мимо его, на что онъ случайно обращалъ взглядъ. Онъ жилъ, непрерывно участь за перомъ, въ живыхъ бесѣдахъ съ друзьями и почитателями, и роясь въ безднѣ книгъ, проходившихъ черезъ его руки: и такъ до конца жизни!

Въ рукахъ противниковъ Бѣлинскаго упрекъ въ неучености, какъ известно, былъ Архимедовъ рычагъ, которымъ они старались столкнуть его съ мѣста, но, конечно, безуспѣшно.

Професія ученаго была не его професія, да онъ никогда и не бралъ ее на себя.

Слѣдовательно, говоря о его занятіяхъ, необходимо обусловливать въ точности, какой именно учености недоставало ему — и за этимъ ставить вопросъ: довольно ли было у него подготовки для той роли, какая выпала ему на

долю, — именно для роли — не эстетического критика собственно, не публициста только, а для того и другого вмѣстѣ, и еще для чего-то — третьего? Наконецъ, надо еще спросить: отвѣчала или не отвѣчала степень его подготовки эпохѣ и моменту его дѣятельности и его средѣ — и опредѣлить, сколько онъ сдѣлалъ для своего времени и современаго ему поколѣнія? И только въ совокупности на всѣ эти вопросы, и слѣдуетъ, и можно давать по возможности покойный, т. е. отрѣшенный и отъ вражды, и отъ пристрастія къ нему отвѣтъ. Кстати можно было бы спросить, много ли сдѣлали тѣ «ученые», которые громили его за неученость?

Извѣстно, какъ Бѣлинскій былъ искрененъ и не хвастливъ. Съ постороннимъ, мало знакомымъ лицомъ, онъ почти совсѣмъ не говорилъ, или говорилъ мало, несвязно и не блестать ни умомъ, ни знаніемъ. Только съ близкими онъ былъ свободенъ въ рѣчи, не остерегался ошибокъ и давалъ волю своимъ спламъ. И въ такихъ именно спорахъ онъ обнаруживалъ массу знаній, которыхъ въ покойномъ разговорѣ, вѣдь всякаго увлеченія, нельзя было подозревать въ немъ. Онъ ронялъ и сыпалъ ихъ нечаянно, какъ часто нечаянно въ печатныхъ статьяхъ сверкалъ остроуміемъ, удачными сравненіями, ссылками на тѣ, или другіе авторитеты и т. п.

Слѣдовательно, знанія, хотя бы собранныя медленно, иногда урывками, служили прямой его цѣли, его дѣлу, т. е. его перу. Онъ не держалъ на ученой конюшнѣ осѣдланнаго готоваго коня, съ нарядной сбруей, не выѣзжалъ въ циркъ показывать Ѣзду haute école, а ловилъ изъ табуна первую горячую лошадь и мчался куда нужно, перескакивая ученыхъ коней. Этотъ способъ партизанскихъ наѣздовъ именно и нуженъ былъ ему для его цѣлей.

Познаніями могъ превосходить его, какъ я выше сказаъ, напримѣръ, Герценъ. Но вѣдь и онъ не ученостью все сдѣлалъ въ литературѣ и въ жизни, что сдѣлалъ, хотя

ученость, или, лучше сказать, всестороннее образование было важнымъ подспорьемъ его таланту и блестящему остроумію.

Можно, конечно, пожалѣть, что и Бѣлинскій не совершилъ отъ начала до конца путь болѣе обширнаго, или, лучше сказать, болѣе систематического образования, для исполненія, съ большимъ авторитетомъ, той громадной роли, какая ему выпала на долю. Соответствующая его природнымъ средствамъ подготовка помогла бы еще болѣе его вліянію на литературное развитіе въ обществѣ и упрочила бы за нимъ значеніе его дѣятельности и заслуги— безъ всякихъ сомнѣній и споровъ.

ИВАНЪ САВИЧЪ ПОДЖАБРИНЪ.

ОЧЕРКИ.

Иванъ Савичъ сидѣлъ послѣ обѣда въ вольтеровскихъ креслахъ и курилъ сигару. Ему, повидимому, было очень скучно. Онъ не зналъ, что дѣлать. Для препровожденія времени, онъ то подожметъ ноги подъ себя, то вытянетъ ихъ во всю длину, по ковру, то зѣвнетъ, то потянется, или стряхнетъ въ чашку кофе пепель съ сигары и слушаетъ, какъ онъ зашипѣтъ; словомъ, онъ не зналъ, что дѣлать со скучки. Бѣхать въ театръ еще рано, въ гостяхъ онъ быть не любилъ. Въ передней храпѣлъ слуга, у ногъ спала собака. Все сердило Ивана Савича, и эта досада простиралась и на лакея, и на собаку. Иванъ Савичъ уже попотчива1лъ двумя пинками Діану, которая сунулась-было лизать ему руку. Она, свернувшись, легла на коверъ и чуть-чуть дрожала, только повременамъ открывала одинъ глазъ и искося поглядывала на своего господина.

— Авдѣй!—закричалъ онъ.

— Че-о изволит...—впросонкахъ пробормоталъ тотъ.

— Не храни! Экъ ты хранишь: за двѣ комнаты слышно.

Храпѣніе прекратилось; мѣсто его заступила продолжительная, энергическая зѣвота, съ прибавочными звуками: ге-ге-ге!

— Не зѣвай пли зѣвай какъ слѣдуетъ, про себя! — за-
кричалъ Иванъ Савичъ.

Воцарилось молчаніе, но не надолго. Поднялся сухой,
продолжительный кашель. Пріятель мой пожалъ плечами.

— Вотъ, кашлять сталъ! Не можешь посидѣть смиро? А отчего кашель? оттого, что все по сѣнямъ да по двору таскаешься въ одномъ жилетѣ. Говорилъ тебѣ: нѣть, не слушаешься. Ну, смотри, у меня и спи на дворѣ, а здѣсь я кашлять тебѣ не позволю.

Послѣ этого увѣщанія оба замолчали, и Иванъ Савичъ опять принялъся за свои занятія: за вытягиваніе и поджиманіе ногъ, за стряхиваніе пепла и проч.

Вдругъ въ залѣ послышались шаги Авдѣя. Онъ явился въ кабинетъ и сталъ у дверей. То былъ низенький, плачевый, пожилой человѣкъ. Волосы у него на затылкѣ были съ просѣдью.

— Чѣмъ тебѣ надо? — спросилъ Иванъ Савичъ.

— Я забылъ вамъ сказать: дворникъ давича говориль, что на вѣс хотятъ жаловаться...

— Кто? кому? — съ испугомъ спросилъ Иванъ Савичъ.

— Хозяину жильцы.

— Жильцы? хозяину?

— Да-съ: слышь, женскому полу проходу не даемъ...

— Цс! чтѣ, дуракъ, орешь!

— Да-съ. Вонъ этотъ чиновникъ, что противъ насъ живеть, — продолжалъ Авдѣй: — очень недоволенъ. Дворникъ говоритъ: какъ, говорить, твой баринъ со двора, такъ и жена эвтаго чиновника на рынокъ-съ дѣвкой идетъ. На чѣто, говорить, похоже? Мужъ-то, говорить, разъ и ползъ слѣдомъ за вами и видѣлъ, говорить, какъ вы, вишь, вышли изъ переулка да съ ней рядомъ и пошли, и быль, говорить, очень, очень недоволенъ: ворчалъ цѣлый день и только къ вечеру угомонился, и то оттого, что выпилъ.

— Гм! какой варваръ!—сказалъ Иванъ Савичъ, покачавъ головой:—ну?

— Еще, слышь, булочникъ жаловался...

— А этотъ на чѣ?

— Все, вишь, дочь его мимо нашихъ окошекъ шмыгаетъ, да въ кухню къ намъ часто заглядываетъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? На кого жъ булочникъ жаловался: на меня или на дочь?

— Не могу знать.

— Такъ знаешь чѣ?—сказалъ Иванъ Савичъ.

— Не могу знать.

— Ищи поскорѣй другую квартиру.

— Опять! — горестно сказалъ Авдѣй: — давно ли перемѣнили.

— Давно ли! чѣ жъ дѣлать! ты самъ видишь, что намъ житъя здѣсь нѣть: притѣсняютъ. Долго ли до бѣды? Ищи!

— Этакую квартиру мѣнять!—сказалъ Авдѣй:—и сараѣ, и ледничекъ особый...

— Вотъ еще! зачѣмъ намъ ледничекъ! Мы дома не стряпаемъ, въ прокъ ничего не запасаемъ.

— Какъ зачѣмъ-съ? неровно пригодится. Вотъ разъ дыню на ледъ клали... Мало ли зачѣмъ?

— Нѣть, ищи! Да мнѣ эта квартира и надоѣла. Я ужъ всѣхъ здѣсь знаю: всѣ наскучили. Не съ кѣмъ пожуировать жизнію.

— А Марья Михайловна?..

— Ну, ужъ дрянь-то! Ищи!

— Побойтесь Бога, Иванъ Савичъ,—сказалъ Авдѣй: — грѣшно, право, грѣшно.

— Полно!—съ досадой возразилъ Иванъ Савичъ. — Потвоему, не пожуируй! Сиди вотъ этакъ съ тобой да съ Діанкой дома: не съ кѣмъ слова сказать. Да еще пожалуются—бѣда выйдетъ, пристанутъ! Ищи. Да смотри, чтобы окна выходили на улицу и на дворъ. А если гдѣ замѣтишь въ

домъ... понимаешь?.. того... такъ хоть на улицу и не будеть окошекъ, нужды нѣть.

Ежедневный образъ жизни Ивана Савича, какъ нынѣшня драмы, раздѣлялся на три картины. Утро въ должностіи. Это онъ называлъ *серые знатіями*, хотя иногда сидѣлъ тамъ, ничего не дѣлая. Обѣдъ въ трактире, часто съ приятелями. Тогда обѣдали шумно и напивались обыкновенно пьяны. Это называлось *кутить* и считалось дѣломъ большой важности. Вечеръ или въ театрѣ, или въ обществѣ какой-нибудь сосѣдки. Послѣднее значило у Ивана Савича и подобныхъ ему *жуировать* жизнью. Выше и лучше этого онъ ничего не зналъ. Родители оставили ему небольшое состояніе и познакомили его съ порядочными людьми. Но онъ нашелъ, что знакомство съ ними—*сухая матерія*, и мало-малу оставилъ ихъ. Книгъ онъ не читалъ, хотя учился въ какомъ-то учебномъ заведеніи. Но духъ науки пропесся надъ его головой, не осѣнивъ ея крыломъ своимъ и не пробудивъ въ немъ любознательности. Какимъ онъ вступилъ въ учебное заведеніе, такимъ и вышелъ, хотя, по заведенному въ этомъ заведеніи похвальному обычай, получилъ при выходѣ похвальный листъ за *прилежаніе, устъхи и благонравное поведеніе*.

На другой день Авдѣй доложилъ Ивану Савичу, что на трехъ воротахъ видѣлъ объявленія и осмотрѣлъ двѣ квартиры: обѣ оказались хороши. Иванъ Савичъ одѣлся и отправился вмѣсть съ нимъ. Они пришли къ большому четырехъэтажному дому. У воротъ сидѣлъ мужикъ въ тулагѣ.

— Не дворникъ ли ты? — спросилъ его Иванъ Савичъ ласково.

Мужикъ зѣвнуль и молча стала смотрѣть въ другую сторону.

— Гдѣ здѣсь дворникъ? — спросилъ Авдѣй.

Мужикъ молчалъ.

— Дома дворникъ?—спросилъ опять Иванъ Савичъ.

Мужикъ посмотрѣлъ на нихъ обоихъ и молчалъ.

— Да что жъ ты, глухъ, что ли? говори!

— Я не здѣшній!—тѣниво отвѣчалъ мужикъ, запахивая туупъ.

— Такъ бы и говорилъ, чухна проклятая!—сказалъ Авдѣй:—а то молчитъ!

Они вошли на дворъ. Имъ навстрѣчу попался еще мужикъ.

— Дворникъ?—спросилъ Иванъ Савичъ.

— Никакъ нѣть-сь, — проворно отвѣчалъ мужикъ, приподнявъ шляпу:—вонъ гдѣ дворникъ живетъ. Извольте позвонить. Кажись, дома.

— Позвони, Авдѣй!

Авдѣй позвонилъ. Въ дворнической никто не пошевелился. Иванъ Савичъ позвонилъ самъ сильнѣе: нѣть отвѣта. Авдѣй спустился со ступенекъ къ засаленной двери и постучалъ кулакомъ. Молчаніе. И Иванъ Савичъ постучалъ носильнѣе. Тоже.

— А вы бы покрѣпче!—сказалъ тотъ же мужикъ, который, указавъ имъ конуру дворника, все вертѣлся поодаль отъ нихъ у воротъ.

Иванъ Савичъ постучалъ очень крѣпко.

— А вы изо всей мочи,—сказалъ мужикъ.

— У меня ужъ нѣть больше мочи. Поди-ка ты, Авдѣй! Все безуспѣшино.

— Пожалуйте-ка, я,—сказалъ мужикъ, и застучалъ такъ, что стекла задребезжали.

Никто не откликнулся.

— Ну, видно, дома нѣть,—говорилъ мужикъ.—Я думалъ, не заснулъ ли онъ. Лютъ спать-то: не скоро добудишься. Нѣть ли развѣ на другомъ дворѣ?

Баринъ и слуга отправились на другой дворъ; за ними, въ качествѣ наблюдателя, поплелся и мужикъ. Тамъ бро-

дили два гуся да пятокъ куръ. Въ одномъ углу баба мыла кадку, въ другомъ кучеръ рубилъ дрова.

— Не знаешь ли, тетка,—спросилъ Андрей:—гдѣ дворникъ? Нѣть ли его здѣсь?

— Нѣть, батюшка, не видать. Онъ долженъ быть на томъ дворѣ.

Они пошли опять на первый дворъ и прошли-было ужъ ворота.

— Кого вамъ, господа? — закричалъ кучеръ: — дворника, что ли, надо?

И съ этими словами воинствъ топоръ въ бревно, обернуль его, подняль надъ головой и хлопнуль д-земь. Бревно разлетѣлось на-двоє; одна половинка ударила по колѣнѣ Авдѣя.

— Виши тебя лѣшній... — сказалъ Авдѣй, прыгнувъ.

Кучеръ опустиль топоръ къ полу.

— Да, да, любезный, дворника. Гдѣ онъ? — спросилъ Иванъ Савичъ.

— Да, гдѣ онъ? — примолвиль, почесывая колѣнку, Авдѣй.

Кучеръ поглядѣль на нихъ, потомъ поплевалъ на ладони, взяль топоръ и опять занесъ его надъ головой.

— Не знаю, не видаль! — отвѣчалъ онъ, тряхнувъ головой, и воинствъ топоръ въ другое бревно.

— Зачѣмъ же ты ворочаешь попустому? — сказалъ Авдѣй. — Этакой народецъ!

И пошли прочь. Они уже рѣшились идти на другую квартиру. Между тѣмъ, Иванъ Савичъ глазѣль на окна всѣхъ этажей, и вдругъ глаза его заблистали: въ окнѣ третьего этажа мелькнуло бѣлое платье, потомъ показалось и тотчасъ спряталось кругленькое женское лицико, осѣненное длинными черными локонами. Изъ-за него выглянуло другое, старое и некрасивое женское лицо.

— Ну, вотъ: тебя очень нужно! — проворчалъ Иванъ Савичъ, относя это ко второму явленію.

Когда они проходили мимо дворнической, изъ глубины ея, какъ изъ могилы, выдвинулась сонная фигура самого дворника, въ рубашкѣ, съ самоваромъ въ рукахъ.

— Ты дворникъ?—спросилъ Авдѣй.

— Я-съ. Чѣмъ вашей милости угодно?

— Чѣмъ! Гдѣ ты прячешься! баринъ спрашиваетъ тебя.

— Какой баринъ?—говорилъ дворникъ, поглядывая съ любопытствомъ на Ивана Савича.

— Мы тебя цѣлый часъ ищемъ,—сказалъ Иванъ Савичъ.

— А вы бы позвонили.

— Мы даже трезвонили; руки отколотили, стуча въ дверь.

— Не слыхалъ. Признаться, соснуть маленько,—сказалъ дворникъ.

— Такъ не мы тебя разбудили?—спросилъ Иванъ Савичъ.

— Нѣть-съ, я самъ проснулся. Диво, какъ я не слыхалъ. Мнѣ только чуть дотронься до скобки, я и услышу.

— Въ третьемъ этажѣ здѣсь отдаются три комнаты и кухня?—спросилъ Иванъ Савичъ.—Покажи-ка намъ.

— Сейчасъ-съ. Вотъ только ключи возьму. Пожалуйте-съ.

Онъ поставилъ самоваръ на землю и повелъ-было ихъ на лѣстницу, но вдругъ замѣтилъ того мужика, который помогъ Ивану Савичу и Авдѣю стучать въ дверь, и воротился. И они воротились.

— А! ты здѣсь!—началъ онъ кричать.—Зачѣмъ пожаловали? Послушай! толкомъ тебѣ говорю: убирайся и не показывайся сюда, а не то, братъ, худо будетъ. Хозяинъ вслѣдъ тебя взашей вытолкать. Слыхалъ ты это?

Мужикъ спрятался за ворота.

— То-то же; будешь у меня прятаться, — примолвишь дворникъ.—Пожалуйте-съ.

Они пошли на лѣстницу. Дойдя до первого этажа, дворникъ бросился къ окну въ сѣняхъ посмотретьъ, ушелъ ли мужикъ. Но онъ оказался опять на дворѣ.

— Аль тебъ мало словъ? — кричалъ дворникъ, грозя изъ окна ключами: — ну, такъ я кликну городового: онъ съ тобой раздѣлается; уходи, говорятъ, уходи, покуда цѣль. Пожалуйте-съ.

И Иванъ Савичъ съ Авдѣемъ смотрѣли въ окно и видѣли, какъ мужикъ опять спрятался. Пошли выше.

— А вѣдь, чай, не ушелъ, проклятый, — сказалъ дворникъ, всходя на площадку второго этажа.—Хоть побиться!

Наконецъ пришли въ третій этажъ къ дверямъ. Дворникъ прежде всего подошелъ къ окну.

— Не видать! — говорилъ онъ самъ съ собой.—Поди, чай, вреть: не ушелъ! Этаکая должностъ проклятая! Усмотри за ними! Пожалуйте-съ.

Онъ сталъ отпирать двери. Въ это самое время изъ дверей противоположной квартиры выглянула та же самая хорошенъкая головка, что смотрѣла изъ окна, и тотчасъ спряталась.

— Я думаю, я найду эту квартиру,—сказалъ Иванъ Савичъ и толкнулъ локтемъ Авдѣя.

Авдѣй отворотился.

— А? какъ ты думаешьъ, Авдѣй?

— Что вы, сударь, торопитесь,—отвѣчалъ онъ.—Можетъ, еще не хороша.

— Какъ понравится,—примолвилъ дворникъ.

— Прехорошенъкая,—замѣтилъ Иванъ Савичъ.

— Да вѣдь вы еще не видали ея; а можетъ-быть она и холодна,—сказалъ Авдѣй.

— Холодна! какъ можно, холодна! — ворчалъ Иванъ Савичъ.

— Будьте покойны, — говорилъ дворникъ, махнувъ ключомъ и тряхнувъ головой: — такая жара, словно въ печкѣ: одни жильцы даже съѣхали оттого, что тепло.

— Какъ такъ?

— Четыре печки, сами посудите. Въ кухнѣ русская, да

и солнышко грѣть прямо въ окошки. Жили иностранцы какіе-то, и не понравилось; а намъ, русскимъ, паръ костей не ломить. Довольны будете.

— Видишь, Авдѣй, кромѣ передней, какая у тебя еще славная комната?—сказалъ Иванъ Савичъ.

— Что мнѣ видѣть-то! — проворчалъ Авдѣй, взявъ картоузъ изъ одной руки въ другую.

— Экой дуракъ! а ты отвѣчай по-человѣчески!—сердито замѣтилъ Иванъ Савичъ.

— Я и то по-человѣчески говорю; вѣстимо, человѣкъ: по-барски не умѣю,—сострилъ Авдѣй.

Квартира оказалась годною. Зала окнами выходила въ переулокъ, а кабинетъ и спальня на дворъ. Все какъ хотѣлось Ивану Савичу.

— А что это за пятно на потолкѣ, какъ будто мокрое?—спросилъ Авдѣй.

— Да, въ самомъ дѣлѣ, что это за пятно, и еще въ спальнѣ? — спросилъ и Иванъ Савичъ. — Кажется, течетъ сверху?

— Точно такъ-сь, — отвѣчалъ дворникъ, наклонивъ немнога голову въ знакъ согласія:—протекаетъ маленько. Иного бываетъ наверху ушать съ водой прольуть, оно и каплетъ въ щель.

Иванъ Савичъ покачалъ головой.

— Не извольте сумѣваться, — посыпшиль примолвить дворникъ: — будете довольны. А это пятно — такъ ничего! не глядите на него—оно дрянь!

— Вижу, что дрянь. Но вѣдь этакъ, любезный, пожалуй штукатурка отвалится да на нось упадеть.

— И, нѣть-сь, щекатурка крышка—не отмоκнетъ: другой годъ каплетъ. Вы только, какъ станеть капать, ведерко извольте подставить.

— А какъ не доглядишь, — сказалъ онъ: — да вода-то твоя на мебель или на платье потечетъ?

— Нѣтъ-съ, услышите: нѣдѣль оно закаплетъ словно дождь пойдетъ: такъ и забарабанитъ.

— Дождь въ комнатѣ! — думалъ Иванъ Савичъ: — лишнее, совершенно лишнее! Зачѣмъ же не замажутъ? — спросить онъ.

— Всѣ тоже спрашиваютъ, — отвѣчалъ дворникъ: — я скаживалъ хозяину, да онъ говорить, что ужъ онъ замазывать въ ту пору еще, когда вотъ эти жильцы нанимали, чтобъ ссыхали. «Неужто, говоритъ, для каждого жильца стану замазывать!» да еще ругнуль меня.

Иванъ Савичъ задумался-было, но вспомнилъ о сосѣдѣ и махнулъ рукой.

— Чѣмъ жѣ! ванны не нужно, — прибавилъ онъ, обращаясь къ Авдѣю. — Сталь подъ это пятно, да попроси тамъ вверху пролить ушать съ водой, вотъ тебѣ и душа.

Онъ далъ задатокъ.

— Позвольте, сударь, позвольте! — сказалъ торопливо Авдѣй и вырвалъ у дворника ассигнацію: — надо все съ толкомъ дѣлать: а есть ли сарай для дровъ?

— Есть: сажень на пять.

— Ну, а ледничекъ особый?

— Ледника нѣть. Да на чѣмъ вамъ ледникъ? У васъ вѣдь нѣть хозяйства; али баринъ женатъ?

— Нѣть, мы холостые. Да какъ не нужно ледника? Случится поставить чтоб...

— Да чѣмъ вамъ ставить?

— Какъ чѣмъ? дыню шной разъ...

— Ты все вздоръ говоришь, Авдѣй! отдаѣ задатокъ! — сказалъ Иванъ Савичъ.

— Вздоръ! — повторилъ тихонько Авдѣй. — Самъ вздоръ дѣлаетъ: дрова виши у него вздоръ и ледникъ вздоръ, а глазѣть куда не надо — не вздоръ!

— Можно на хозяйствскій ледникъ поставить, коли что понадобится, — сказалъ дворникъ.

Авдѣй отдалъ задатокъ назадъ.

Пока слуга торговался, Иванъ Савичъ отворилъ ногой дверь изъ передней въ сѣни и поглядывалъ въ лорнетъ въ полуотворенную дверь противоположной квартиры. Оттуда изрѣдка выглядывали поперемѣнно то молодое, то старое женское лицо.

— Ахъ, какъ мила!—бормоталъ Иванъ Савичъ, отворяя побольше дверь. — Черные глазки, свѣженькая: можно почуировать. Экое чучело!—говорилъ онъ потомъ, вдругъ захлопывая дверь.—Какая бѣленькая шейка! О, да она много обѣщаетъ! Никогда не видывала гаже хари! Что это она такъ часто выглядываетъ?

Вдругъ въ головѣ у него мелькнуло сомнѣніе насчетъ сосѣдки, и онъ тоже схватилъ ассигнацію изъ шапки дворника. Дворникъ потянулся-было проворно прикрыть ее рукой, но не засталъ ужъ ея въ шапкѣ и прикрылъ пустое място. Онъ, разиня ротъ, смотрѣлъ, куда спрячетъ Иванъ Савичъ деньги. Но тотъ держалъ ихъ въ рукѣ. Они вышли въ сѣни.

— Кто тутъ живетъ напротивъ? — спросилъ Иванъ Савичъ.

— Тутъ-съ... мужнія жоны,—отвѣчалъ дворникъ.

У Ивана Савича отлегло отъ сердца.

— Ну, вотъ, слава Богу, что порядочное сосѣдство: честные женщины; а то вѣдь иногда... попадешь такъ, что и жить нельзя!

И онъ бросилъ ассигнацію опять въ шапку. Дворникъ скжаль ее въ кулакъ съ ключомъ, а шапку надѣлъ.

— А тутъ кто?

— Тутъ-съ барышня, дочь умершаго чиновника.

— Слышишь, Авдѣй, барышня.

— Чѣмъ мнѣ слышать-то!—сказалъ Авдѣй.

— А вонъ тамъ повыше кто?—спросилъ Иванъ Савичъ.

— Это-то?

— Да.

— Женатый чиновникъ.

— А внизу?

— Чиновникъ вдовецъ.

Иванъ Савичъ сталъ морщиться.

— А съ другой стороны? — спросилъ онъ.

— Чиновникъ-съ.

— Что за чортъ! А тамъ? — говорилъ Иванъ Савичъ, указывая на самый верхъ, и, не дожидаясь отвѣта, самъ кивнулъ головой, какъ будто догадываясь, кто.

И дворникъ кивнулъ.

— Тоже?

— Тоже.

— Хм! — съ досадой сдѣлалъ Иванъ Савичъ. — Женатый?

— Никакъ нѣтъ-съ... у него экономка, щекла Оndревна, всеѣмъ распоряжается. Хорошая женщина, такая набожная: ни обѣди, ни заутрени не пропуститъ. А про вашу милость, коли спросить хозяинъ, какъ прикажете дождѣть? Кто вы?

— Кто я? — съ важностю произнесъ Иванъ Савичъ, подступая къ дворнику.

Дворникъ попятился и снялъ шапку.

— Кто я? — повторилъ Иванъ Савичъ. — Я холостой... чиновникъ!

Дворникъ надѣлъ шапку, тряхнулъ головой и только что не сказалъ:

— Чтѣ за чудо! напугалъ понапрасну. Намъ они не въ диковинку.

Онъ заперъ дверь и тотчасъ посмотрѣлъ въ окно изъ сѣней.

— Нѣтъ-нѣту! — сказалъ онъ самъ себѣ: — ужъ не проѣхался ли на другой дворъ? чего доброго отъ этакаго анаѳемскаго мужика ждать! Онъ, пожалуй, и на другой дворъ

пойдеть, да даромъ: пусть пойдетъ, юмка-то безъ саногъ сидить.

Иванъ Савичъ съ Авдѣемъ стали сходить съ лѣстницы. Имъ встрѣтилась баба съ корытомъ. Они слышали, какъ она остановилась съ дворникомъ.

— Здравствуйте, Савелій Микитич! — сказала она.

— Наше вамъ, Степанида Игнатьевна!

— Чѣдѣ это, никакъ вамъ Богъ жильцовъ даетъ?

— Да, нанили.

— Кто такіе?

— Вѣстимо, кто: чиновники. Я радъ-радехонекъ. Теперь по этой черной лѣстницѣ у насъ все чиновники живутъ. А то ужъ какъ я боялся, чтобъ не нанять какой мастеровой.

Дни черезъ два на новую квартиру явился Авдѣй... За нимъ вѣхали на дворъ три воза съ мебелью и другими домашними принадлежностями. Получив мебель и разныя мелкія вещи несли солдаты на рукахъ. Самъ Авдѣй нагруженъ быть мелочами, какъ верблюдъ. Одной рукой онъ обнялъ стѣнныя часы; гири болтались и били его по животу. Между пальцами торчалъ маятникъ. Въ другой руцѣ была лампа. Сзади изъ кармановъ сюртука выглядывали два бронзовые подсвѣчника. Въ зубахъ онъ держалъ кисетъ съ табакомъ.

— Постой, постой! экъ ты ломишь! — кричалъ онъ направо и налево. — Не ставь зеркала на грязь-то. Погоди носить: надо посмотретьъ, пройдетъ ли. Гдѣ дворникъ? да чѣдѣ же онъ не отпираетъ? Господи воля Твоя! это сущая каторга. Нѣть, чтобъ самому хоть немножко присмотрѣть.

— Да гдѣ баринъ-то твой? — спросилъ подошедшій въ это время дворникъ.

— Гдѣ! чортъ его знаетъ, прости Господи, гдѣ! Любить па готовое прїѣхать. Переѣзжай, говорить, Авдѣй, а я уже къ вечеру буду, да и быть таковъ. Вотъ ты тутъ и

переѣзжай какъ хочешь. Того и гляди, все мое доброе растащатъ; а у меня одного платья рублей на семьдесятъ будетъ.

Долго еще раздавалась по двору команда Авдѣя. Онъ, какъ гончая собака, разъ сто взбѣжалъ и сбѣжалъ по лѣстницѣ. Тамъ поддержить уголокъ дивана или шкафа, тамъ дастъ полезный совѣтъ, какъ обернуть мебель, верхомъ или низомъ.

— Вотъ такъ, вотъ такъ, — слышалось безпрестанно: — нѣть, нѣть, повыше, еще, пониже, пониже: такъ, такъ; ну, слава Богу, прошло!

Изъ оконъ глядѣли любопытные. Иные не отходили отъ окна во все время перевозки: часа этакъ четыре. Все по разнымъ причинамъ. Одинъ любить знать, какимъ у кого мебель, кто на чемъ спить, есть, — словомъ, любить сознаться въ чужія дѣла. Другому, видно, наскучили свои, и онъ зѣраетъ по цѣлымъ часамъ на чужое добро. Третій любить замѣчать какія-нибудь особенности и судить о нихъ по человѣку, четвертый — смотрѣть на разныя мелкія вещиціи.

— Вотъ шкафъ несуть, — говорилъ одинъ сосѣду.

— Теперь, чай, возьмутъ комодъ, — отвѣчалъ тотъ.

— Эхъ, картину-то какъ онъ взялъ, дурачина: того и гляди, задѣшнеть за перила! — и тутъ же не вытерпить и закричать изъ окна: — смотри, картину-то, картину попортишь!

Экономка чиновника, Фекла Андреевна, набожная женщина, оставалась у окна до тѣхъ поръ, пока Авдѣй внесъ послѣднюю утварь — кадочку съ нескомъ, корзинку съ пустыми бутылками, двѣ сапожные щетки и кирпичъ. Она пересказала все своему чиновнику.

— Новый жилецъ переѣхалъ, Семенъ Семенычъ! — сказала она.

Семенъ Семенычъ понюхалъ табаку, поправилъ крестъ въ петлицѣ и молчалъ.

— Богатый долженъ быть,—начала она опять:—нанялъ ту квартиру, что на нашу и на парадную лѣстницу выходитъ. Зало-то окнами на улицу. 80 рублей въ мѣсяцъ ходить.

Тотъ все молчитъ.

— Шандалы, я думаю, одни рублей сто заплачены; а столы, стулья какіе! диваны красные и зеленые, да премягкіе: я на одинъ присѣла, пока онъ стоять на коридорѣ, такъ и ушла вотъ до этихъ поръ, инда испужалась.

— До какихъ поръ?—спросилъ Семенъ Семенычъ флегматически.

— Вотъ до сихъ.

Она показала рукой.

— А гдѣ онъ служитъ?

— Не успѣла спросить у человѣка... вотъ ужо развѣ.

— Добро, давайте-ка обѣдать, — сказалъ Семенъ Семенычъ:—нечего растабарывать.

И хорошенъкая сосѣдка вертѣлась все на порогѣ. Она прыгала и рѣзвилась, какъ котенокъ, даже поговорила съ Авдѣемъ.

— А кто твой баринъ?—спросила она.

— Онъ-съ, баринъ, сударыня!

— Знаю, да кто?

— Не могу знать, майоръ ли, совѣтникъ ли какой: долженъ быть полковникъ.

— Гдѣ жъ онъ?

— Кушать гдѣ-нибудь изволить.

— А развѣ онъ не дома кушаетъ? А богать онъ?
И засыпала вопросами.

— Пусти меня заглянуть къ вамъ, пока нѣтъ барина.

— Извольте, сударыня! Да вѣдь у насть еще не убрано.

Она вѣжала, все пересмотрѣла, посидѣла на всѣхъ диванахъ, креслахъ и выпорхнула, какъ птичка.

— Вотъ погоди ты, егоза! — ворчалъ Авдѣй, разбирайясь

на новой квартире: — ужо онъ тебѣ все самъ разскажеть, усадить тебя, уймешся, перестанешь прыгать-то!

Хлопоты Авдѣя заключились тѣмъ, что онъ побранился съ верхней бабой, Степанидой Игнатьевной, знакомой дворника.

— Чѣдѣ ты, тетка, оставила ушатъ на дорогѣ? убери! — сказалъ онъ.

— Ну, погоди, убери.

— Чего годить! Вотъ баринъ пріѣдетъ ужо, дастъ тебѣ.

— Боюсь я твоего барина! чѣдѣ онъ мнѣ дастъ? Эка не-видаль! мы сами чиновники.

— Убери, говорятъ тебѣ, старая вѣдьма!

— Еще ругается! какъ я скажу своему хозяину, такъ онъ тебѣ скорѣе дастъ. Будешь помнить, какъ ругаться, окаянныи, каторжникъ, чтобъ тебѣ ни дна, ни покрышки...

Она еще звонко кричала, но Авдѣй захлопнулъ дверь.

— Ухъ! — сказалъ онъ, отирая потъ съ лица: — умаялся! Съ утра маковой росинки во рту не было. Хоть бы закусить чего-нибудь. Боюсь въ лавочку сходить: неравно пріѣдетъ. Да, чай, ужъ и заперто — поздно. Нешто выпить?

Онъ отворилъ маленький инкапъ, досталъ узенькую четырехугольную бутылку свѣтло-зеленаго стекла въ плетенкѣ, потомъ заперъ на крюкъ дверь, налилъ рюмку и поставилъ ее на столъ. Онъ оглядывалъ ее со всѣхъ сторонъ.

— Какая бутылка! — разсуждалъ онъ, смыючись: — словно наша косушка, а ликёра прозывается! Три цѣлковыхъ за такую бутылку — а? Ну, стойти ли? Вотъ деньги-то сорять! Какъ у нихъ горло не прожжеть? — ворчалъ онъ, и отхлебнулъ.

— Какая мерзость! — говорилъ онъ съ гримасой: — а поди жъ ты!

И выпилъ всю рюмку.

— Право, мерзость!

Между тѣмъ, Иванъ Савичъ возвращался въ это время

домой. Пошел дождь, один изъ тѣхъ петербургскихъ дождей, которымъ нельзя предвидѣть конца.

Иванъ Савичъ позвонилъ у воротъ — никто не показывался. Онъ другой разъ — тоже никого. Наконецъ, послѣ третьаго звонка послышались шаги дворника.

— Господи, Боже мой! — ворчалъ онъ, идучи къ воротамъ. — Чѣмъ это такое? совсѣмъ покою нѣть: только заснуль маленько, а тутъ чортъ какой-то и звонить... Кто тутъ?

— Я.

— Да кто ты?

— Новый жилецъ.

— Какой жилецъ?

— Чѣмъ сегодня перебѣхаль.

— Чѣмъ те надо?

— Какъ чѣмъ: пусти поскорѣе. Ты видишь, я подъ дождемъ.

— Ну, вотъ погоди: я за ключомъ схожу.

Дворникъ ушелъ и пропалъ, а дождь лилъ какъ изъ ведра.

Иванъ Савичъ принялъся опять звонить, чѣмъ есть мочи. Послѣ третьаго звонка послышались шаги дворника и ворчанье.

— Чѣмъ это такое, Господи! покою совсѣмъ нѣть. Должность проклятая... не дадутъ! Кто тутъ?

— Да я же, тебѣ говорятъ!

— Да кто ты?

— Новый жилецъ.

— Ты еще все тутъ? Чѣмъ те надо?

— Какъ чѣмъ? Ахъ, ты, разбойникъ! пустишь ли ты меня? я до костей промокъ.

— Ну, вотъ погоди: ключъ возьму.

Онъ пошелъ и, къ удовольствію Ивана Савича, возвратился тотчасъ и началъ вкладывать ключъ въ замокъ.

— Ну, скорѣе же! — сказалъ Иванъ Савичъ.

— Вотъ постой, что-то ключъ не входить. Чѣмъ это, Гос-

поди, за должность за проклятая, совсѣмъ покою нѣть! такъ и есть... не тотъ ключь взялъ: это отъ сарая.

— Отпирай же!—кричалъ Иванъ Савичъ:—не то...

— Да ты бы гдѣ-нибудь заснуль; винъ ты, ключа-то долго теперь искать.

— Куда я ийду? Пусти сейчасъ.

— Ну, вотъ погоди, принесу ключь.

Наконецъ, черезъ добрыхъ полчаса Иванъ Савичъ пошелъ къ себѣ, а Авдѣй только-что было собрался пить третью рюмку, какъ вдругъ сильно застучали въ дверь. Авдѣй проворно спряталъ бутылку съ рюмкой въ шкаль, обтеръ насконо губы и отперъ.

Вошелъ Иванъ Савичъ.

— Чтѣ, Авдѣй, совсѣмъ убрался? Э! да ты еще ничего не разставилъ.

— Я одинъ,—отвѣчалъ Авдѣй:—у меня двѣ руки-то.

— Оттого-то и надо было убрать, что двѣ. Вотъ ежели бѣ одна была—другое дѣло.

Авдѣй, не ожидавшій этой реплики, поглядѣть ему вслѣдъ и покачалъ головой.

— Вѣдь скажеть, словно... э! ну, васъ совсѣмъ!—боромота́ль онъ:—отойди отъ зла и сотвори благо!

— А чѣо сосѣдка!—спросилъ Иванъ Савичъ.

— Не могу знать,—отвѣчалъ Авдѣй.

— Развѣ ты не видаль ее, не говорить съ ней?

— Нѣть-сь. Чѣо мнѣ съ ней говорить?

— Ну, какъ чтѣ... А чей это платокъ?

Авдѣй молчалъ.

— Чей платокъ?—повторилъ Иванъ Савичъ.

— Не могу знать.

— Какъ не могу знать. Здѣсь былъ кто-нибудь?

— Нѣть, это, вѣрно, какъ диванъ стоялъ въ сѣняхъ, такъ кто-нибудь положилъ. Пожалуйте, я завтра спрошу.

— Воть славный случай: ты завтра спроси у соседки, не ея ли, и, между тѣмъ, порадуй въ мою пользу.

— Какъ-сь, порадуй?

— Скажи, что я и добрый, и... ну, будто тебѣ въ первый разъ.

— А зачѣмъ это, сударь?

— Какъ зачѣмъ... познакомимся, а тамъ... пожуируемъ.

— Да неужели вы и здесь станете разводить такую же материю? экой стыдъ! тамъ только что ушли отъ бѣды, теперь опять захотѣли нажить другую! ужъ попадетесь, Иванъ Савичъ, ей Богу, понадетесь.

— Э! — сказалъ Иванъ Савичъ: — еще скоро ли попадусь, а, между тѣмъ, мы съ тобой пожуируемъ.

— Нѣть, ужъ журируйте одни... да и вамъ не хорошо: бросьте, сударь!

— А-а-а! — началь зѣвать Иванъ Савичъ: — покойной ночи, Авдѣй; завтра разбуди въ девять часовъ.

Утромъ, когда Авдѣй сталъ подавать чай, первый вопросъ Ивана Савича былъ:

— Ну, что соседка?

Авдѣй молчалъ.

— А?

— Ничего, отдалъ платокъ.

— Такъ онъ ея былъ? ну, а порадуй ли ты мнѣ?

— Говорилъ.

— Что жъ она?

— Говорить, рада доброму соседю. Коли, говорить, случится надобность въ чемъ, такъ не откажите; мы вамъ тоже постараемся, чѣмъ можемъ. Не понадобится ли, говорить, барину когда пирожокъ испечь: я, моль, мастерица.

Иванъ Савичъ вытаращилъ глаза.

— Какъ, пирожокъ?

— Пирожокъ-сь, съ рыбой или съ говядиной... съ чѣмъ,

говорить, угодно. Еще говорить, не нужно ли вамъ рубашекъ шить?.. я, говорить, могу...

Иванъ Савичъ вскочилъ съ постели.

— Какъ рубашекъ?

— Еще...—началъ Авдѣй.

— Стой! ни слова больше! ищи сейчасъ квартиру... Куда я попасть? Вонъ, вонъ отсюда!

— Чѣмъ вы, опомнитесь, сударь: что вамъ за дѣло? Намъ же лучшіе.

— Такая хорошенъкая—и печеть пироги!—говорилъ самъ съ собой Иванъ Савичъ:—ужась! ну, съ чѣмъ это...

— Съ рыбой и съ говядиной,—подхватилъ Авдѣй.

— Э! молчи дуралей! тебя не спрашиваютъ.

— Вѣдь она не больно хороша,—замѣтилъ Авдѣй:—глаза-то словно плошки, да и зубы не всѣ.

— Да, ты много смыслишь! — отвѣчалъ Иванъ Савичъ, стараясь попасть ногой въ туфлю: — такая молоденъкая—и шить рубашки! а?

— Чѣмъ за молоденъкая, сударь: ужъ ей за пятьдесятъ, — сказалъ Авдѣй.

— Какъ за пятьдесятъ! да ты съ которой говоришь?

— Ну, съ той, что квартиру нанимаетъ — съ самой хо-зяйкой.

— Со старухой? чѣмъ жъ ты мнѣ не скажешь давно? Кто просилъ тебя радѣть мнѣ у этой старой вѣдьмы?

— Вѣдь вы сами втѣра приказывали.

— Я самъ приказывалъ!—передразнилъ его Иванъ Савичъ.—Я толкомъ тебѣ говорить жуироватъ: можно ли съ такимъ страшнѣцемъ жуировать? развѣ тебѣ самому охота? вѣчно только подгадиши мнѣ! Впрочемъ... нѣть... ничего, больше довѣрѣнности! пусть пироги печеть. Я ей, пожалуй, и рубашки закажу. Ну, а молодая кто?

— Жилица у ней,—нанимаетъ двѣ комнаты.

Иванъ Савичъ не ходилъ въ тотъ день на службу, подъ

предлогомъ перѣзда на новую квартиру. Авдѣй возился, уставлялъ, а онъ надѣлъ красивый шлафрокъ, отворилъ вполовину дверь и глядѣлъ къ сосѣдкамъ: это онъ называлъ *жуировать*.

— Развѣ не пойдете въ должность? — спросилъ Авдѣй. — Пора бы одѣваться — одиннадцатый часть...

— Нѣть, не пойду... Что должностъ? сухая матерія! надо жуировать жизню. Жизнь коротка, сказалъ не помню какой-то философъ.

Въ комнатахъ сосѣдокъ, видѣлъ онъ, то мелькнетъ что-то легкое, воздушное, блѣлое, кисейное, то пропадетъ неуклюжее, полосатое. Иногда въ узкомъ промежуткѣ неплотно затворенной двери свѣтился хорошенъкій черный глазъ съ длинными рѣсницами, потомъ хлопать глазъ безъ бровей, какъ будто филинъ. Вскорѣ послышались звуки фортепьяно. Играли изъ «Роберта».

«Кто же это играетъ? — думалъ Иванъ Савичъ. — Ужъ, конечно, она, молоденькая. Гдѣ той... мѣсить широги и играть на фортепьяно?»

Онъ взялъ скрипку и тоже заигралъ. Тамъ перестали играть.

«Вотъ и видно, что она женщина строгой нравственности! — подумалъ Иванъ Савичъ. — Иная бы не упустила заиграла».

Онъ посмотрѣлся въ зеркало и причесалъ бакенбарды.

Вскорѣ дверь тамъ отворилась побольше и наконецъ почти совсѣмъ.

— У насъ труба дымить, — сказала старуха Авдѣю. — Лѣтомъ все отворяемъ дверь. Вотъ другой годъ твердимъ хозяину, чтобы передѣлалъ... нѣть! ихъ дѣло только деньги брать.

Прошло дня два. Иногда сосѣдка не очень быстро мелькала сквозь двери. Она простоявалаась и какъ будто улы-

балась, потомъ вдругъ пряталась. На третій день дворникъ принесъ паспортъ изъ части.

— Чѣмъ это, лобезный,—спросилъ Иванъ Савичъ:—у съдокъ-то не видать мужей: гдѣ жъ они?

— Въ командировкѣ-сь, гдѣ-то далече.

— А!—сказалъ Иванъ Савичъ:—тѣмъ лучше. А кто еще въ домѣ у васъ живеть? тамъ, по парадной лѣстницѣ, въ большихъ квартирахъ?

Дворникъ назвалъ нѣсколько известныхъ фамилій.

— А вонъ тамъ, во второмъ этажѣ, гдѣ еще такія славные занавѣси въ окнахъ?

— Тамъ-сь одна знатная барыня, иностранка Цейхъ.

— Знатная!—говорилъ Иванъ Савичъ Авдѣю:—что это у него значитъ?.. Она, можетъ-быть, знатная потому, что, въ самомъ дѣлѣ, знатная, и потому, что, можетъ-быть, даетъ ему знатно на водку, или знатная собой?..

— Не могу знать,—отвѣчалъ Авдѣй.

— Посмотримъ, посмотримъ: можетъ-быть, и ее увидимъ,—примолвишь Иванъ Савичъ и погладилъ бакенбарды.

Онъ продолжалъ переглядываться съ сосѣдкой. Однажды у ней на порогѣ появилась дѣвочка лѣтъ шести.

— Ужъ не дочь ли это ея, Авдѣй?

— Не могу знать,—отвѣчалъ Авдѣй.

— Ты никогда ничего не знаешь: что ни спросишь о дѣлѣ. За что ты хѣбъ ѿшь?.. Да нѣть, быть не можетъ: это не дочь ея. Она слишкомъ молода: вѣрно, старуха исекла этотъ широгъ. Но та, кажется, ужъ слишкомъ стара для этого.

Онъ узналъ, что дѣвочка — цлемянница сосѣдки, зазвалъ малютку къ себѣ, далъ ей конфетъ и, такимъ образомъ, завязалъ сношенія. Они взаимно присыпали другъ другу поклоны. Однажды малютка принесла розань.

— Хотите, я вамъ подарю?—сказала она.

— Подари. А кто тебѣ далъ?

— Хорошая тетенька.

— Чтò она сказала тебѣ?

— Она сказала, поди подари цвѣтокъ вонъ тому дяденькѣ. Скажи, что ты даришь отъ себя, да, смотри, не говори, что я велѣла; а то въ уголь поставлю.

— Вотъ тебѣ, душенька, конфетъ, а эту пряжечку отнеси къ тетенькѣ и подари ей, да скажи, что я подарила тебѣ, а ты даришь ей... слышишь?

— Слышу.

— Ну, какъ ты скажешь?

— Скажу: дяденька подарила тебѣ и велѣла сказать, чтобъ ты подарила мнѣ.

Вдругъ въ комнату побѣжалъ какой-то юноша.

— Здравствуй, Ваня! — сказалъ онъ: — насилиу сыскаль тебя. Ба! что это значитъ, Ваня? — вдругъ спросилъ онъ, поглядывая на розу, на дѣвочку и на брошку.

— Ничего, Вася, такъ! — хвастливо, съ улыбкой говорилъ Иванъ Савичъ: — поди, душенька, домой.

Дѣвочка побѣжала и отворила дверь. Въ это время мелькнула головка сосѣдки.

— Э! э! пріятель! такъ-то ты скрываешься! — заговорилъ Вася: — хорошо же! давно ли? да какая хорошенькая! ахъ, ты злодѣй! ахъ, варваръ! ну-ка, ну-ка, покажи!

Онъ пошелъ къ дверямъ.

— Нѣть, *mon cher*, постой! не хорошо! не гляди! — говорилъ Иванъ Савичъ, загораживая дорогу. — Ну, чтò она подумаетъ? это совсѣмъ не изъ такихъ... Послѣ я все разскажу.

— Нѣть, нѣть, пусти... не вѣрю!

— Нѣть, братецъ, нельзя! пожалуйста, не ходи.

— Ну, познакомь меня. Вотъ тебѣ честное слово, но стану отбивать. То-то ты у меня! а я за тобой.

— Что такое?

— Мы впятеромъ обѣдаемъ на Васильевскомъ острову,

въ новой гостиницѣ: говорягь, телячы ножки готовятъ божественно! поздравимъ! поздравимъ! а оттуда на Крестовскій... покутимъ.

— Минъ нельзя вечеромъ.

— Отчего?

— Такъ! — значительно, съ улыбкой сказалъ Иванъ Савичъ.

— А! понимаю! счастливецъ! Ну, завтра мы въ театрѣ? Асенкова въ трехъ пьесахъ играетъ. Смотри, *ton cher*, нельзя не быть: что скажутъ наши? манкировать не должно, а то подумають, что ты хочешь отшатнуться. И то три офицера да вонь тотъ статскій, знаешь, что еще полы сюртука все сзади расходятся, собрали, говорять, партію перехлопать насть, говорять, и въ раекъ своихъ посадятъ; да *гдѣ* имъ! слушать любо, какъ нашъ уголь захлопаетъ: я однажды изъ коридора послушалъ — чудо! сначала мелкой дробью — па-па-па, — точно ружейный огонь; а тамъ и пошло, и пошло, такъ по коридорамъ гуль и ходить... Даже капельдинеръ плонулся и отошелъ отъ дверей, а я не вытерпѣль, да и самъ давай — браво, браво наши! Квартальный сердито поглядывалъ на меня... да пустъ!. Такъ ёдемъ? потомъ поужинаемъ, кутнемъ, а?

— Не знаю, *ton cher*!

— Чего не знаешь! на первыхъ порахъ въ полночь тебя не примутъ. Рѣшено: завтра съ нами. Ты не знаешь, вѣдь Шушинъ награду получить, полугодовой окладъ. Онъ обѣщалъ полдюжины, да ты на радостяхъ столько же — вотъ и будетъ съ насть! Смотри же, ждемъ.

И ушелъ. А Иванъ Савичъ усѣлся съ книгой въ рукахъ на маленькомъ диванчику, какъ разъ противъ дверей съѣдки, въ живописномъ положеніи. Но если бы кто заглянулъ въ книгу, то увидѣлъ бы, что онъ держалъ ее вверхъ ногами. Прошло недѣли три. Они уже кланялись другъ другу и даже, стоя каждый въ своихъ дверяхъ, разговари-

ривали. Когда въ это время кто-нибудь шелъ, сверху или снизу, они поспѣшили прятаться. Вдругъ соседки не стало видно, и даже дверь была затворена. Иванъ Савичъ встрѣвожился.

— Авдѣй! отчего у соседки затворена дверь?

— Не могу знать.

— Не уѣхала ли она куда-нибудь?

— Не могу знать.

— Никогда ничего не знаетъ! Я не Суворовъ, а досадно!.. Такъ поди узнай: здоровы ли? что, молъ, васъ давно не видать?

Авдѣй принесъ отвѣтъ, что Анна Павловна не здоровы и приказали просить къ себѣ: «коли-де вамъ не скучно будетъ посидѣть съ больной».

— Къ себѣ! — воскликнулъ Иванъ Савичъ, вздрогнувъ отъ восторга:— ужели? а! наконецъ! Авдѣй! скорѣй бриться, одѣваться!

Онъ второпяхъ обрѣзаль въ двухъ мѣстахъ бороду и щеку и залѣнилъ царапины англійскимъ пластыремъ, полагая, что такъ онъ интереснѣе, нежели съ царапинами или даже нежели просто безъ царапинъ: это очень обыкновенно, она ужъ его такъ видала. Онъ не пожалѣть на голову пятирублевой помады, бакенбарды смочилъ квасомъ и минутъ на пять крѣпко перевязаль платкомъ, чтобы придать имъ лоскъ и заставить лежать смирно; въ носовой платокъ налилъ лучшихъ духовъ, на шею небрежно повязаль голубую косынку и выпустиль воротнички рубашки; къ доверишению всего, надѣль лакированные сапоги и, такимъ образомъ, блестя, лоснясь и благоухая, предсталъ передъ соседкой. Она сидѣла на софѣ, поджавъ ноги, окутанная въ большую шаль, съ подвязаннымъ горломъ.

Квартира Анны Павловны была убрана, какъ убираютъ почти всѣ квартиры о двухъ комнатахъ, съ передней и кухней. Диванъ краснаго дерева, обитый полинией шер-

стяной матеріей съ пятнами, другой kleenчатый диванъ, полдюжины стульевъ подъ красное дерево, старый комодъ, а на немъ туалетъ, который, въ случаѣ нужды, легко можно переносить съ мѣста на мѣсто. На окнахъ нѣсколько горшковъ гераніума и двѣ клѣтки съ канарейками.

У Ивана Савича на подобные визиты давно обдуманы были и поклонъ, и привѣтствіе, и даже мина.

Войдя, онъ остановился въ нѣкоторомъ разстояніи, наклонилъ немнога голову и слегка улыбнулся.

— Наконецъ я у васъ!—сказалъ онъ, оглядываясь кругомъ.—Ужели это правда? не во снѣ ли я?

— Можетъ-быть, этотъ сонъ не нравится вамъ. Бываются сны скучные и тяжелые,—отвѣчала она съ томной улыбкой:—проснитесь... это легко!

— Боже меня сохрани! Пусть этотъ сонъ будетъ непрорубнымъ.

Она опять улыбнулась.

— Садитесь,—сказала она:—благодарю васъ за участіе. Какъ это вы вспомнили, и еще черезъ два дня?

— Я не вспомнилъ: вспоминаютъ о томъ, что было забыто; я васъ не забывалъ. Но что съ вами?

Она поглядѣла на него довольно нѣжно и потупила глаза.

— Немного простудилась, — отвѣчала она: — я думалъ... оттого... что бываю иногда... у дверей. Люди обречены на страданіе.

Она вздохнула.

Тутъ Иванъ Савичъ посмотрѣлъ на нее нѣжно, а она покраснѣла. Они молчали нѣсколько времени.

— Вы рѣдко бываете дома?—потомъ спросила она.

— Нѣтъ-съ... да-съ... смотря по...

— У васъ часто бываютъ гости?

— Да-съ... бываютъ иногда,—отвѣчалъ онъ.

— Кто это... рижий молодой человѣкъ? такой противный: всякий разъ заглядываетъ въ дверь.

— Это... — постой-ка, я топу задамъ! подумалъ онъ... — это графъ Коркинъ, славный молодой человѣкъ, первый жуиръ въ Петербургѣ.

— А другой, въ очкахъ?

— Баронъ Кизель. Отлично играетъ на бильярдѣ.

— Какъ они у васъ шумятъ! что вы дѣлаете?

«Расскажу ей, какъ мы кутимъ... Это нравится женщинамъ», подумалъ Иванъ Савичъ.

— Кутимъ-сь. Вотъ иногда они собираются ко мнѣ, и пойдетъ вавилонское столпотвореніе, особенно, когда бываетъ князь Дудкинъ: карты, шампанское, устрицы, пари... знаете, какъ бываетъ между молодыми людьми хорошаго тона.

— И вамъ не жаль тратить денегъ на шампанское?

— Чтѣ жалѣть денегъ? деньги—ничтожныи, презрѣнныи металль. Жизнь коротка, сказалъ одинъ философъ: надо жуировать ею.

— О, да вотъ вы какіе!

— Да-съ! — сказалъ онъ и вытащилъ изъ кармана платокъ. Запахъ распространился по всей комнатѣ, такъ что даже изъ-за дверейглянула старуха.

— Гдѣ вы покупаете духи? Какіе славные! — сказала Анна Павловна, вдыхая носомъ запахъ.—Это блаженство—употаешь въ нѣгѣ!

— Въ англійскомъ магазинѣ.

— А что стоять?

— Десять рублей, т.-е. три цѣлковыхъ по-нынѣшнему.

— Стало-быть, десять съ полтиной?—примолвила она: — какъ дороги здѣсь въ мірѣ всѣ удовольствія!

— Зато прекрасніе: вымоютъ платокъ, все еще пахнетъ. Позволите прислать на пробу склянечку?

— Помилуйте... я такъ спросила... изъ любопытства... не полумайте...

— Ничего-сь! я вамъ завтра пришлю. Вы меня обидите, если откажетесь принять такую бездѣлицу.

— Ахъ, да! — сказала она: — вы подарили моей племяннице брошику. Я ношу ее... видите?

— Очень пріятно... только мнѣ совѣстно: это слишкомъ недостойно украшать такую грудь... Если бъ я знать...

— Чѣмъ же вы еще занимаетесь?

— Бываю въ театрѣ.

— Въ театрѣ! Ахъ, счастливые! что можетъ быть отраднѣе театра? блаженство! въ театрѣ забываешь всякое горе. Читаете, конечно?

— Да-сь, да... разумѣется.

— Что же, Пушкина? Ахъ, Пушкинъ! «Братья разбойники»! «Кавказскій пленникъ»! бѣдная Зарема! какъ она страдала! а Гирей—какой извергъ!..

— Нѣть-сь, я читаю больше философическія книги.

— А! какія же? одолжите мнѣ: я никогда не видала философическихъ книгъ.

— Сочиненія Гомера, Ломоносова, «Энциклопедический лексиконъ»...—сказалъ онъ:—вы не станете читать... вамъ покажется скучно...

— Это, вѣрно, кто-нибудь изъ нихъ сказалъ, что *жизнь коротка*?

— Да-сь.

— Прекрасно сказано!

Отъ этого ученаго разговора они перешли къ предметамъ болѣе нѣжнымъ: заговорили о дружбѣ, о любви.

— Что можетъ быть утѣшительнѣе дружбы!—сказала она, поднявъ глаза кверху.

— Что можетъ быть сладостнѣе любви? — примолвилъ Иванъ Савичъ, взглянувъ на нее нѣжно. — Это, такъ сказать, жизненный бальзамъ!

— Чѣдь любовь! — замѣтила она: — это пагубное чувство; мужчины всѣ такіе обманщики...

Она вздохнула, а онъ сѣлъ рядомъ съ ней.

— Чѣдь вы? — спросила она.

— Ничего-съ. Я такъ счастливъ, что сижу возлѣ васъ, дышу съ вами однимъ воздухомъ... Повѣрьте, что я совсѣмъ не похожъ на другихъ мужчинъ... о, вы меня не знаете! женщина для меня — это священное созданіе... я ничего не пожалѣю...

— Въ самомъ дѣлѣ? — задумчиво спросила она.

— Ей-Богу!

Они долго говорили, наконецъ стали шептать. Отъ нея разливалась такая жаркая атмосфера, около него такая благоуханная. Онъ должны были непремѣнно слиться, и слились. Она уронила платокъ; Иванъ Савичъ бросился поднять, и она тоже; лица ихъ сошлись, — раздался поцѣлуй.

— Ахъ! — тихо вскрикнула она.

— О! — произнесъ онъ восторженно: — какая минута!

— Давно ли, — говорила она, закрывъ лицо руками: — мы знакомы... и ужъ...

— Развѣ нужно для этого времія? — началъ торжественно Иванъ Савичъ: — довольно одной искры, чтобы проіечь сердце, одной минуты, чтобы напечатлѣть милый образъ здѣсь навсегда.

Еще поцѣлуй, еще и еще.

— Вотъ- чѣдь значить жуировать жизнью, клянусь Богомъ! — сказалъ серьезно Иванъ Савичъ. — Все прочее, тамъ, чини, слава...

Вдругъ кто-то чихнулъ въ сосѣдней комнатѣ.

— Кто тутъ? — спросилъ, поблѣдѣвъ. Иванъ Савичъ.

— Это моя хозяйка. Ничего: она мнѣ предана.

— Ахъ! да... — сказалъ вдругъ онъ: — дворникъ мнѣ говорилъ, что у васъ есть мужъ... въ командировкѣ?

Анна Павловна встрепенулась и покраснѣла, какъ ма-
ковъ цвѣтъ.

— Да... — бормотала она: — его послали... ничего... онъ
долго не будетъ.

И замяла разговоръ.

— Какъ же вы живете однѣ, безъ покровителя, безъ...
Анна Павловна еще больше покраснѣла.

— У меня есть дядя, онъ и опекунъ...

— Онъ бываетъ у васъ?

— Да, разъ въ недѣлю.

— Ну, если онъ меня увидитъ здѣсь?

— Не хорошо, — сказала она, встревожась: — очень не
хорошо. Остерегайтесь, не показывайтесь при немъ. Мы бу-
демъ съ вами читать, заниматься музыкой, гулять вмѣстѣ.
Да, не правда ли? — говорила она.

— О, конечно!

— Вы повезете меня въ театръ, да?

— Непремѣнно.

— Ахъ, какое блаженство!

Иванъ Савичъ воротился домой вѣнѣ себя отъ радости.

— Какъ я счастливъ, Авдѣй! — твердилъ онъ: — а! вотъ
что значитъ жуировать! Это не то, что Амалія Николаевна
или Александра Максимовна: тѣ передъ нею — просто стыдъ
сказать. Къ этой такъ нельзя приступитьтесь. Завтра къ
Васѣ — и вспрыски! ячего дѣлать. Ну, ужъ стоило же мнѣ
хлопотъ; не всякому бы удалось! а? какъ ты думаешьъ?

— Не могу знать, — отвѣчалъ Авдѣй.

Съ тѣхъ поръ Иванъ Савичъ только и дѣлалъ, что жуи-
ровалъ. То онъ у нея, то она у него. Въ должностіи онъ
бывалъ рѣже. Его видали подъ руку съ дамой прогуливаю-
щимся въ отдаленныхъ улицахъ. Въ театрѣ онъ прятался
въ ложѣ третьяго яруса за какими-то двумя женщинами,
изъ которыхъ одна была похожа на ворону въ павлиныхъ
перьяхъ. Это была хозяйка и дуэнья Анны Павловны. Дома

они были неразлучны. Она чаще бывала у него: обѣдала, завтракала,—словомъ, какъ говорятъ, живмя-жила.

— У тебя такие мягкие диваны, — говорила она, вскорѣ послѣ знакомства:—такъ славно сидѣть, нѣжиться. Я лучше люблю быть здѣсь. Ахъ! какая прелестъ! жизнь такъ хороша! Это блаженство!

— Знаешь что, мой ангель: возьми пока къ себѣ одинъ диванъ, вотъ этотъ, зеленый, — отвѣчалъ Иванъ Савичъ.— У меня ихъ два да еще кушетка.

— Зачѣмъ...—первышитально говорила Анна Павловна.— Къ такому дивану нужень и коверъ, а у меня нѣть... не есмъ рокъ судиль счастье...

— Возьми одинъ коверъ: у меня два.

— Ну, ужъ если ты такъ добръ, такъ дай на поддержа-
ніе и зеркало, чтобы хоть на время забыть удары судьбы.

— Изволь, изволь, мой ангель! Ахъ, ты моя кошечка, птичка, цвѣточекъ... не правда ли, Авдѣй, цвѣточекъ?

— Не могу знать, — отвѣчалъ Авдѣй, проходя черезъ комнату.

— Да, цвѣточекъ! — начала она полугнѣвно: — я такъ люблю цвѣты, а ты мнѣ все еще не собрался купить...

— Завтра же, завтра, дружокъ, усыплю путь твоей жизни цвѣтами.

— И хорошенъкихъ горшечковъ, отъ Поскочина, — сказала она, взявъ его руками за обѣ щеки.— Это чистѣйшее наслажденіе: оно не влечеть за собой ни раскаянія, ни слезъ, ни вздоховъ...

— Непремѣнно, только не растрепли бакенбардъ: мнѣ въ департаментъ идти; надо же когда-нибудь сходить. Какъ жаль, что тебя, Анета, нельзя брать туда: я бы каждый день ходилъ. Ты бы подшивала бумаги въ дѣла, я бы писалъ... чудо!.. А то начальникъ отдѣленія, столонаачальникъ... да все чиновничы лица... фи!.. Если и придетъ иногда просительница, такъ такая... уфъ!.. Къ намъ все мѣщанки

солдатки ходятъ... ни одной нѣть порядочной: рожа на рожѣ! пожуировать не думай. Охъ, служба, служба! — прибавилъ онъ, натягивая вицъ-мундиръ: — губи свою молодость бѣ мертвыхъ занятіяхъ!

— Долго ты тамъ пробудешь, *ton ami?*

— Часовъ до четырехъ, я думаю... Если можно будетъ надуть начальника отдѣленія, такъ удеру около трехъ.

— Ахъ, Боже мой! У меня нѣть часовъ: я не буду знать, когда ты придешь. Часы миň покажутся вѣками, а въ жизни и такъ немнога радостей.

— И, мой другъ, — сказалъ Иванъ Савичъ: — помни, что жизнь коротка, по словамъ философа, и не грусти, а жуй-рой. Да возьми-ка мои часы столовые: они вѣрны, — сказалъ Иванъ Савичъ.

— Да! а за чѣмъ я ихъ поставлю? У меня нѣть такого столика. Не всякому дано...

— Ты и со столикомъ возьми. Авдѣй! отнеси!

Прошло мѣсяца два — Иванъ Савичъ все журировалъ, Анна Павловна все вздыхала да распоряжалась свободно имъ и его добромъ. Какъ же иначѣ? И онъ распоряжался ею и ея добромъ: игралъ локонами, какъ будто своими, цѣловалъ глазки, носикъ. Наконецъ продолжительный свиданія начали утомлять ихъ: то онъ, то она зѣвнетъ; иногда просидятъ сѣсть часъ, не говоря ни слова. Иванъ Савичъ сталъ зѣвать по окнамъ другихъ квартиръ.

— Авдѣй! чѣмъ это такой славный экипажъ? — спросилъ онъ однажды, глядя изъ своего окна на дворъ.

— Не могу знать.

— Узнай!

Авдѣй доложилъ черезъ пять минутъ, что экипажъ принадлежалъ знатной барынѣ, чтѣ во второмъ этажѣ живетъ.

— Какія славныя лошади! какъ хорошо одѣты люди! Она должна быть богата, Авдѣй?

— Не могу знать.

Въ другой разъ онъ увидѣлъ, что на дворѣ выбиваются
шыль изъ роскошныхъ ковровъ, и на вопросъ: чьи они? по-
лучилъ въ отвѣтъ отъ Авдѣя сначала — не могу знать, по-
томъ, что и ковры принадлежали знатной барынѣ.

— А вонъ эта собака? — спросилъ Иванъ Савичъ.

— Ея же. Чуть было давеча за ногу не укусила, про-
клятая!

— Вотъ бы туда-то попасть! — сказалъ Иванъ Савичъ.

Иванъ Савичъ и Анна Павловна все дружно жили ме-
жду собой и видались почти такъ же часто. Только изрѣдка,
какъ сказано, они зѣвали, иногда даже дремали. Дремала
и любовь. Горе, когда она дремлетъ! Отъ дремоты не да-
леко до вѣчного сна, если не пронесется, какъ игривый
вѣтерокъ, ревность, подозрѣніе, препятствіе, и не освѣжить
чувств, покоящагося на взаимной довѣренности и безмя-
тежномъ согласіи любящейся четы. Впрочемъ, кажется, ни
Иванъ Савичъ, ни Анна Павловна не заботились о томъ.
Они смѣло дремали, сидя на разныхъ концахъ дивана,
иногда переглядывались, перекидывались словомъ, мѣнялись
поцѣлуемъ — и вновь молчали. Она задумывалась или рабо-
тала, онъ дремалъ. Однажды дремота его превратилась въ
настоящій, основательный сонъ: голова опрокинулась почти
совсѣмъ на задокъ дивана. Онъ даже открылъ немногого ротъ,
разумѣется, неумыленно, поднялъ кверху носъ, въ рукѣ
прекрѣпко держаль одинъ уголь подушки и спалъ. Вдругъ
ему послышалось восклицаніе «ахъ!» потомъ сильный го-
воръ подлѣ него. Онъ не обратилъ на это вниманія; но го-
воръ все продолжался. Черезъ минуту онъ открылъ глаза.
Что же? Передъ нимъ стоитъ низенький, чрезвычайно тол-
стый пожилой человѣкъ, съ усами, въ венгеркѣ, и грозно
вращаетъ очами, устремивъ ихъ прямо на него. Иванъ Са-
вичъ тотчасъ опять закрылъ глаза.

— Какой скверный сонъ! — сказалъ онъ: — приснится же
этакая гадость!

И плюнуль прямо на призракъ.

— Иванъ Савичъ! чтò вы, чтò вы! — перебила его испуганнымъ голосомъ Анна Павловна.

— Ничего, мой ангелъ! Не мѣшай мнѣ спать. Если бъ ты видѣла, какой уродище сейчасъ приснился мнѣ: на яву такого быть не можетъ.

Анна Павловна упала въ обморокъ и склонила блѣдную голову на подушку.

— Милостивый государь! — вдругъ загремѣлъ кто-то басомъ надъ самымъ ухомъ Ивана Савича.

Онъ вскочилъ, какъ бѣшеный — и чтò же? Уродъ, кото-раго онъ принялъ за созданіе воображенія, стоитъ передъ нимъ, сложивъ руки крестомъ, какъ Наполеонъ.

— Что-сь... я-сь... извините... я думалъ... что вы — сонъ,—бормоталь, трясясь отъ страха, Иванъ Савичъ.

— Кто вы? зачѣмъ вы здѣсь?.. а?.. по какому случаю? — говорилъ толстякъ, подступая къ Ивану Савичу.

— Я-сь? я... помилуйте,—говорилъ тотъ, пятясь къ две-рямъ: — я чиновникъ, служу въ министерствѣ... Чѣмъ вы?

— Я съ вами раздѣляюсь, — говорилъ толстякъ: — раздѣ-ляюсь искрѣнне, — погодите!

Иванъ Савичъ ушелъ въ переднюю, оттуда въ сѣни, все задомъ. Въ сѣняхъ онъ остановился и поглядѣлъ въ дверь. Къ нему выбѣжала Анна Павловна, блѣдная и раз-строенная.

— Это мой опекунъ... и... и... дядя! — сказала она.

— Опекунъ! — говорилъ Иванъ Савичъ, заглядывая въ дверь на толстяка: — у васъ *огромная опека*, Анна Пав-ловна!

— И вы можете шутить? Подите къ себѣ и не приходите, пока не позову... О, Боже мой! Чѣмъ это кончится? Вотъ какая туча разразилась надъ нами. Заря нашего bla-женства затмилась. Я не ждала его такъ рано изъ коман-дировки.

— Такъ у васъ и для быль въ командировкѣ? я не зналъ.

— Прощайте, прощайте, — сказала она: — можетъ-быть, павсегда.

— И пора, — бормоталъ Иванъ Савичъ: — надобна мнѣ: все хнытеть, а ъсть, ъсть такъ, что Боже уиаси!

Иванъ Савичъ пришелъ домой и растянулся въ спальнѣ на кушеткѣ досыпать прерванный сонъ. Черезъ часъ онъ услышалъ надъ собой опять: «Милостивый государь!» открыть глаза — и тотъ же толстякъ стоитъ надъ нимъ.

— Опять тотъ же гадкій сонъ! — сказалъ онъ и вскочить съ кушетки. — А, это вы! — примолвить онъ. — Позвольте узнать, съ кѣмъ я имъ честь...

— Я отставной майоръ Стрекоза, — сказать толстякъ: — къ вашимъ услугамъ.

И сѣть безъ церемоніи на кресла противъ кушетки.

«Стрекоза!» думалъ Иванъ Савичъ: «хороша стрекоза! кажется, вовсе не *попрыгунья*. Могъ бы изъ Крылова же басенъ заимствовать себѣ название поприличнѣе».

— Давно ли вы знакомы съ Анной Павловной? — грозно спросилъ майоръ.

— Да мѣсяца три будетъ; а что-сь?

— Не вамъ слѣдуетъ спрашивать, а мнѣ; вы извольте отвѣтчать.

Иванъ Савичъ хотѣлъ — было сказать что-то колкое, да съ языка не сошло.

— Какимъ образомъ вы познакомились?

— Черезъ двери, господинъ... госпожа... господинъ Стрекоза!

— Знаю, что не чрезъ окно; но какъ?

— Да такъ-сь: пососѣству. Я ей скажу: здравствуйте, Анна Павловна! здоровы ли вы? Она отвѣтчаетъ: здравствуйте, Иванъ Савичъ! покорно васъ благодарю... Такъ и познакомились.

— Но этимъ, кажется, ваши сношения не ограничива-
лись... а?..

— Помилуйте, г. Стрекоза, — началъ вкрадчиво Иванъ
Савичъ.—Неужели вы можете думать, чтобы я, чтобы она,
чтобы мы... что-нибудь такое... Да я такъ скромень, такъ
невиненъ... могу даже сказать, что ненависть моя къ жен-
щинамъ извѣстна здѣсь всѣмъ въ городѣ... я *мизантропъ!*
право-сь! Графъ Коркинъ, баронъ Кизель могутъ подтвер-
дить, и, притомъ, Анна Павловна такъ любить своего мужа.

— Мужа?—спросилъ майоръ.

— Да-съ, чтѣ въ командировкѣ. Только о немъ и говорить:
скоро ли, говорить, онъ приѣдетъ; мнѣ, говорить, таинъ
скучно безъ него... я не живу. Помилуйте, г. Стрекоза, вы
насъ обижаете...

Майоръ задумался и, повидимому, смягчился.

— Но чѣ значить сцена, которую я засталь?—сказать
онъ: — вы спали, называли ее «мой ангель!» Какъ могли
вы дойти до такой степени короткости?... а?.. Я съ вами,
милостивый государь, раздѣлаюсь!

— И, г. майоръ! если бъ вы знали, какъ я простъ ду-
шой, вы бы ничего не заключили дурного изъ этого. Въ
одинъ день я сойдуся съ человѣкомъ — и какъ будто двад-
цать лѣтъ жить вмѣстѣ. Ты да ты. За чѣ вы нападаете
понапрасну на мою простоту и добродѣтель? обижаете и
свою племянницу... вѣдь вы дяденька ей?

— Да, я очекунъ ея и... дядя.

— Какъ лестно носить титулъ этотъ при такой прекрас-
ной особѣ! и кому же ввѣрить это прекрасное сокровище...
какъ не...

— Я не комплименты пришелъ сюда слушать, — грубо
перервавъ майоръ:—а раздѣляться! Я вамъ дамъ! Какъ вы,
милостивый государь, смѣли, спрашиваю я васъ?

«Медвѣдь!—подумать Иванъ Савичъ. — Никакой образо-
ванности, никакого тона!»

— Прослушайте, милостивый государь,—сказалъ майоръ:— вы должны мнѣ дать удовлетвореніе, или...

— Какъ удовлетвореніе? какое?

— Разумѣется, какъ благородный человѣкъ.

Майоръ указалъ на пистолеты, висѣвшіе на стѣнѣ.

— Вонъ у васъ, я вижу, есть и средства къ тому,— прибавилъ онъ.

— Э! нѣтъ-съ. Это подарили мнѣ одинъ знакомый, ни онъ, ни я не знаемъ, для чего: чортъ знаетъ, зачѣмъ они тутъ висятъ. Это дуракъ Авдѣй развѣсилъ.

Онъ снялъ ихъ и проворно спряталъ подъ кровать.

— Вотъ теперь, можетъ-быть, узнаете,—сказалъ майоръ съ выразительнымъ жестомъ.

Иванъ Савичъ покачалъ головой.

— Ни за что-съ? — сказалъ онъ решительно. — У меня правило—не стрѣляться, особенно за женщинъ. Этакъ мнѣ пришлось бы убить человѣкъ пятьдесятъ или давно самому быть убитымъ... такъ, за недоразумѣнія, вотъ какъ теперь. Притомъ же, я и не умю...

— Въ такомъ случаѣ, вы должны отказаться отъ знакомства съ Аиной Павловной... Я какъ опекунъ... и... и... и дядя ея... требую этого.

— Отказаться! Какъ же жить въ сосѣдствѣ и не быть знакомымъ? придется встрѣтиться какъ-нибудь, согласитесь сами...

— Ни, ни, ни! не придется, если не будете стараться: я ее увезу на другую квартиру...

— Давно бы вы сказали!—воскликнулъ Иванъ Савичъ.— Ухъ! гора съ плечь долой! Знаете, г. Стрекоза, что у меня правило—не переносить знакомства на другую квартиру.

— Э!—сказалъ, улыбнувшись, майоръ:—да у васъ славные правила! Ну, такъ и дѣло съ концомъ: миръ. Нечего объ этомъ и говорить.

— Не прикажете ли чаю?

— Очень хорошо. Нѣть ли съ ромомъ?

— Есть коньякъ.

— Ну, все равно.

— Не угодно ли сигары?

— Пожалуйте.

И они стали друзьями.

— Какая у васъ славная квартира! — сказалъ майоръ, оглядываясь кругомъ: — со всѣми удобствами... Чѣмъ это, мнѣ какъ будто вдругъ что-то на носъ кинуло?..

— Ахъ-съ! это воинъ оттуда, — сказалъ Иванъ Савичъ, указывая вверхъ. — Это ничего, такъ, дрянь, пройдетъ.

Майоръ поднялъ голову и посмотрѣлъ на пятно.

Вдругъ оттуда закапало сильнѣе прямо ему въ лицо.

— Милостивый государь! — закричалъ онъ, вскочивъ съ мѣста: — чѣмъ это значитъ? Я съ вами раздѣляюсь...

— Я не виноватъ-съ... право! Это иногда течетъ: видно, вверху пролили ушатъ съ водой... Эй, Авдѣй! Авдѣй! подставь скорѣе ведерко...

— Прощайте, — сказалъ майоръ: — у васъ не безопасно; пойду укрыться... къ племянницѣ отъ дождя. Странныя у васъ правила, — право, странныя: не стрѣляетесь, не переносите знакомства на другую квартиру, дождь терпите въ комнатахъ... гм!

Онъ ушелъ. На другой день, рано утромъ, отъ Анны Павловны, отъ майора и отъ старухи не осталось никакихъ слѣдовъ. Въ домѣ и духу ихъ не стало.

Авдѣй торжественно вышелъ на средину комнаты.

— Какъ же, батюшка, Иванъ Савичъ, — сказалъ онъ: — они увезли у насъ диванъ, столъ, часы, зеркало, коверъ, двѣ вазы, ведро совсѣмъ новешенькое да молотокъ. Не прикажете ли сходить за ними?

— И, пѣть, не надо! Еще, пожалуй, привяжется Стрекоза: по какому, дескать, поводу эти венцы были тамъ? и ихъ совсѣмъ. Избавились отъ бѣды: это главное.

— Вѣдь говорилъ я вамъ, не хорошо будеть: шутка ли, чего стало!

— Зато пожуировали!—сказалъ Иванъ Савичъ.

Въ тотъ же день Иванъ Савичъ кутилъ съ своими друзьями. Онъ рассказалъ имъ свое приключеніе.

— За здоровье спроты!—провозгласили друзья.

— Да, друзья мои, лишился, потерялъ ее! если бъ вы знали, какъ она любила меня! Подумайте, всѣмъ мнѣ жертвовала: спокойствіемъ, сердцемъ. Она была... какъ бы это выразить?.. милымъ видѣніемъ, такъ сказать мечтой... разнообразила тоску мертвоя жизни...

— Да, братецъ, жаль,— сказалъ, вздохнувъ и покрутивъ усы, офицеръ:— какъ это ты выпустилъ изъ руки такую итичку?.. Ты бы провѣдалъ.

— Нельзя, *mon cher*: честное слово дать! Дядя, опекунъ: подумай, вышла бы исторія... повредила бы мнѣ по службѣ.

— Ты бы мнѣ сказалъ, — продолжалъ офицеръ: — я бы раздѣлялся съ нимъ. Я бы показалъ, что значитъ обидѣть моего пріятеля! А ты! вотъ что значитъ не военный человѣкъ!

— Я, *mon cher*, и самъ намекалъ ему на пистолеты, даже снять со стѣны и показать... да онъ искусно замялъ рѣчь.

— Подлецъ! трусь! — примолвилъ офицеръ, притопывая то той, то другой ногой.

— Какія все ему достаются: барышни, да еще замужнія!— замѣтилъ другой.

— И не показать, не познакомить, злодѣй! — сказалъ Вася.— Нѣтъ, я такъ въ горничныхъ счастливъ. Какая у меня теща... а!!

И онъ рассказалъ имъ, какая.

— Славно мы живемъ!—примолвилъ одинъ изъ молодыхъ подей:— право, славно: кутимъ, жуиремъ! вотъ жизнь, такъ

жизнь! завтра, послѣ-завтра, всякий день. Вонъ Губкинъ: ну, чтѣ́го за жизнь! Утро въ департаментѣ мечется, какъ угорѣлый, да еще послѣ обѣда пишетъ, книги сочиняетъ... просто смерть!.. чудакъ!

Иванъ Савичъ опять не зналъ, куда дѣвать свое время, опять зѣвалъ, потягивался, билъ собаку, бралиль Авдѣя. Однажды онъ пришелъ въ комнату Авдѣя и посмотрѣлъ въ окно. Вдругъ лицо его оживилось.

— Голубчикъ Авдѣй! — сказа́ть онъ: — посмотри-ка, какая хорошенъкая дѣвушка, тамъ, въ окнѣ, и какъ близко: можно разговаривать!

— Не о чёмъ разговаривать-то, — сказа́ть Авдѣй.

— Какіе глазки! — продолжать Иванъ Савичъ: — ротикъ! только носъ не хороши. А блѣненькая, свѣжененькая... прелесть! Ты ничего мнѣ и не скажешь! Узнай, чья она.

Авдѣй доложилъ, что она служить у знатной барыни.

— И дѣвушка-то знатная! — сказа́ть Иванъ Савичъ: — право! а?

— Не могу знать! — отвѣчать Авдѣй: — извѣстно: дѣвочонка!

— Постушай, порадѣй-ка мнѣ у неё: поди, скажи, что я и добрый, и...

— Полно вамъ, батюшка, Иванъ Савичъ! Бога вы не боитесь... — заговорилъ онъ, съ убѣдительнымъ жестомъ: — и я-то съ вами сколько грѣха на душу взялъ.

— Ну! — сказа́ть Иванъ Савичъ: — по-твоему, не пожурить! Поди, поди, говорятъ тебѣ.

— Воля ваша, Иванъ Савичъ, гнѣвайтесь-не гнѣвайтесь, а я больше не намѣренъ.

— Что жъ ты пыль не обтираешь нигдѣ, дуракъ эта-кай! — сердито закричать Иванъ Савичъ. — Это чтѣ? это чтѣ? а? У меня тамъ вездѣ паутина! Давеча паукъ на носъ сѣлъ! Ничего не дѣлаешь! А еще метелку купить! Къ сапожнику опять забылъ сходить? Да ты мнѣ изволь новыя

чашки на свои деньги купить: я тебе дамъ бить посуду! Чтò это за скверный народъ такой, льнивый... никуда не годится!

Дня черезъ два Ивану Савичу принесли новое платье. Онъ примѣрялъ и велѣлъ спрятать. Вдругъ Авдѣй вышелъ на средину.

— А чтò, батюшка, Иванъ Савичъ,—сказалъ онъ:— не будетъ ли вашей барской милости... т.-е. теперь у васъ три сюртука... одинъ-то ужъ старенький... Не пожалуете ли мнѣ?

Онъ низко поклонился.

— Не намѣренъ,—сказалъ Иванъ Савичъ сухо.

Авдѣй крякнулъ и пошелъ въ переднюю...

На другой день онъ надѣлъ на себя серебряные часы, повѣсили бисерный шнурокъ по всей груди и животу, взять въ руки картузъ съ кисточкой и отправился радѣть своему барину.

— Говорилъ,—сказалъ онъ черезъ полчаса, выйдя на средину.

— Чтò жъ ты говорилъ?—спросилъ Иванъ Савичъ.

— Что, молъ, баринъ у меня и добрый, и хорошенъкій такой...

— Вотъ, хорошенъкій! Зачѣмъ же ты врешь?

— Чтò за вру! вы вѣдь хорошенъкіе...

Оба молчали. Иванъ Савичъ гладилъ бакенбарды.

— Что жъ ты не въ моемъ сюртуке ходишь къ ней? оно бы лучшіе!—сказалъ Иванъ Савичъ.

— Да какъ я смѣю барскій сюртукъ надѣть?

— Ты возьми его себѣ совсѣмъ, тотъ, что просилъ у меня.

Авдѣй подбѣжалъ согнувшись и поцѣловалъ у барина ручку.

— Чтò жъ ты ей еще сказалъ?

— Что баринъ мой, молъ, молодецъ: гдѣ ни завидить

женщину, тотчасъ влюбится! У него, моль, не мало ихъ было...

— Да кто жъ тебя просилъ обѣ этомъ говорить? Ну, пойдешь ли она теперь? Есть ли у тебя разсудокъ? а? Вѣчно подгадишь мнѣ! Чѣдъ жъ она сказала?

— Чѣдъ мнѣ, говорить, до твоего барина за дѣло? Онъ, говоритъ, мнѣ не рѣвни: чтѣ мнѣ съ нимъ знакомиться? Поди, говоритъ, отваливай.

— Вотъ еще!—ворчалъ Иванъ Савичъ: — не рѣвня. Какъ же бы это устроить? Ахъ, славно! выдумалъ! Часто ли она бываетъ тутъ у окна?

— Да цѣлое утро всякий день вертится.

— Тамъ она теперь?

— Тамъ-съ.

— Дай-ка мнѣ свой сѣрый сюртукъ.

— На чѣдъ это вамъ?

— Дай, дай. Я знаю, на чѣдъ. Ну, чтѣ, впору ли? — спросилъ Иванъ Савичъ, надѣвъ сюртукъ.

— Коротенекъ. Да чтѣ вы хотите дѣлать?

— А вотъ чтѣ: ты скажи ей, что у насъ два человѣка. Вѣдь она меня не видала?

— Нѣть-съ.

— Ну, я утромъ буду приходить на полчаса къ тебѣ въ комнату, будто убирать что-нибудь. Вотъ и теперь пойду. Дай мнѣ сапогъ и щетку.

Иванъ Савичъ помѣстился у самаго окна и сталъ чистить сапогъ. Авдѣй спрятался въ простынокъ и прикрылъ ротъ рукой, чтобъ не засмѣяться вслухъ и качаль головой.

— Виши вѣдь лукавый догадаешь — чего не выдумаешь! бормоталъ онъ.—Не такъ, не такъ, Иванъ Савичъ! на что подошву-то намазали ваксою? И сапога-то не умѣеть вычистить, а еще баринъ!

— Здравствуйте! — сказалъ Иванъ Савичъ дѣвушкѣ въ окно.

— Здравствуйте! — сказала она и продолжала гладить, не поднимая глаз.

— Какая вы хорошенькая!

— Да не про вась!

— Какъ не про меня-сь? Будто мы ужъ никуда не годимся? — сказала она. — Чемъ я хуже моего барина? Онъ такой худой!

— Все жъ онъ баринъ, какой бы ни были! да мнѣ и до него дѣла нѣть, — отвѣтала она и посмотрѣла на него.

Онъ послалъ ей поцѣлуй. Она улыбнулась и показала ему утюгъ.

— Какъ же! не хотите ли вотъ этого? — сказала она: — какъ разъ обожгу.

— Да вы ужъ и такъ обожгли меня глазками.

— Этакъ она догадается, — шепталъ Авдѣй, увлекшійся невольно на этотъ разъ интересами своего барина, которымъ въ другое время противился: — вы больно мудрено говорите-то.

— Можно мнѣ къ вамъ въ гости прийти? — спросилъ Иванъ Савичъ.

— Зачѣмъ? У насъ есть свои.

— Да есть ли такие, какъ я?

Иванъ Савичъ указалъ на бакенбарды.

— Можетъ, и получше есть.

— Ну, вы пожалуйте ко мнѣ.

— Вотъ еще! Съ чего вы это взяли? — сказала обиженнѣмъ тономъ дѣвушка. — Прощаите: нѣкогда мнѣ съ вами путь пустого въ порожнее переливать. Барыня ждетъ: она у меня тамъ безъ юбки сидитъ!

— А кто ваша барыня?

— Извѣстно, баронесса.

Она схватила юбку и понесла-было.

— Да постойте же! куда вы? — сказала Иванъ Савичъ.

— Нечего стоять; и вы-то чистите-не-чистите сапогъ.

Смотрите, выйдеть баринъ: онъ варь за унко да на солнышко. Такъ-то!

— Вы будете завтра тутъ? — спросилъ Иванъ Савичъ.

— А вамъ чѣмъ за дѣло?

— Такъ; я бы покуражился съ вами.

— Буду, такъ буду, не буду, такъ не буду: сами увидите! — сказала она скороговоркой и, какъ мышенокъ, побѣжала по лѣстницѣ, почти не дотрогиваясь до ступеней.

— Милашка! у! — нѣжно крикнула ей вслѣдъ Иванъ Савичъ: — Авдѣй! миланка, а?

— Не могу знать!

— Авдѣй тряхнула головой.

— Пожалуйте-ка, добро, сапоги-то, — сказалъ онъ: — винь всю подошву вымазали да и окно-то у меня перепачкали. Ну, варь тутъ совсѣмъ!

Въ слѣдующіе дни, въ условленный часъ, оба бывали на своихъ мѣстахъ. Иванъ Савичъ все мазаль подошву сапога, къ великому соблазну Авдѣя, который нарочно для этого даваль ему постоянно одинъ старый и худой сапогъ. Маша тоже гладила долго одну и ту же юбку. Такъ продолжалось съ недѣлю. Однажды вечеромъ, когда баронесса уѣхала въ театръ, а, по словамъ Ивана Савича, *барина его* не было дома, Маша тронулась его нѣжностями и, какъ тѣнь, въ платочкѣ *à la Fanchon*, мелькнула по двору и явилась въ комнатѣ Авдѣя.

— Наконецъ ты у меня въ гостяхъ! — началъ Иванъ Савичъ свою обычную фразу, съ нѣкоторыми варіантами: — ужели это правда? не во снѣ ли я вижу?

Она съ трудомъ согласилась пойти въ другія комнаты и, при малѣйшемъ шумѣ, трепетала, какъ листъ, опасаясь прїѣзда *барина*.

— Какъ я счастлива! какъ я счастлива! — твердила Маша: — вы такіе... такіе... вы сами словно какъ баринъ! Каждой у васъ славный жилетъ! ужъ не барскій ли?

— Да, баринъ подариль. Авдѣй! — закричалъ онъ, забывшись: — подай чаю!..

— Чѣмъ вы это? какъ вы на него кричите! — сказала Маша.

— Авдѣй Михайлычъ, — сказалъ Иванъ Савичъ, спохватаясь: — уважъ насть: чайку поскорѣе. Вѣдь я барскій камердинеръ, — примолвилъ онъ, обращаясь къ Машѣ: — ну, такъ Авдѣй и угощаетъ мнѣ. Въ другой разъ замолвлю за него доброе словцо.

— А! вы камердинеръ? — значительно сказала Маша: — вотъ какъ!

Уже прошло недѣли три, какъ Маша частенько прокрадывалась къ своему возлюбленному. Иванъ Савичъ лежаль обыкновенно на *барской* кушеткѣ, какъ онъ говорилъ Машѣ, а она спѣла подлѣ него въ креслахъ и болтала безъ умолку или жевала что-нибудь. Горничныя вѣчно жуютъ или грызутъ. Въ карманахъ ихъ передника всегда найдете орѣхи, изюмъ, или половинку сухаря, оставшагося отъ барынина завтрака, или бисквиту, вафлю, залогъ нѣжности какого-нибудь повара. Иванъ Савичъ не находилъ болѣе предмета для разговора съ ней. Онъ ужъ пересказать ей всѣ апеклоты, которые разсказываются только мужчинами другъ другу за бутылкой вина, или горничнымъ, и говорить больше было нечего.

— Ну, скажи что-нибудь еще, — говорила однажды Маша. — Ты такъ смѣшино рассказываешь.

Иванъ Савичъ зѣвнулъ.

— И нынче конфеты да сливы: я лучше люблю яблочки, — продолжала Маша болтать, доѣдая сливу. — А это вѣдь, чай, дорого: неужели тебѣ баринъ столько денегъ даетъ? Это сѣѣшь, словно какъ ничего — и не попахнетъ; а послѣ яблочекъ долго помнишь, что Ѳла. Я могу цѣлый десятокъ яблочекъ сѣѣсть, право!

Иванъ Савичъ все молчалъ.

— Вчера мы съ Настасьей, съ нянькой отъ верхнихъ жильцовъ, два десятка съѣли, инда насили опомнились, даже тошно сдѣлалось: *ейний* сынъ принесъ ей цѣлый узель яблоковъ, пряниковъ, орѣховъ, да не однихъ простыхъ, а разныхъ. Онъ въ мелочной лавкѣ приказчикомъ. Ты вотъ мнѣ никогда орѣховъ не купишь.

• Иванъ Савичъ закурилъ сигару.

— Что ты заплатилъ за цыгарки?—спросила Маша.

— Это барскія,—сказалъ Иванъ Савичъ.

— Ну какъ онъ узнаетъ?

— Нѣть, у него много.

— И то сказать, правда: чтѣ жалѣть господскаго. Я вотъ, какъ живу на свѣтѣ, не знаю, что такое покупать помаду, духи, булавки, мыло: все у барыни беру. Разъ она и узнала по запаху: ты, говорить, никакъ моей помадой изволишь мазаться? Вотъ я ей говорю... такъ и говорю, право, я вѣдь ей не уступлю... она слово, а я два... кромѣ вашей помады нешто и на свѣтѣ нѣть! — А гдѣ жъ ты взяла?—говорить она.—Гдѣ? подарили; а сама пячусь, чтобъ она не разнюхала. — А кто, говорить, подарилъ?—А вамъ, молъ, зачѣмъ?—Дружокъ, вѣрно!—говорить. Чѣ же! вѣдь я соврала—сказала: дружокъ. А какой къ чорту дружокъ! У меня послѣ Алексея Захарыча до тебя никого и не было. Она и пошла допытываться, кто, да тутъ прїѣхали гости, я и ушла.

Оба замолчали.

— Ахъ, Иванъ! — начала опять Маша: — какое платье купила себѣ Лизавета, наша бывшая дѣвушка! *крепъ-паше*... чудо! Когда я соберусь сдѣлать себѣ этакое?

Она вздохнула.

— А тебѣ хочется?—спросилъ Иванъ Савичъ.

— Еще бы не хотѣлось! ужъ я давно думала, да куда! оно 28 рублей стоять.

Иванъ Савичъ вынулъ изъ бумажника пятидесятирублевую ассигнацію и далъ ей.

— Ахъ! неужели? — сказала она съ радостнымъ изумлениемъ. — Это мнѣ? Сколько же у тебя денегъ-то? вѣдь у меня сдачи нѣть.

— Ты все себѣ возьми.

— Какъ все?

Она повергнула въ рукахъ ассигнацію и смотрѣла то на нее, то на Ивана Савича и почти одурѣла совсѣмъ.

— Послушай, гдѣ ты берешь деньги? — спросила она вдругъ боязливо.

— Въ барскомъ бумажнике.

— Нѣть, неправда! ты бы такъ не говорилъ, — сказала она, бережно завязывая деньги въ узелокъ: — какъ же я за это крѣпко поцѣлуя тебя... у!... въ знакъ памяти сошнюю тебѣ манишку.

Отъ радости она сдѣлалась еще болтливѣе.

— Чѣмъ, бишь, я хотѣла сказать такое? а?

— Не знаю, — сказалъ Иванъ Савичъ.

— Эхъ, досадно! что-то хотѣла сказать тебѣ... ахъ, да какъ давеча графскій кучеръ былъ какого-то мужика: тотъ въ гости къ нему пришелъ, а онъ и давай его бить; инда страсть, такъ прибить, что тотъ даже не знаетъ, что и сказать ему. Да чѣмъ жъ ты все молчишь? — сказала она послѣ множества вопросовъ, на которые не получила отвѣта.

— Ужъ все переговорили, — отвѣчалъ Иванъ Савичъ.

— Все? какъ не все! Нѣть, ужъ нынче ты не такой. Бывало все говоришь, что любишь меня, да спрашивашь, люблю ли я тебя, а нынче вотъ пятый день не спрашивашь: видно, ужъ не любишь. А я тебя все такъ же люблю, еще больше, ей-Богу! вотъ побожиться не грѣхъ! — промолвила она простодушно.

Опять молчаніе.

— Сколько у васъ книгъ-то! все толстые: чай, во всю

жизнь не прочитаешь? — сказала она опять: — какая это книжки, Ивань?

— Философическая! — сказалъ Иванъ Савичъ.

— Какая же это? смешная или страшная? почитай мнѣ когда-нибудь въ книжкѣ: я люблю смешные книжки. И у васъ хорошо,—продолжала Маша, оглядываясь кругомъ:— а у насъ еще лучшее. Какие занавѣсы, какие ковры! рѣшетки съ плющами; какая корзинки для цветовъ! даже уму непостижимо! Вчера привезли маленький диванчикъ въ спальню: какая матерія! такъ глаза и разбѣгаются: четыреста рублей стоять. Какъ подумаешь, сколько эти господа денегъ сорятъ, такъ страшно станетъ. Хоть бы половину мнѣ дали того, что иной разъ въ недѣлю истратятъ, такъ мнѣ было бы на всю жизнь.

— Такъ очень хороша твоя барыня? — спросилъ Иванъ Савичъ.

— Ахъ! прехорошенькая! особенно утромъ, какъ съ постели встаетъ.

— Какъ же бы съ ней познакомиться?

— Кому?

— Разумѣется, моему барину. Ужъ онъ говорилъ: похлопчи-ка, говорить, Иванъ!

— Нѣтъ ли у него пріятеля, знакомаго съ нашей барыней? — сказала Маша: — пусть тотъ и приведетъ его; а нето пусть онъ выдумаетъ, будто нужно спросить что-нибудь, да и придетъ: можетъ, и познакомится. Славно бы! тогда бы я чаще къ тебѣ бѣгала, будто къ барину отъ барини, или попросить чего-нибудь. Ужъ когда господа знакомы, такъ и люди знакомы. Это такъ водится. Чѣмъ бы выдумать? а! да вотъ чѣмъ: барыня продаетъ одну лошадь: не надо ли вамъ? пусть бы баринъ и пришелъ, будто по торговаться.

— И прекрасно! — сказалъ Иванъ Савичъ, вскочивъ съ кушетки:— я и пойду.

— Ты?—спросила Маша.

— И познакомлюсь, — продолжалъ Иванъ Савичъ, не замѣчая ошибки.

— Чѣмъ ты, чѣмъ ты, опомнишься, мой батюшка, заврался!

— Ахъ, да! Чѣмъ я вру: баринъ, баринъ.

— То-то же.

— Ну, ты теперь поди домой,—сказалъ Иванъ Савичъ.

— Вотъ ужъ и гонишь, экой какой! Ну, прощай. Спасибо за подареныце,—сказала Маша, неохотно вставая съ кресель.

На другой день Иванъ Савичъ, идучи въ должность, встрѣтилъ на лѣстницѣ знатную барыню и остановился, пораженный ея красотою. Она привѣтливо взглянула на него, какъ будто въ благодарность за это удивленіе. Послѣ того онъ старался ежедневно сойтись съ ней на лѣстницѣ. Это было легко, потому что изъ его оконъ видно было, какъ ей подавали карету. Наконецъ, онъ осмѣлился сдѣлать ей робкій и почтительный поклонъ. Ему ласково кивнули головой, и Иванъ Савичъ былъ вѣнчанъ отъ радости.

— Авдѣй!—сказалъ онъ:—знаешь чѣмъ? знатная барыня поклонилась мнѣ сегодня. Она всякий разъ ласково смотрѣть на меня. Значить, я ей нравлюсь. Какъ ты думаешь?

— Не могу знать.

И Маша подтвердила ему, что у ея барыни только и разговора, что о его баринѣ.

— Все меня разспрашиваетъ о немъ, — сказала она:— богатъ ли онъ, есть ли у него экипажъ, сколько людей? а я почемъ знаю... знаю, моль, только, что у него двое людей—Авдѣй да Иванъ—вотъ и все. Какая, право, чудная! Я вѣдь по парадной лѣстницѣ не хожу: гдѣ жъ мнѣ его видѣть? Да чѣмъ жъ, въ самомъ дѣлѣ, твой баринъ не найдетъ покупать лошадь? коли хочетъ, вотъ бы и познакомился.

Иванъ Савичъ, пока Маша говорила это, гладилъ ба-
ренбарды.

Утромъ онъ посмотрѣлъ лошадь. Она была стара и разбита ногами. Онъ поторговался съ кучеромъ, но не согласился въ цѣнѣ и вечеромъ послалъ Авдѣя просить у знатной барыни позволенія видѣться съ ней, въ твердомъ намѣреніи не покупать лошади, а только завязать знакомство.

Сильно билось его сердце, когда онъ подошелъ къ ея двери. «Страшно какъ-то съ знатными!—думалъ онъ, осматриваясь и поправляясь: — что-нибудь не такъ сдѣлаешь, бѣда, засмѣютъ!..» Онъ позвонилъ чуть-чуть слышно. Человѣкъ доложилъ и потомъ, откинувъ занавѣсъ у дверей, впустилъ его въ залу. Зала была обита бѣлыми обоями, съ свѣтло-дикими арабесками. Ничего лишняго. По стѣнамъ должины двѣ легкихъ, граціозной формы стульевъ бѣлаго дерева. Два огромныхъ зеркала, у оконъ — тѣ прекрасныя корзины на тумбахъ, о которыхъ говорила Маша, да великолѣпныя драпри, которыя онъ самъ видѣлъ съ улицы. Въ гостиной было все богаче, роскошнѣе. Темная рѣзная мебель. На столѣ бронза, часы на мраморномъ пьедесталѣ,— нѣсколько картинъ, два или три бюста, вазы.

Иванъ Савичъ прошелъ гостиную и остановился въ нерѣшимости, идти или нѣть далѣе. Все было тихо. Въ слѣдующей комнатѣ чуть-чуть виденъ былъ свѣтъ отъ лампы.

«Какъ я войду? — думалъ онъ: — ну, какъ она тамъ... того... что-нибудь такое... почиваетъ?»

Вдругъ послышался шорохъ будто шелковаго платья. Кто-то пошевелился, и опять все замолкло. Иванъ Савичъ сдѣлалъ два раза хм! хм! и кашлянулъ. Вдругъ тамъ позвонили... Онъ обрадовался и вошелъ. Долго онъ искалъ глазами обитательницы этого будуара и не находилъ, пока, наконецъ, явившійся по звонку человѣкъ не навелъ его на путь.

— Не надо. Поди!—послышалось изъ-за зелени.

Человѣкъ ушелъ.

Иванъ Савичъ прошелъ до камина и тамъ, на полу-

кругломъ диванѣ, обставленномъ трельяжемъ, отыскалъ невидимку. Она была, повидимому, лѣтъ двадцати. Густые, темно-каштановые волосы спускались по вискамъ до половины щеки и прикрывали уши. Голубые глаза, маленький носъ и еще меньшее ротъ, свѣжесть лица, — все это ослѣпило Ивана Савича. Онъ ужъ не могъ разобрать, въ чёмъ она была и какъ она сидѣла,—ничего.

Онъ почтительно поклонился.

— Наконецъ, я вѣсть... — началъ онъ робко: — неужели это правда? я какъ будто во снѣ.

Ему молча показали другой конецъ дивана.

«Вотъ какъ обрѣзала! — подумалъ Иванъ Савичъ: — ни слова! Не то, что Анна Павловна: та сейчасъ стала кокетничать и заговорила. А эта... о, да тутъ надо осторожно».

Она продолжала молчать. Иванъ Савичъ долженъ былъ опять заговорить. Онъ потерялся.

— Я насчетъ лошадки... — началъ онъ чуть слышно: — пришелъ спрашиться, извините, что я... беспокою...

Больше у него не шло съ языка, какъ онъ ни старался, точно какъ будто ему зажили ротъ.

— Да, мнѣ человѣкъ сказывать, — отвѣчала она небрежно: — что вы хотите купить лошадь. Она не подходитъ подъ масть прочимъ моимъ лошадямъ, оттого я и хотѣла ее продать.

— Кучерь вашъ говорить, что вы просите 700 рублей... Это очень...

— Дешево, хотите вы сказать? — перебила она еще небрежнѣе: — что жъ дѣлать! лошадь не стоять больше. Можетъ-быть, вамъ надо дороже и лучше... вы не церемонитесь. Мнѣ стоять сказать одно слово своимъ знакомымъ: графу Шѣтушевскому, князю Поскокину, они бы сейчасъ избавили меня отъ этой лошади, лишь бы сдѣлать мнѣ удовольствіе.

Иванъ Савичъ струсилъ.

— Точно-сь, — началъ онъ: — вы изволите правду говорить... Я не имѣю чести быть вашимъ знакомымъ; но, чтобы сдѣлать вамъ удовольствіе...

У него занялся духъ; онъ на минуту остановился собраться съ силами. Она выразительно посмотрѣла на него.

— Но, чтобы сдѣлать вамъ удовольствіе, — повторилъ онъ: — я... я... готовъ...

Она кивнула слегка головой и улыбнулась.

— Вы очень любезны! — сказала она.

Иванъ Савичъ ободрился.

«Каково же, — подумалъ онъ: — ай да Ваничка! ловко, брат! Чѣмъ скажетъ Вася? Какъ же ей деньги отдать? вѣдь, чай, самой не хорошо. О! выдумай, выдумай еще ловчѣ!»

— Кому прикажете деньги отдать? — спросилъ онъ уже довольно твердыи голосомъ.

— Если онѣ съ вами, то потрудитесь бросить ихъ воинъ въ ту рабочую корзинку; а если нѣть, то припилите.

Иванъ Савичъ положилъ деньги въ корзинку и сталъ раскланиваться.

— Куда же вы? — спросила она: — вы быки такъ любезны. Я еще не успѣла поблагодарить васть. Останьтесь пить чай со мной. Я васть не пущу.

Она взяла у него пляшку изъ рукъ и поставила съ другой стороны подлѣ себя. Она сдѣлалась разговорчива и оставила небрежный тонъ.

— Садитесь поближе. Расскажите мнѣ, давно ли вы здѣсь живете, чѣмъ вы занимаетесь?

— Я живу здѣсь четыре мѣсяца, бываю въ театрѣ-сь, читаю-сь.

— Чѣмъ вы читаете?

— Все философическія книги.

— А!

«Говорить ли ей, что мы кутимъ? — подумалъ Иванъ

Савичъ: — нѣтъ, чтò я, Боже сохрани! Вѣдь это не Анна Павловна.»

— Вы изволите тоже читать книги? — спросилъ онъ, глядя на этажерку, уставленную книгами.

— Да, какъ же.

— Какія-сь, позовльте спросить?

— Больше французскія: теперь читаю «la Duchesse de Chateauroux». Вчера мы подарили прекрасный кипсекъ. Достаньте вонъ ту книгу.

Онъ проворно вскочилъ, взялъ книгу и подалъ ей. Она подвинулась къ столику и открыла книгу.

— Посмотрите, какія гравюры. Да сядьте со мной рядомъ, поближе... еще...

Иванъ Савичъ сѣлъ, какъ она желала, и смущился.

«Вотъ какъ вольно знатные обходятся! — думалъ онъ: — какъ принято у нихъ! а мы чинимся между собой. Прямые мѣщане! Завтра за обѣдомъ разскажу нашимъ. Чтò скажетъ Вася? Чай, удивится, не повѣрить! «Экъ куда, скажетъ, залѣзъ!» Надо осмотрѣть хорошенъко, какъ убрано, чтобы пересказать напимъ».

— Гдѣ же еще другая книга? — сказала знатная дама и позвонила.

— Вели Машѣ, — сказала она вошедшему лакею: — принести изъ спальни книгу: она тамъ лежитъ.

При словѣ Маша у Ивана Савича забилось сердце. Вскорѣ послышались ея шаги. Она вошла, взглянула — и поблѣдѣла. Книга выпала у нея изъ рукъ.

— Что ты валяешь книгу? — сказала барыня. — Испортишь переплетъ. Да чтò жъ ты стала? Подойди сюда! развѣ ты не видала у меня людей?

Маша тихо подошла и, склонивъ голову, еще тише пошла назадъ.

А Иванъ Савичъ забылъ и Анну Павловну, и Машу, и всѣхъ на свѣтѣ. Знатная дама съ минуты на минуту дѣла-

лась все любезнѣе. Время незамѣтно прошло до одиннадцати часовъ. Онъ сталъ прощаться.

— Приходите ко мнѣ, какъ только будетъ у васъ свободное время, — сказала она: — я всегда дома. Когда мы покороче познакомимся, то придумаемъ, какъ проводить вечера.

Тутъ человѣкъ пришелъ съ докладомъ, что графъ Лужинъ прѣхалъ.

— Проси. Прощайте, до свиданія,—сказала она съ дружеской улыбкой, подавая Ивану Савичу руку.

Въ залѣ онъ столкнулся съ адъютантомъ, который опрометью вѣжаль въ будуаръ. Иванъ Савичъ услышалъ звонкій поцѣлуй.

— Вотъ какъ знатные цѣлуются! — сказалъ онъ самъ себѣ. — А какъ поздно у нихъ прѣѣзжаютъ гости: у насъ такъ спать ложатся. Мѣщане!

У своихъ дверей Иванъ Савичъ услышалъ, что кто-то будто плачетъ. Онъ посмотрѣлъ — и что же? въ темномъ углу, опершись на перила, горько рыдала Маша.

— Чѣмъ ты? чѣмъ съ тобой? — спросилъ онъ.

— Чѣмъ съ тобой!.. — всхлипывая, говорила она: — еще спрашиваете: чѣмъ съ тобой? Не грѣхъ ли вамъ такъ обижать бѣдную дѣвушку?

— Какъ обижать?

— Обманывать! Сказали, что вы камердинеръ, что любите меня, а сами баринъ!

— Такъ чѣмъ же?

— Какъ чѣмъ! Сами къ барынѣ пришли. Извѣстно, баринъ не станетъ любить простую дѣвушку...

— Вѣдь это не мѣшаетъ тебѣ бывать у меня.

— Не мѣшаетъ! Рассказывайте! Я видѣла, какъ вы близко съ ней рядомъ сидѣли да шептались...

Она зарыдала. Иванъ Савичъ махнулъ рукой и пошелъ прочь.

— Постойте, — сказала она: — возьмите ваши деньги: я отъ барина не хочу! Вотъ 45 рублей. 5 рублей я истрастила...

Она вынула изъ кармана ассигнаціи, бросила ихъ на лѣстницу и исчезла.

Иванъ Савичъ такъ былъ поглощенъ впечатлѣніемъ отъ свиданія съ знатною барыней, что тотчасъ же забылъ о Машѣ. Онъ машинально поднялъ ассигнаціи и пошелъ.

— Ну, братъ, Авдѣй, вотъ прелестъ, вотъ дама, такъ могу сказать!

— Неужли-то, сударь, у васъ и съ ней ужъ дошло до чего-нибудь этакаго?

— Тс! тише, тише! — съ испугомъ сказалъ Иванъ Савичъ.—Ты съ ума сошелъ! вѣдь это не Анна Павловна. Ты этакихъ и не видывалъ. Ахъ, если бы... да нѣтъ!

— Чѣмъ жъ лошадь-то, сударь?

— Купилъ!

— Неужли? — сказалъ Авдѣй: — такого одра! Да чѣмъ въ немъ? Вотъ деньги-то сорите! А чѣмъ дали?

— 700 рублей.

— Господи воля Твоя! да за нес 200 рублей нельзя дать; а за 700 рублей вы бы пару знатныхъ лошадей купили.

— Зато не познакомился бы съ знатной барыней,—сказалъ Иванъ Савичъ.—Звала къ себѣ какъ можно чаще.

— Экая лихая болѣсть, прости Господи, знатная барыня! Знатно же она васъ поддѣла! 700 рублей... шутка!

— Оно обошлось дешевле, — сказалъ Иванъ Савичъ: — вотъ Маша отдала назадъ 45 рублей — стало-быть, въ 655 рублей. Ну, не想要, такъ какъ想要!

Иванъ Савичъ явился въ собраніе своихъ друзей съ торжественнымъ лицомъ. Его походка, всѣ движения были величавы. Онъ тихо вошелъ, молча отвѣчая на ихъ привѣтствія и молча сѣя за свой приборъ, ожидая вопросовъ.

— Что это у тебя такая физиономия сегодня?—спросилъ офицеръ.

— Да, въ самомъ дѣлѣ: ты какъ будто награду получиль,—замѣтилъ чиновникъ.—И въ бѣлыхъ перчаткахъ!

— Нѣтъ, такъ, ничего!—небрежно отвѣчалъ Иванъ Савичъ.—Сейчасъ былъ съ визитомъ.

— У кого это, позволь спросить?

— Помните, я вамъ говорилъ,—началъ Иванъ Савичъ, сморщивъ лобъ:—о той знатной дамѣ... что живеть у насть во второмъ этажѣ?..

— Неужли у ней?—спросилъ Вася.

Иванъ Савичъ молча кивнулъ головой.

— Каковъ! а! Ахъ, чортъ его возьми! и туда забрался! тьфу!

Онъ плонулъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, ты не врешь?—спросилъ офицеръ.

— Послушай! — сказалъ Вася, подсѣвъ къ нему: — ужъ если ты меня тутъ не познакомишь, мы, братъ, послѣ этого, больше не друзья!

— Нельзя ли мѣстечко черезъ нее выхлопотать? Вотъ бы вспрыски-то были!

— Ахъ, ты, жуиръ,—началъ другой:—а! мало тебѣ! Ты и знати спуску не даешь: баронесса! каково!

— Поздравимъ, поздравимъ!—закричалъ офицеръ.—Чего спросить, креманъ или клико! Надо, братецъ, вспрыснуть, воля твоя: баронесса!

— Тс! господа, господа! — заговорилъ серьезно, съ испугомъ Иванъ Савичъ: — если вы станете кричать, я сейчасъ уйду. Вѣдь это не какая-нибудь Анна Павловна. Кругомъ насть множество народу, а вы кричите. Можетъ быть, тутъ кто-нибудь изъ знатныхъ есть: а у ней что ни вечеръ, то князь, то графъ! услышать, и мнѣ, и вамъ дстанется! Я вамъ по-дружески сказалъ, а вы и пошли...

Надо, господа, знать тонъ, приличія, какъ съ кѣмъ обращаться!

Всѣ струсили и начали говорить шопотомъ.

— Ну, а Маша чтѣ? Измѣнилъ, злодѣй!—сказалъ Вася.

— Фи! Неужели ты думаешь, что я къ Машѣ питалъ что-нибудь такое?.. Да и что вы рано принялись поздравлять: ничего нѣтъ, а можетъ-быть, и не будетъ. Миѣ и подумать-то страшно обѣ этомъ. Это такъ, лестное знакомство: я тамъ, можетъ-быть, сойдусь съ хорошими людьми: выиграю по службѣ, а не то, чтобы... А вы ужъ сейчасъ и на поди!..

— Да, да, толкуй! знаемъ мы тебя!—сказалъ офицеръ.— Нѣтъ ужъ, братъ, если ты куда забрался, такъ будетъ твое. Ловокъ, злодѣй. Да какъ это ты?..

— Какъ же... ловокъ... — говорилъ Иванъ Савичъ съ улыбкой.—Куда миѣ!.. Эй! человѣкъ! четыре бутылки клико сюда!

Иванъ Савичъ продолжалъ являться къ баронессѣ церемонно, во фракѣ, отодвигался почтительно, когда она слишкомъ близко садилась или подходила къ нему, вскакивалъ съ мѣста, когда она вставала, и едва осмѣшивался дотронуться до ея руки, когда она ему ее подавала.

Онъ кое-какъ успокоилъ и Машу, сказавъ ей, что она въ этомъ знакомствѣ не должна опасаться ничего, что онъ ходитъ къ баронессѣ за тѣмъ, чтобы только посидѣть, поговорить, провести вечеръ. Маша покачала головой и не сказала ни слова, только вздохнула. Онъ отдалъ ей назадъ 50 рублей и прибавилъ еще столько же.

— Вотъ лошадь-то опять обошлась не въ 700, а въ 800 рублей!—замѣтилъ Авдѣй.

Лошадь кое-какъ сбыли за 200 рублей извозчику.

Ужъ съ мѣсяца посыпалъ Иванъ Савичъ баронессу, но не позволялъ себѣ ни малѣйшаго намека на любовь, или, какъ Авдѣй говорилъ, на «что-нибудь такое». А, между тѣмъ,

она ему очень нравилась. Онъ у ней иногда сиживалъ по цѣлому дню, обѣдалъ, даже ужиналъ. Сервировали прекрасно, столъ былъ отличный, вино чудесное. Иногда тамъ бывали сестра баронессы, такая же хорошенъкая, какъ она сама, и двѣ-три пріятельницы, еще лучшіе ея... По вечерамъ бывали мужчины, принадлежащіе къ порядочному кругу. Пріѣзжали они очень поздно, сидѣли долго. Иванъ Савичъ рѣдко видѣлъ ихъ, потому что онъ въ это время уходилъ, когда они являлись.

Однажды онъ сидѣлъ у баронессы одинъ.

— Послушайте, — сказала она тѣмъ же небрежнымъ тономъ, какимъ говорила въ первомъ свиданіи: — дайте мнѣ двѣ тысячи рублей. Я вамъ возвращу дня черезъ три.

Иванъ Савичъ смущился. Ему совѣстно было признаться, что у него нѣтъ дома такой суммы.

— Я получу пять тысячъ не прежде, какъ недѣли черезъ три, — сказаль онъ: — а теперь... у меня... нѣтъ... дома.

— Вѣрно, вы можете у кого-нибудь занять, — продолжала баронесса: — мнѣ надо завтра утромъ эту сумму. Если бъ можно было ждать до вечера, я взяла бы у графа Судкова. Но, зная вашу любезность, я обращаюсь къ вамъ.

— Конечно-съ, — сказалъ Иванъ Савичъ: — я постараюсь завтра утромъ... даже теперь... но оставить васъ...

— Подите... подите... я васъ не держу. Если достанете сегодня, будемъ вмѣстѣ ужинать.

Иванъ Савичъ занялъ у пріятеля на честное слово и привезъ. Его поблагодарили продолжительнымъ нѣжнымъ пожатиемъ руки и влажнымъ взглядомъ... Между тѣмъ, срокъ платежа пришелъ и прошелъ, но денегъ не отдавали. Иванъ Савичъ сталъ беспокоиться, но напомнить не смѣлъ. Ему прислали деньги отъ родныхъ, и онъ заплатилъ долгъ.

Одинъ разъ онъ хотѣлъ-было напомнить, и, только зап-

нулся, ему зажали ротъ хорошенькой ручкой. Онъ нѣжно поцѣловалъ ее и затрепеталъ отъ радости.

Разъ вечеромъ онъ былъ въ театрѣ. По возвращеніи домой, Авдѣй сказалъ ему, что Маша два раза приходила съ запиской отъ баронессы. Явилась сама Маша. Она подала маленькую записочку и стала у дверей. Баронесса звала его ужинать, говоря, что у нея собрались графъ Лужинъ, князь Поскокинъ, еще секретарь иностранного посольства, ея сестра и двѣ пріятельницы.

— Авдѣй! бриться! мыться! одѣваться! скорѣй приготовь фракъ, да синій бархатный жилетъ съ золотыми узорами!— закричалъ Иванъ Савичъ.

— Вы пойдете?—робко спросила Маша.

— Разумѣется, а чтѣ?

— Не ходите,—сказала она печально.

— Это чтѣ за новости? Отчего такъ?

— Мнѣ что-то сердце недобroe вѣщаетъ. Вы тамъ что-нибудь... вы оставите меня.

— Какіе пустяки! Авдѣй! одѣваться!

— Я безъ васъ жить не могу,—сказала встревоженная Маша, взявъ его за руку:—не ходите!

— А я безъ тебя могу!—сердито закричалъ Иванъ Савичъ, отдернувъ свою руку:—Вотъ еще!

— Я васъ такъ люблю,—сказала она робко, почти шопотомъ.

— Это очень глупо—любить!—говорилъ Иванъ Савичъ, намазывая голову помадой.

— Что жъ мнѣ дѣлать! я не виновата.

— И я не виноватъ, что не люблю тебя.

— Что вы обижаете дѣвчинку-то?—сказалъ Авдѣй:—вѣдь и она человѣкъ: любить тоже.

— Любить!—сказалъ еще сердитѣе Иванъ Савичъ, завязывая платкомъ бакенбарды.—Всякая тварь туда же лѣзеть

любить! Какъ она смѣсть любить? Вотъ я барынѣ скажу. Зачѣмъ она любить?

— Не могу знать! — отвѣчалъ Авдѣй.

Иванъ Савичъ одѣлся и ушелъ. Маша сѣла на кресла и долго смотрѣла кругомъ, потомъ горько заплакала.

Авдѣй вынулъ зелененькую, четырехугольную бутылочку въ паетенкѣ, подошелъ къ свѣчкѣ, налилъ рюмку и поглядѣть на свѣтъ.

— Эти господа думаютъ, что у нихъ у однихъ только есть сердце, — сказалъ онъ, отивая изъ рюмки: — по той причинѣ, что они пьютъ ликеру! А что въ ней? дрянь, ей Богу дряны! и горько и сладко; тѣмъ только и хорошо, что скоро разбираеться! Не хочешь ли маленько испить? авось пройдетъ.

Маша потрясла головой.

— Напрасно! — сказалъ Авдѣй, выпивъ всю рюмку и подойдя къ ней. — Полно тебѣ, глупенькая: есть о чёмъ плакать! развѣ не видишь, какой онъ пустоголовый? Винь вѣдь какъ разбросаль все тутъ! Плюнула бы на него, право! Эй! перестань, говорю.

Онъ жесткой рукой отеръ ей слезы и погладилъ по головѣ.

— Ну, Богъ съ нимъ! — сказала уныло Маша и задумчиво побрела домой.

Маленькая столовая баронессы была ярко освѣщена огромнымъ канделябромъ. Тамъ были буфетъ краснаго дерева, горка съ фарфоромъ и хрусталемъ, раздвижной столъ и большие ничего. Когда Иванъ Савичъ подходилъ къ дверямъ, изъ столовой слышались пѣніе, крикъ, смѣхъ; говорило нѣсколько голосовъ. Вдругъ человѣкъ поспѣшилъ пронестъ мимо его бутылки. «Эге! да здѣсь никакъ кутятъ! — подумалъ Иванъ Савичъ: — а говорять, знатные не кутятъ!» Онъ отворилъ двери и остановился. За столомъ, прямо противъ дверей, сидѣла сама баронесса. Она была удивительно

хороша. Глаза блестали огнемъ, какого онъ не замѣчалъ прежде, румянецъ пылалъ ярче, на губахъ блуждала улыбка и, казалось, обѣщала долго блуждать. Шея и плечи были обнажены, грудь сильно поднималась и опускалась. Лицо, костюмъ, движеніе, громкій, одушевленный разговоръ,—все показывало, что она была достойною предсѣдательницею пира. Подъ баронессы былъ пустой стуль. Далѣе сидѣла ея сестра. Подъ нея, облокотясь рукой на спинку ея стула, почти лежалъ графъ Лужинъ, съ бокаломъ въ рукѣ. Онъ ей говорилъ что-то тихонько. Она хотела... Напротивъ ихъ, отворотясь къ столу бокомъ, сидѣлъ князь Поскокинъ, высокій мужчина, съ черными бакенбардами. По лѣвой ея сторону секретарь посольства что-то живо бормоталъ другой пріятельницѣ баронессы, интересно блѣдной и задумчивой женщинѣ.

— А!—сказала баронесса, увидѣвъ Ивана Савича.—Гдѣ вы пропадаете? мы не хотѣли садиться безъ васъ за столъ; да вотъ князь уѣхалъ, что вы ужъ не будете...

— Виноватъ!—примолвилъ князь.—Я зналъ, что мы пропадимъ долго и что вы, во всякомъ случаѣ, подоспѣете.

— Помилуйте, ваше сиятельство, ничего!—отвѣчалъ Иванъ Савичъ, раскланиваясь почтительно на всѣ стороны.

— Садитесь скорѣе, полноте раскланиваться! — нетерпѣливо закричала баронесса.— Я вамъ берегла мѣсто подъ себя. Цѣлуйте же ручку! да будьте живѣе. Ахъ, Боже мой! вы ни на что не похожи. Будьте какъ дома, безъ церемоніи.

— Я и такъ... — сказалъ Иванъ Савичъ и, не кончивъ фразы, сѣлъ на стуль.

— Messieurs!—сказала баронесса гостямъ:— рекомендую вамъ т-р Поджабрина, отличного молодого человѣка.

— Очень радъ!—сказалъ князь, не поворачивая головы.

Графъ молча кивнулъ ему и шепнулъ что-то на ухо своей сосѣдкѣ. Та захотала, а Иванъ Савичъ покрас-

нѣль. Дипломатъ, открывъ немнога ротъ, смотрѣлъ съ любопытствомъ, какъ Иванъ Савичъ кланялся, говорилъ и какъ сѣль.

— Гдѣ же ваше вино? М-г... т-г... — сказалъ графъ...

— Меня зовутъ Иванъ Савичъ. Про какое вино, ваше сиятельство, изволите спрашивать?

— Нѣть, не нужно! — перебила баронесса. — Эти господа, — сказала она Ивану Савичу: — сдѣлали мнѣ своимъ посѣщеніемъ пріятный сюрпризъ, и всякий привезъ свое вино. Они думали, что и вы знаете...

— Позвольте-съ... я сейчасъ... — сказалъ Иванъ Савичъ и съ салфеткой побѣжалъ въ переднюю, чтобы послать за виномъ.

— Ваше здоровье, милая Амалія! — закричалъ черезъ столъ князь и выпилъ бокаль.

— Merci, — отвѣчала сосѣдка графа. — И я пью.

И выпила свой бокаль однимъ духомъ.

— Ради Бога, не пейте за мое: я и такъ не знаю, чтобъ со своимъ здоровьемъ дѣлать! — сказалъ князь. — Ничто не помогаетъ убавить этой массы. — Онъ указалъ на свое тучное тѣло. — Да, я предвижу, — продолжалъ князь: — что мое здоровье убьетъ меня.

— Побольше вотъ этихъ подвиговъ, — сказалъ графъ, указывая на бутылку: — и ты убьешь его.

— Le comte vient de dire quelque chose de drôle? n'est-ce pas? — сказалъ дипломатъ своей сосѣдкѣ.

— И! для меня это ни большие, ни меньшие, какъ гимнастическое упражненіе, какъ моціонъ, — отвѣчалъ князь: — я знаю, что нынѣшній вечеръ прибавитъ мнѣ два года жизни.

— Счастливецъ! а я какъ выпью липиній бокаль, на другой день голова трещить, — замѣтилъ графъ: — никакъ не могу пить.

И выпилъ. И всѣ выпили.

— Еще вина! — сказалъ князь человѣку, отдавая бутылку.

— А вы что жъ не пьете? М-г... т-г... — говорилъ князь, обращаясь къ Ивану Савичу.

— М-г Поджабринъ, — подсказалъ баронесса.

— Какъ? — спросилъ князь.

— Поджабринъ.

Князь взглянулъ на графа, тотъ въ отвѣтъ чуть-чуть покачалъ плечами.

— Меня зовутъ Иванъ Савичъ, — отвѣчалъ Поджабринъ.

— Да! Иванъ Савичъ, въ самомъ дѣлѣ, что жъ вы не пьете? у васъ все тотъ же бокаль! — замѣтилъ рѣзко графъ: — если это такъ продолжится, вы — *mille pardons* — будете здѣсь лишній.

Иванъ Савичъ смущился, не успѣль проглотить куска дичи, запломъ выпилъ бокаль и закашлялся.

— Я, ваше сиятельство, не прочь! — сказалъ онъ: — я буду пить-съ, я тоже люблю жуировать. Жизнь коротка, сказалъ одинъ философъ.

— Qu'est-ce qu'il dit? — спросилъ дипломатъ у сосѣдки.

— Стыдитесь, м-г... т-г... — началъ князь.

— Иванъ Савичъ, — подсказалъ Поджабринъ.

— Стыдитесь, Иванъ Савичъ! дамы выпили по пяти бокаловъ, а вы еще одинъ.

— Онъ догонитъ! — закричала баронесса. — Извольте, милый сосѣдъ, пить сряду пять бокаловъ. Я буду вашей Гебой.

Она схватила бутылку и стала лить...

— М-г Шене! — сказала баронесса черезъ минуту: — вы обѣщали намъ спѣть куплеты Беранже. Прошу не забывать.

— Mais il n'y a pas de piano ici! — отвѣчалъ дипломатъ.

— Оно въ сосѣдней комнатѣ: мы велимъ отворить двери и придинуть его поближе сюда.

Отворили двери и придинули фортепіано. Французъ за-пѣлъ.

Князь повторилъ refrain.

— Браво, браво, Шене!—закричалъ онъ. — Что за дьяволъ этотъ Беранже! пожиль и другихъ учить жить... Да чего больше? пить, любить, обманывать другъ друга: тутъ вся исторія и философія рода человѣческаго.

— Какъ ты глупъ сегодня, князь, съ своимъ Беранже!—замѣтилъ адъютантъ. — Посмотри, сосѣдка твоя дремлетъ...

— Если она заснетъ,—замѣтилъ графъ:—ты, князь, отвѣчаешь за нее: откуда хочешь возьми женщину, а то кадриль не полна—хоть самъ надѣйтай юбку.

— *C'est joli*,—сказалъ дипломатъ:—*ah! ce comte!*

— Славная идея! нарядить князя дамой!—рѣшила баронесса.

— Право, такъ!—закричалъ графъ.

— Весело! ей-Богу, весело!—громко сказалъ опьянѣвшій Иванъ Савичъ.—Вотъ кутятъ, такъ кутятъ!

— *Que veut dire кутятъ?*—спросилъ дипломатъ.

— Чѣ?—спросилъ графъ.

Иванъ Савичъ струсилъ.

— Весело, ваше сіятельство, говорю я,—отвѣчалъ онъ.

— Его бы тоже не мѣшало нарядить дамой,—сказалъ князь, указывая на пустой стулъ, но желая указать на Ивана Савича. — Онъ будетъ похожъ на твою тетушку, графъ, на Настасью Федоровну. Согласны, т-г... т-г... т...

— Иванъ Савичъ! — подсказалъ онъ. — Очень хорошо, ваше сіятельство, почему не согласиться. Кутить, такъ кутить!

Принесли ночные чепцы, кофты, скинули фраки, жилеты и нарядились.

— Браво, браво! — кричали всѣ, хлопая въ ладоши.

— Если бы бакенбарды долой, — сказалъ графъ: — ты, князь, быль бы совершенной женщиной, только не княгиней, а пуассардкой. А вы, Иванъ... Иванъ...

— Иванъ Савичъ, — договорилъ Поджабринъ.

— Иванъ Савичъ, вы... ахъ, знаешь, князь, онъ точно очень похожъ на мою тетушку! ха-ха-ха! право, она!

И оба съ княземъ, указывая на Ивана Савича, хохотали и кричали: «она! она!»

— Да, въ самомъ дѣлѣ! — сказалъ князь: — ну, ты, графъ, не будешь теперь такъ повѣсничать передъ ея подоблемъ.

— Жизнь коротка! надо жуировать! — неистово закричалъ Иванъ Савичъ, въ кофте и въ юбкѣ.

Никто ничего не понималъ, и постороннему нельзя было разобрать ничего. Всѣ хохотали, глядя другъ на друга.

На другой день было прекрасное осенне утро. Иванъ Савичъ проснулся, хотѣлъ открыть глаза, и не могъ. Голова была налита какъ будто свинцомъ. Наконецъ, мало-малу онъ поднялъ вѣки... Пробило двѣнадцать часовъ. Иванъ Савичъ тихонько всталъ, подошелъ къ зеркалу — и отскочилъ: на немъ кофта, ночной чепецъ...

— Ого! какъ кутнули! — сказалъ онъ. — Съ нашими такъ никогда не удавалось: этаѣй рожи у меня не бывало!..

Онъ покачалъ головой.

— Чѣмъ скажутъ наши? Лучше не говорить имъ...

Онъ провелъ рукой по волосамъ, надѣлъ свой фракъ и пошелъ...

Идучи по лѣстницѣ, онъ встрѣтилъ какую-то женщину подъ вуалью. Она съ дѣвкой шла вверхъ. Дѣвка сказала барину какое-то замѣчаніе на его счетъ...

— Кто это? — спросила барыня.

— А жиць, чтò подъ нами живетъ,—отвѣчала дѣвка.—
На нихъ и праздника нѣть. У баронессы, слышь, цѣлую
ночь такой пиръ быль...

— Подъ праздникъ-то!

Въ это время дверь захлопнулась.

— Авдѣй!—сказалъ Иванъ Савичъ:—дай мнѣ рюмку ли-
кера да разбуди меня къ обѣду.

— Ликеры нѣть: вся вышла,—отвѣчаль Авдѣй.

— Какъ вышелъ! еще третьяго-дня тамъ оставалось.

— Вы выкушали послѣднюю рюмку.

— Когда?

— Въ послѣдній разъ.

— Смотри: ужъ не ты ли, другъ?

— Стану я этакую дрянь пить!—сказалъ Авдѣй и плю-
нуль.—Я еще отъ-роду никакого вина не пивалъ.

— Кто это надъ нами живетъ?—спросилъ Иванъ Савичъ.

— Не могу знать!

— Узнай!

Иванъ Савичъ долго не являлся къ баронессѣ. Наконецъ
черезъ недѣлю онъ отправился къ ней. Тамъ онъ засталъ
ея сестру и Жозефину.

— А! сосѣдъ! — сказала баронесса: — чтò это васъ такъ
давно не видать? Я хотѣла посыпать за вами...

— Я, баронесса, теперь въ нуждѣ,—перебиль ее Иванъ
Савичъ:—и пришелъ просить васъ: не возвратите ли вы
мнѣ моихъ денегъ?..

— Денегъ?..

Она съ изумленіемъ посмотрѣла на него.

— Да, двѣ тысячи рублей, чтò вы у меня заняли.

— Я заняла! Опомнитесь! неужели вы еще не протрез-
вились? Напротивъ, я хотѣла спросить васъ, скоро ли вы
мнѣ отдадите семьсотъ рублей за лошадь?

Иванъ Савичъ остолбенѣлъ.

— Да, за лошадь.

— Я не шучу, баронесса! — сказал онъ.

— И я нѣтъ, — отвѣчала она.

Онъ посмотрѣлъ на нее серьезно, она на него тоже. Онъ пошелъ вонъ. Сзади его раздался дружный, предательскій хохотъ трехъ красавицъ.

— Неблагодарный! каковъ! — послышалось вслѣдъ затѣмъ.

Иванъ Савичъ хлопнулъ дверью и пошелъ къ себѣ.

— Не поискать ли намъ другой квартиры, Авдѣй? — спросилъ онъ.

Авдѣй перепугался.

— Помилуйте, сударь! — воскликнулъ онъ: — еще полугода нѣтъ, какъ здѣсь живемъ. Гдѣ сыщешь такую квартиру? Удобство всякое: и сарай особый, и ледничекъ отъ хозяина даютъ, и соѣди хорошие, а ужъ соседки — и говорить нечего...

— Да... нечего и говорить! — повторилъ, пожимаясь, Иванъ Савичъ.

Черезъ нѣсколько дней онъ опять на лѣстнице встрѣтилъ ту же женщину подъ вуалью.

— Кто это тамъ вверху живетъ? Узналъ ли ты? — спросилъ опять Авдѣя.

— Барыня живеть какая-то. Такая смирная, словно никакого нѣтъ: ни стукнетъ, ни брякнетъ.

— Такъ она барыня? Узнай хорошенъко, кто она.

Авдѣй узналъ и сказалъ, что барыня живеть съ девушкой и съ кухаркой, тихо, скромно, что ся не слыхать, что въ гостяхъ у нея бываютъ все женщины, и т. п.

— Какъ бы побывать у нея?

— Не могу знать.

— Не могу знать! Это не мудрено. А ты моги... Послушайка! не пахнетъ ли здѣсь, какъ будто, дымомъ?

— Нѣть-съ! — сказалъ Авдѣй, поворачивая носъ во все стороны: — не пахнетъ.

— Ну, какъ не пахнетъ! слышишь?

— Нѣть-съ, не слышу—не пахнетъ.

— Наладилъ одно: не пахнетъ! Если я говорю пахнетъ, такъ, стало-быть, пахнетъ.

— Не пахнетъ,—сказалъ Авдѣй, нюхнувъ еще.

— Да, именно пахнетъ: это, должно-быть, сверху прошло! Узнай-ка, поди. Долго ли до пожара! Да нѣть, постой! я самъ узнаю.

Онъ отправился вверхъ.

— Ну, иошель!—ворчалъ Авдѣй:—уродится же этакой!.. И махнулъ рукой.

Иванъ Савичъ вошелъ въ переднюю верхней жилицы. Тамъ никого не было. Налѣво былъ маленький коридоръ, который вель, повидимому, въ кухню. Иванъ Савичъ остановился. Оттуда раздавался довольно пріятный голосокъ.

— Не надо мнѣ пѣтуха!—говорилъ голосокъ.—Зачѣмъ ты пѣтуха купила? Я тебѣ велѣла курицу купить; а это, видишь,—пѣтухъ! все по-своему дѣлаешь!

— Да мужикъ-то знакомый, матушка,—отвѣчалъ другой голосъ:—нашъ ярославскій. Присталь: купи да купи; пѣтушокъ, говоритъ, славный.

— Не хочу я пѣтуха: пѣтухи жѣстки!

— И, нѣть, матушка, этотъ еще молоденький, словно цыпленочекъ.

Иванъ Савичъ рѣшился проникнуть дальше. Появленіе его произвело значительный эффектъ.

— Ахъ!—закричала барышня, закутываясь одной рукой въ большой желтый платокъ, а другой держа пѣтуха.

— Я-съ... мое почтеніе... я живу здѣсь, подъ вами...

— Чѣмъ жь вы, милостивый государь, ходите по чужимъ квартирамъ,—начала она, пряча подъ платокъ руку съ пѣтухомъ.—Вы думаете, что я беззащитная дѣвушка, безъ покровителя, что меня можно всякому обидѣть? Извините, вы ошибаетесь! Позвольте вамъ сказать: у меня есть кому всту-

питься, и я не позволю... За кого вы меня принимаете, съ какими намѣреніями?

Иванъ Савичъ перепугался. Онъ забылъ, зачѣмъ пришелъ.

— Извините-съ... — началъ онъ:—я... только пришелъ спросить... вотъ извольте видѣть... мнѣ... того-съ...

— Чѣдъ того-съ? На, Устиныя, курицу... Чѣдъ ты не возьмешь?

— Вѣдь это пѣтушокъ-съ? — робко спросилъ Иванъ Савичъ.

— А вамъ чѣдъ за дѣло? вы почему знаете?

— Я слышала отъ человѣка, что ваша кухарка ошибкой купила пѣтуха... не угодно ли помѣняться на курочку?...

— Какая дерзость! — воскликнула барышня, пожимая плечами:—Боже мой! до чего я дожила за мои грѣхи! За чѣдъ Ты меня такъ караешь? Какъ вы осмѣливатесь говорить мнѣ такія рѣчи? Вы пришли обижать меня? Чѣдъ это такое...

Она начала плакать.

— Позвольте, сударыня,—сказала кухарка:—они за дѣломъ пришли: можетъ, у нихъ, въ самомъ дѣлѣ, куплена курица, — вотъ бы и помѣнились. А почемъ изволили платить?

— Нѣть-съ... позвольте... я объясню вамъ настоящую причину, — сказалъ Иванъ Савичъ. — Я пришелъ спросить... У меня, извольте видѣть, вдругъ запахло дымомъ... Такъ столбомъ иходить по комнатамъ. Я думалъ, не отъ васъ ли...

Барышня и кухарка подняли носы кверху и стали нюхать во всѣ стороны. Съ ними для компаніи нюхалъ и Иванъ Савичъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, пахнетъ! — сказала встревоженная барышня:— ужъ не пожаръ ли? поди-ка, сбѣгай къ верхнимъ жильцамъ.

— Ахъ, мои матушки! такъ глаза и ёсть! Чего доброго: долго ли до грѣха!—сказала Устинья и побѣжала.

— Постой, постой! Чѣд жъ ты нась оставляешь однихъ?— закричала барышня, въ испугѣ.—Чѣд скажутъ? Ахъ, Боже мой! Уйдите!..

— И, матушка! ничего! баринъ хороший,—сказала Устинья и ушла.

— Помилуйте...—началь Иванъ Савичъ.

Онъ не зналъ, что сказать, и стала застегивать сюртукъ; а она перебирала бахрому своего платка.

— Давно здѣсь изволите жить?—спросилъ онъ потомъ.

— Я еще съ покойнымъ папенькой жила здѣсь. Слава Богу! про нась никто не можетъ недобраго слова сказать. Вотъ сегодня въ первый разъ незнакомый мужчина пришелъ безъ позволенія...

— Если бъ я зналъ, какимъ образомъ достигнуть этого драгоцѣннаго позволенія,—началь Иванъ Савичъ, смиренно опустивъ глаза въ землю:—я бы ничего не попыталъ...

— Я почти никого у себя не принимаю,—сухо сказала она:—кромѣ сестры съ мужемъ, крестнаго и его племянниковъ...

— О, я увѣренъ!.. Я пришелъ единственно насчетъ дыму... Но, признаюсь, поговоришь съ вами нѣсколько минутъ... невольно хочешь видѣть васъ чаще...

— У васъ и безъ меня есть знакомство: я видѣла однажды, какъ вы вышли отъ баронессы,—сказала она колко и съ достоинствомъ.

— Баронесса! О! — съ жаромъ началъ Иванъ Савичъ:— я давно съ ней не знакомъ. Если бъ вы знали, какъ я былъ обманутъ наружнымъ блескомъ...

Онъ сталъ ей рассказывать, что съ нимъ случилось. Она презрительно качала головой. Когда онъ хотѣлъ описывать пиръ, она замахала рукой.

— Ради Бога, перестаньте! перестаньте!—закричала она,

обидѣвшись:—что вы? Помните, съ кѣмъ говорите! За кого вы меня принимаете? Я васъ не понимаю...

Иванъ Савичъ замолчалъ.

— Такъ двѣ тысячи рублей и пропали? — спросила она потомъ, съ любопытствомъ.

— Пропали-съ.

— И еще семьсотъ рублей?

— Да-съ... нѣтъ-съ, пятьсотъ рублей только: вѣдь я лошадь продалъ за двѣсти рублей.

— Какая жалость! Какая мерзавка! — сказала она: — какъ терпяты такихъ тварей? И вотъ необходимость принуждается и честную дѣвушку жить подъ одной кровлей съ такой безстыдницей!

Она концомъ платка оттерла глаза.

— Такъ вы больше съ ней не знакомы?

— Нѣтъ-съ. Да если бъ и былъ еще знакомъ, то довольно услышать отъ васъ одно слово, чтобъ прекратить...

— Благодарю васъ за комплименты, — перебила барышня сухо: — только я ихъ никогда не слушаю. Стало-быть, у васъ большое жалованье, — спросила она, помолчавъ: — что вы можете по двѣ тысячи рублей бросать?

— Жалованье? У меня нѣтъ жалованья-съ.

— Какъ нѣтъ?

— Такъ-съ. Мнѣ не даютъ.

— Не даютъ! Какъ же смѣютъ не давать?

— Такъ-съ. Я не получаю.

— Стало-быть, сами не хотите?

— Нѣтъ-съ, я бы пожалуй... да не положено...

— Для чего же вы служите?

— Изъ чести-съ.

— Чѣмъ же вы живете?

— Своимъ доходомъ, — сказалъ онъ.

— А! у васъ есть свои доходы, — примолвила она. — Какъ это пріятно!

Тутъ Устина пришла сверху и сказала, что дыму нигдѣ не оказалось.

Иванъ Савичъ сталъ раскланиваться.

— Извините, что потревожилъ васъ, — сказалъ онъ. — Если бъ я имѣлъ надежду на позволеніе видѣть иногда васъ... я бы почелъ себя счастливымъ...

— Это позволеніе зависить отъ моего крестнаго папеньки, — сказала она: — если имъ угодно будетъ позволить принимать васъ по четвергамъ, когда у меня собираются родные, тогда они дадутъ вамъ знать; а безъ того я не могу... И, притомъ, вы должны обѣщать, что никогда, ни словомъ, ни нескромнымъ взглядомъ, не нарушите приличій... Обо мнѣ, слава Богу, никто не можетъ дурного слова сказать...

— О, клинусь! — сказалъ Иванъ Савичъ и ушелъ.

— Авдѣй! вѣдь верхняя-то жилица недурна, — сказалъ онъ, воротясь къ себѣ: — только немножко толстовата... или не то, что толстота, а у неї, должно-быть, кость широка! Не первой молодости. Какъ ты думаешьъ?

— Не могу знать!

— А какая неприступная! просто медвѣдь.

Прошла недѣля. Отъ крестнаго папеньки не приходило никакого извѣстія. Ивана Савича такъ и подмывало увидѣться съ жилицей. Но какъ?

— Какъ бы это сдѣлать, Авдѣй? — спросилъ онъ.

— Не могу знать... Да позвольте, сударь, — сказалъ онъ, желая угодить барину: — никакъ дымомъ находитъ... — И нюхнуль.

— Э! стара штука! ты выдумай что-нибудь поновѣе. А я выдумалъ. Постой-ка, я пойду, — сказалъ Иванъ Савичъ и отправился вверхъ.

Онъ тихонько отворилъ дверь.

— Кто тамъ? — послышалось изъ комнаты.

Онъ молчаль.

— Кто тамъ?—раздалось громче.

— Это я-сь,—сказалъ онъ тихо.

— Да кто я-сь? разносчикъ, чтò ли? Ахъ! не ништій ли ужъ?

Въ залѣ послышалось движеніе, и барышня выбѣжала въ переднюю.

— Ахъ, это опять вы?—сказала она.

— Я самый-сь.

Она была уже не въ утреннемъ капотѣ и не въ папильоткахъ, какъ въ первый разъ, а въ черномъ шелковомъ платьѣ, со взбитыми локонами. Въ одной руцѣ держала она не пѣтуха, а маленькую собачку, въ другой—книжку. Собачонка такъ и заливалась—лаяла на Ивана Савича.

— Чтò вамъ угодно?—сказала она.—Помилуйте! Молчи, Жужу! Какъ вы со мной поступаете? За кого вы принимаете меня? Молчи же: ты выговорить слова не дашь! Этого еще не бывало, чтобы чужой мужчина осмѣлился... въ другой разъ... а? На что это похоже? Съ этой собачонкой изъ терибнья выйдешь. Средства нѣть никакого!

Она пустила ее въ комнату.

— Я только пришелъ спросить... — началъ Иванъ Савичъ.

— Чтò спросить? Помилуйте! со мной никто такъ не поступалъ...

— Я только хотѣлъ узнать, не колете ли вы здѣсь дровъ...

— Я колю дрова! а! каково это? Вы хотите обижать меня, бѣдную дѣвушку: думаете, что меня некому защитить. Я крестному папенькѣ скажу. Онъ коллежскій совѣтникъ: онъ защититъ меня! Я колю дрова!..

— То-есть не колютъ ли у васъ?—прибавилъ Иванъ Савичъ:—у меня раздается такъ, что стѣны трясутся; того и гляди, штукатурка отвалится... задавить...

— Мнѣ дрова рубить дворникъ въ сараѣ, — отвѣчала

она.—Я плачу ему два рубля въ мѣсяцъ—вотъ что. А это, вѣрно, у сособѣй...

— Ахъ, такъ виноватъ!—сказалъ Иванъ Савичъ, раскланивался, и остановился.—Позвольте спросить, что это за книжечка?—спросилъ онъ нѣжно.

— Это «Поучительныя Размышленія»... Мнѣ папенька крестный на прошлой недѣлѣ въ именины подарилъ.

— А какой святой праздновали на прошедшей недѣлѣ, позвольте спросить?

— Прасковыи, 28 октября. Меня вѣдь зовутъ Прасковьей Михайловной.

— Вотъ вы нравоучительныя книги изволите читать, Прасковья Михайловна, а я такъ все философическія...

— Ужъ хороши эти философическія книги! я знаю! Мнѣ крестный сказывалъ, что философы въ Бога не вѣруютъ. Вотъ пусты вѣстъ себѣ: вонъ вы что читаете!

И она отступила.

Иванъ Савичъ сдѣлалъ шагъ впередъ. Она отступила еще. Онъ за нею—и очутился въ комнатѣ.

— Наконецъ я у васъ...—сказалъ онъ торжественно:—ужели это правда?.. я какъ будто во снѣ...

— Ахъ!—сказала она:—вы ужъ и вошли! Каковы мужчины! Вы, вѣроятно, думаете, что я рада, что хотѣла этого? Не воображайте!

— Помилуйте... осмѣялось ли я? Я только умоляю: не лишите меня счастья...

— Какъ это можно! Ахъ, Господи,—начала она, садясь на диванъ.—Что скажутъ? про меня никто никогда не слыхалъ дурного слова, а тутъ этакой срамъ: чужой мужчина въ другой разъ...

— Скажутъ-сь... что я приходилъ узнать насчетъ дровъ: вѣдь всякий дорожитъ своимъ спокойствіемъ... согласитесь сами, Прасковья Михайловна! — убѣдительно прибавилъ Иванъ Савичъ и сѣлъ.

— Оно, конечно...—начала она:—позвольте узнать, какъ
васъ по имени и отчеству? Ахъ! да вы ужъ и сѣли?

— Меня зовутъ Иванъ Савичъ,—сказалъ онъ.

— Оно, конечно... Иванъ Савичъ! Но посудите сами:
вѣдь я дѣвушка, мнѣ 22 годъ, я дочь честныхъ родителей,
живу одна, и обо мнѣ никто дурного слова не слыхалъ.
Чтѣ могутъ подумать?..

— Такъ-съ, такъ-съ! Боже меня сохрани спорить... но
я человѣкъ смирный, живу тоже одинъ... Почему жъ мнѣ,
какъ сосѣду, не позволить иногда прийти время раздѣлить.
Особенно же теперь наступаетъ зима... вечера
длинные...

— Неужели вы думаете,—сказала она: — что я позволю
вамъ сидѣть у себя по вечерамъ однимъ? Вы ошибаетесь!..
За кого вы меня принимаете? Другое дѣло по четвергамъ,
если крестный позволитъ.

— Чтѣ же вамъ по вечерамъ дѣлать однѣмъ? Все читать
да читать—надоѣсть. Развѣ вы бываете въ театрѣ?

— Очень рѣдко: на Масленицѣ крестный беретъ ложу,
если пьеса, знаете, такая, гдѣ нѣть ничего... Вѣдь нынче
женщинѣ и въ театрѣ, не знамѣи, нельзя пойти... Богъ
знаетъ что представляютъ!..

— Да-съ,—перебилъ Иванъ Савичъ: — это правда: вотъ
я былъ въ тотъ вечеръ, какъ мы кутили у баронессы...

— Ахъ! вы мнѣ опять про этотъ гадкій вечеръ, опять
про баронессу: я и знать, и слышать не хочу... увольте...

— Виноватъ-съ: я хотѣлъ сказать, какую ужасную пьесу
давали: повѣрите ли? я едва высидѣлъ.

— Вы не высидѣли!—сказала Практорья Михайловна:—
можна вамъ повѣрить!

— Увѣряю васъ! Вы не знаете менѧ. Я краснѣю отъ
всякаго нескромнаго слова... Такъ въ этой пьесѣ, говорю,
одинъ объясняется въ любви...

— Ахъ, Боже мой!—закричала Практорья Михайловна,

вскочивъ съ дивана: — чтò вы, чтò вы? Опомнитесь! кому вы говорите?.. Чтò это за ужасъ такая! Вотъ пусти въсъ... всъ мужчины одинаковы. Вы думаете, что я живу одна, такъ меня можно обижать...

— Помилуйтесь—сказалъ онъ: — я? обижать? О, вы меня не знаете: обидѣть женщину не только дѣломъ, даже не скромнымъ словомъ такъ низко, такъ гнусно... что я слова не найду: вотъ мои правила! Повѣрьте, мнѣ всегда возмущаетъ душу, когда я слышу, что какой-нибудь развратный человѣкъ...

— Ахъ, Боже мой, чтò вы? оиять!—закричала Прасковья Михайловна, зажимая уши, такъ, однако, что оставила маленькую лазейку.

— Я хочу сказать, — торопливо прибавилъ Иванъ Савичъ:—когда развратный человѣкъ воспользуется слабостю неопытной дѣвушки! Вотъ мои правила!

— Замолчите! замолчите! о чёмъ вы мнѣ говорите? я и слышать не хочу о вашихъ правилахъ. Вспомните, что я дѣвушка: я не должна понимать, и не понимаю вашихъ словъ.

— Но согласитесь, Прасковья Михайловна, — началь Иванъ Савичъ тономъ убѣжденія: — что если дѣвушка не хочетъ слышать, какого рода опасность угрожаетъ ей добродѣтели, то вѣдь она легко можетъ...

— Ахъ, какой ужасъ вы говорите! Дѣвушка не можетъ подвергнуться опасности, когда не хочетъ даже слышать о ней... а не то, чтобы...

— Что-сь: не то, чтобы?..

— Ну, то-есть... ахъ, да вотъ и крестный! Здравствуйте, крестный!

Въ комнату вошелъ дородный человѣкъ лѣтъ пятидесяти, сѣдой, съ антипскимъ крестомъ па шеѣ.

— А, да у тебя гости? — сказалъ онъ и бокомъ поклонился Ивану Савичу, поглядывая на него исподлобья.

— Это сосѣдъ, чтѣ подо мной живеть, — отвѣчала Праксокья Михайловна.

— Ась?

— Сосѣдъ, Иванъ Савичъ, пришелъ узнать, не колоть ли здѣсь дровъ: онъ желаетъ познакомиться со мной. Я безъ васъ не смѣла, крестный! Кажется, хорошій человѣкъ, — шепнула она.

— Гдѣ изволите служить? — спросилъ крестный.

Иванъ Савичъ сначала замялся, наконецъ, пробормоталъ название своего департамента.

— А! — сказалъ чиновникъ: — у васъ начальникъ отличный человѣкъ! умная голова! и баринъ, настоящій баринъ! Вотъ бы послужить при этакомъ! Да позвольте-ка: никакъ вчера... нѣть, третьяго-дня... или вчера? что это я забылъ! Да, точно вчера: отъ васъ получено къ намъ отношеніе. Кто это писалъ его у васъ? Ну, пройдоха, нечего сказать: этакой крючокъ загнулся! Вотъ, изволите видѣть: по нашему вѣдомству одинъ чиновникъ попалъ подъ судъ. Онъ прежде служилъ у васъ и тамъ былъ подъ слѣдствіемъ. Въ аттестатѣ-то глухо насчетъ этого сказано. Вотъ, мы и обратились къ вамъ съ просьбою о доставленіи ближайшихъ свѣдѣній по сему дѣлу. Ну, и получили же отъ васъ бумагу! Ахъ, Ты, Господи! есть же вѣдь люди — какъ пишутъ! Написанъ листъ кругомъ, а точнѣйшихъ свѣдѣній нѣть никакихъ. Я нарочно списалъ себѣ эту бумагу... фу-ты, какъ славно написана! Дай-ка, Параша, водочки. Не прикажете ли?

— Нѣть-сь, покорно благодарю.

— Ась?

— Покорно благодарю. Я не пью, — сказалъ Иванъ Савичъ.

— А кто у васъ начальникъ отдѣленія? — спросилъ чиновникъ.

— Стуколкинъ, — отвѣчала Иванъ Савичъ.

— Матвѣй Лукичъ! — съ удивленіемъ подхватилъ крестный: — ба-ба-ба! Да неужели ужъ онъ начальникъ отдѣлнія? Давно ли? Скажите, ради Бога! какъ судьба-то иной разъ... Ну, что это такое! Вообрази, Параша: Матвѣй Лукичъ, два года тому назадъ, былъ у насъ столоначальникомъ, и еще не изъ самыхъ бойкихъ, а такъ себѣ! а теперь, а? Да, душенька, я забыль сказать... Петръ Прокофьевичъ звалъ насъ съ тобой на вечеринку. Тамъ потанцуютъ; а у насъ добрый вистикъ составленъ: три начальника отдѣлній; только я одинъ чиновникъ особыхъ порученій попался! А въ четвергъ они у насъ.

— Ахъ, крестный, какъ это весело, какъ весело! — заговорила, прыгая, съ дѣтскою радостью, Прасковья Михайловна, что было ей немного не подъ лѣта.

Но ей хотѣлось пококетничать передъ Иваномъ Савичемъ.

— Вотъ и вы, милостивый государь, пожаловали бы къ намъ въ четвергъ, — сказалъ онъ, обращаясь къ Ивану Савичу: — если вамъ не скучно будетъ.

— Помилуйте! скучно! можно ли?.. за счастье почту...

— Ась?

— Непремѣнно, моль, воспользуюсь, — сказалъ Иванъ Савичъ, раскланиваясь и уходя.

— Авдѣй! кажется, я пожуирую, — говорилъ онъ, возвращаясь домой.

— Не могу знать! — отвѣчалъ Авдѣй.

— Только это, братъ, совсѣмъ не то: тутъ будетъ что-то чистое, возвышенное, такъ сказать, любовь *лаконическая*...

— Э! ну, васъ тутъ, раздуло бы горой! — ворчалъ про себя Авдѣй.

— Какъ же ты съ знатной барыней кончилъ? — спросилъ Вася, когда Иванъ Савичъ рассказалъ ему о новой сосѣдкѣ.

— Чтѣ, братецъ, знатныя барыни! Это утомило меня:

вѣчно приличія, этикетъ, знаешь, всегда на вытяжку... Графы да князья... большой свѣтъ... не хочу! Богъ съ ними! я люблю свободу... такъ и отсталъ.

— Напрасно! — сказалъ Вася: — ты бы могъ познакомить меня; тамъ бы ты много выигралъ... Эхъ, не умѣй: какъ же и выходятъ въ люди?.. Э-э!

— Конечно! — сказалъ Иванъ Савичъ: — оно бы можно было: у ней иногда бываютъ изъ дипломатического корлуса. Вотъ въ послѣдній разъ я ужиналь вмѣстѣ съ секретаремъ посольства... что за здоровякъ такой! вотъ жуиръ-то! звалъ въ Парижъ.

Въ четвергъ, въ восемь часовъ вечера, Иванъ Савичъ явился къ сосѣдкѣ. Тамъ все имѣло видъ торжественнаго собранія. Стеариновая свѣчи, не зажигаемыя по другимъ днямъ и скромно стоящія на столикѣ у зеркала, разливали яркій свѣтъ по комнатѣ. Чехлы съ дивана и четырехъ креселъ были сняты. Въ гостиной, на столикѣ, горѣла красная жестянная лампа и стояли двѣ тарелки съ вареньемъ. Тамъ былъ диванъ, обитый зеленымъ полумериносомъ, и двое такихъ же креселъ. Наружный видъ ихъ манилъ къ спокойствію и нѣтъ. Казалось, какъ опустишься, такъ утонешь тамъ и не встанешь. Кто быстро опускался на диванъ съ этою мыслю, тотъ вскакивалъ еще быстрѣе, думая, что онъ сѣлъ на камень: такъ хорошо сдѣланы были пружины, который торговцы Апраксина двора величаютъ аглицкими. Въ гостиной могло помѣститься счетомъ пять человѣкъ, ни больше, ни меньше. Далѣе была еще комната... Потомъ ширмы, а изъ-за нихъ выглядывалъ уголокъ бѣлой какъ снѣгъ подушки: то было дѣственное ложе Прасковы Михайловны. Она смѣло могла бы написать девизомъ:

Къ моей постели одицкой
Не крался въ темнотѣ ночной...

Въ залѣ крестный папенька Прасковы Михайловны

играль въ одномъ углу въ виѣть съ мужемъ сестры хозяйки и еще двумя чиновниками, которые были съ нимъ очень почитательны. Въ другомъ углу дѣвушка разливала чай. Дамское общество было въ гостиной. На диванѣ сидѣла старшая сестра Прасковы Михайловны, женщина высокаго роста, прямая, какъ вѣха, потомъ хозяйка и еще двѣ какія-то дѣвицы. Около нихъ любезничали два племянника крестнаго папеньки—одинъ студентъ, другой юнкеръ. Дамы сидѣли, мужчины стояли, потому что негдѣ было сѣсть. Играли въ фанты.

— Вы, конечно, съ нами останетесь, съ молодыми людьми? — сказала Прасковья Михайловна Ивану Савичу съ дѣтскою рѣзвостію: — чтѣ вамъ тамъ дѣлать со стариками? Не прикажете ли варенья? Молчи, Жужу! ахъ, скверная собачонка! Вы погладьте ее только одинъ разъ, а тамъ ужъ она привыкнетъ къ вамъ. Вотъ такъ.

— Ахъ! да она кусается! — сказалъ Иванъ Савичъ, отдернувъ руку.

— Нѣтъ-съ, никогда.

— Помилуйте! вотъ, посмотрите, до крови.

— Ахъ, ты, дрянь! вотъ я тебѣ ужо розгу дамъ! — сказала Прасковья Михайловна. — Не угодно ли съ нами въ фанты? Вы будете, хоть... чтѣ бы?... мы играемъ въ туалетъ... всѣ вещи разобраны... ну, будьте гребень.

— Да это я взяла! — пропицала одна маленькая дѣвочка.

— Ты, *ma chère*, гребеночка, а они будутъ частый гребень. Такъ вы частый гребень.

— Очень хорошо-съ, — сказалъ Иванъ Савичъ.

Принесли еще два стула, поставили у дверей и стали играть. При словахъ: *барыня спрашиваетъ весь туалетъ*, всѣ бросились мѣнять мѣста. Ивану Савичу не разъ доставалось бросаться со всего размаху на диванъ съ камнемъ внутри. Онъ быстро вскакивалъ, а другой или другая,

зная хорошо это съдалище, проворно, но осторожно садились на его мѣсто, а онъ оставался.

Иванъ Савичъ познакомился со всѣми. Чиновникамъ онъ рассказалъ про свой образъ жизни, и тѣ не мало завидовали ему.

— Утромъ я встаю въ десятомъ часу, — говорилъ онъ хвастливо: — иногда хожу въ должность, иногда нѣтъ, какъ случится... потомъ-съ часа въ три иду гулять на Невскій проспектъ. Тамъ, знаете, весь *beau monde* гуляетъ тогда, встрѣчаешь множество знакомыхъ, съ тѣмъ слово, съ другимъ два. Зайдешь къ Беранже иностранная газеты прочитать, обѣ испанскихъ дѣлахъ, о французскомъ министерствѣ... Такъ время неизрѣбѣнно и пройдетъ до обѣда.

— А позвольте спросить, кто теперь министромъ у французовъ? — спросилъ крестный.

«Министромъ? А чортъ его знаетъ!» подумалъ Иванъ Савичъ.

— Теперь-съ... — началъ онъ и остановился.

— Ась? — спросилъ крестный.

— Теперь... министерство распущенное, — вдругъ сказалъ Иванъ Савичъ, какъ будто по вдохновенію: — никого нѣтъ.

— Стало-быть, товарищи управляютъ, — примолвилъ тотъ.

— Тамъ вѣдь одно министерство, — сказалъ Иванъ Савичъ.

— Какъ, неужели? И одинъ министръ?

— Нѣтъ-съ, много.

— Много! какая диковинка...

И пошли толки о томъ, какъ это должно быть неудобно.

— Потомъ, — продолжалъ Иванъ Савичъ: — иду обѣдать къ Леграну или къ Дюме. Тутъ соберутся пріятели, покутимъ, вечеръ въ театрѣ: такъ и жуиремъ жизнью...

— Вотъ живутъ-то! э! — сказалъ съ завистью одинъ чиновникъ: — пожилъ бы такъ! а то въ восемь часовъ иди въ должностную да и корни до пяти! Заживо умрешь.

— Чѣдъ должностъ: сухая матерія! — примолвилъ Иванъ Савичъ. — Жизнь коротка, сказалъ одинъ философъ: надо жуировать ею.

Иванъ Савичъ признанъ былъ всѣмъ обществомъ за любезнаго, фешенебельнаго и вообще достойнаго молодого человѣка. Крестный особенно былъ ласковъ съ нимъ.

Иванъ Савичъ благодарилъ его за дозвolenіе бывать у его крестницы по четвергамъ.

— Самъ я не надѣялся получить это позволеніе, — началь Иванъ Савичъ: — Прасковья Михайловна такъ боязливы...

— Ась?

— Прасковья Михайловна такъ боязливы...

— Оно не то, что боязлива, извольте видѣть... — отвѣчалъ крестный: — а того... получила отъ отца фундаментальное воспитаніе. Мать была, правда, баловница — не тѣмъ будь помянута — да умерла рано; а покойный-то отецъ, мой сослуживецъ, ужъ коллежскій совѣтникъ, — вѣтъ онъ былъ строгъ, не любилъ баловать. Онъ ее и пріучилъ къ аккуратности идержанію. Не будь его, смоталась бы, чисто смоталась бы дѣвка. Да онъ, — царство ему небесное — былъ съ правилами человѣкъ и ей внушилъ. А то она...

— Чѣдъ такое? — спросилъ Иванъ Савичъ.

• • • • • • • • • • • •

Послѣ этого вечера Иванъ Савичъ рѣшился придти и не въ четвергъ. Его встрѣтили градомъ упрековъ и въ то же время сняли со стула шаль и ридикюль, чтобы очистить ему мѣсто. Онъ повторялъ эти визиты въ недѣлю разъ, потомъ чаще и чаще. Пріемъ всегда былъ одинаковый. Наконецъ однажды онъ рѣшился приступить къ объясненію. Былъ зимній вечеръ. Все было тихо кругомъ. Кухарка спала у себя въ кухнѣ. Горничная ушла къ сосѣдямъ въ

гости. Сама Прасковья Михайловна сидѣла на диванѣ и шила въ пяльцахъ. Иванъ Савичъ сначала сидѣлъ напротивъ ея, потомъ у него въ головѣ мелькнули какія-то соображенія, и онъ сѣлъ рядомъ съ ней на диванѣ, такъ, что ему былъ виденъ затылокъ и вся спина сосѣдки. Онъ открылъ, что косыночка не доходила вплоть до платья и часть плеча оставалась обнаженою. Онъ ужъ былъ откровененъ съ Прасковьей Михайловной, говорилъ ей о дружбѣ, о любви, — не къ ней, а вообще. Она сначала зажимала уши, кричала, потомъ не зажимала ушей и не кричала, но зато ничего не отвѣчала, такъ что Ивана Савича брало зло. Онъ рѣшился заговорить о любви къ ней. Для этого-то онъ и пересѣлъ рядомъ, чтобы, въ случаѣ неблагосклоннаго приема своихъ объясненій, избѣгнуть грозныхъ взоровъ оскорблennой добродѣтели.

- Прасковья Михайловна! — сказалъ онъ.
- Чего изволите?
- Вы бывали влюблены?
- Чтò вы это? опомнитесь: вѣдь я дѣвушка.
- Такъ чтò же? развѣ дѣвушки не влюбляются?
- Не должны! — сказала она строго: — пока ни за кого не помолвлены.

А сама такъ и сновала иглой, то вверхъ, то внизъ.

- Да вѣдь любовь иногда не ждетъ помолвки.
- Объ этомъ и думать не должно! — сказала она.
- Ну, да неужели вамъ никто не нравился?

Молчаніе.

- Прасковья Михайловна!
- Чего изволите?
- Неужели вы не любили никогда?

Молчаніе.

«Экая дубина!» подумалъ Иванъ Савичъ: «хоть бы что-нибудь... хотя бы плонула. Подожду еще, чтò будетъ?»

- А я думалъ... — началъ онъ: — я надѣялся, что, можетъ-

быть... я удостоюсь... что постоянная моя внимательность будетъ награждена...

— Что это сегодня какъ будто на васъ напло?—сказала она.—Богъ знаетъ, чтò вы говорите! Не пора ли вамъ домой? десятый часъ.

— Зачьмъ мнъ домой, чтò я тамъ стану дѣлать?

— Заниматься науками.

— Нѣтъ-съ, я не уйду, пока не выскажу... всего... я... вы... мы... знаете, Прасковья Михайловна, любовь двухъ душъ есть такая симпатія... это, такъ - сказать, жизненный бальзамъ. Почему бы! скажите, — о, скажите хоть одно слово!

Она молчала.

«Ну, видано ли этакое дерево?» думалъ онъ.

— Вы камень, вы ледъ... почему бы вамъ не раздѣлить съ человѣкомъ счастія? почему не пожуировать? Жизнь коротка, сказалъ одинъ философъ.

— Ахъ! чтò вы?—вскричала она, закрывъ лицо руками.—Боже мой! если бъ увидали...

— О, раздѣлите это чувство, несравненная Прасковья Михайловна!—кричалъ Иванъ Савичъ: — которое бушуетъ въ моей груди... вы не знаете, какъ я страдаю... одна мысль быть подлъ въасъ, жить вѣчно съ вами приводить меня... О! вы не понимаете...

— Не говорите, не говорите! — кричала она, зажимая уши.— Боже мой! чтò вы? Вечеромъ, я одна... Чтò подумають?..

— Но скажите одно слово, одно, дайте отвѣтъ!—говорилъ Иванъ Савичъ: — и я готовъ ждать хоть до утра...

— Я! отвѣтъ! чтобъ я теперь дала отвѣтъ! Вы не щадите моей скромности! Боже мой! Теперь вечеромъ, съ такими объясненіями... Отвѣтъ!.. Нѣтъ, нѣтъ! лучше подождите хоть до завтра... или нѣтъ! въ среду утромъ, въ 12 часовъ, вы получите отвѣтъ...

Иванъ Савичъ пришелъ въ восторгъ.

— Несравненная Прасковья Михайловна! — сказалъ онъ: — какъ благодарить васъ?.. о! счастье! Вотъ что значить жуировать жизню! Это истинное, высокое, такъ — сказать, сладостное...

Онъ не вытерпѣлъ и поцѣловалъ ея руку.

— Ахъ! — воскликнула Прасковья Михайловна, и иголка выпала изъ ея рукъ. — Чѣмъ вы сдѣлали? Вы, вы опозорили меня... Какъ! такъ рано, прежде моего отвѣта! Это ужасно! Приходите въ среду, я васъ жду, а теперь уйдите, уйдите!

Она убѣжала въ спальню и заперлась.

«Въ среду, такъ въ среду», подумалъ Иванъ Савичъ.
«Да чѣмъ жъ она испугалась такъ? не все ли равно, что сегодня, что черезъ три дня...»

На третій день послѣ того Авдѣй доложилъ Ивану Савичу, когда этотъ воротился изъ должности, что дворникъ зачѣмъ-то пришелъ.

— Чѣмъ ты, любезный? — спросилъ Иванъ Савичъ, выйдя въ переднюю.

Дворникъ глупо улыбался, кланялся, держа обѣими руками шапку, но ничего не говорилъ.

— Чѣмъ тебѣ надо?

— Поздравить вашу милость пришелъ.

— Съ чѣмъ? — спросилъ съ удивленіемъ Иванъ Савичъ. Дворникъ опять началъ кланяться, улыбаться.

— Авдѣй! съ чѣмъ это онъ меня поздравляетъ?

— Не могу знать! — отвѣчалъ Авдѣй.

— Съ добрымъ дѣломъ: съ скорымъ вступленіемъ въ законный бракъ, батюшка!

— Чѣмъ?

— Въ законный бракъ...

— Какъ? съ кѣмъ? чѣмъ ты, съ ума, что ли, сошелъ?

— Никакъ нѣтъ, батюшка! слыши, съ верхней нашей жиличкой, Прасковьей Михайловной...

— Какъ!

Иванъ Савичъ осталбенѣль.

— Кто жъ тебѣ сказывалъ? — спросилъ онъ.

— Сосѣдка Прасковыи Михайловны давеча встрѣтила меня. «Чтѣ, говорить, у васъ скоро свадьба?» да и разсказала... слышь, завтра помолвка будетъ... Еще приказчикъ отъ мѣховнника, чтѣ напротивъ насть, сказывалъ: винѣ, сегодня сама Прасковья Михайловна была тамъ. Онѣ давно торговали у нихъ мѣхъ, да все не рѣшались, а тутъ, слышь, сама сказала, что не завтра, такъ послѣ завтра возьметъ: къ свадѣбѣ, говорить, надо, чтобы поспѣло, мясомъ немнога остается. А давеча и сама кухарка говорила, что къ завтрему кулебяку пекутъ: слышь, утромъ помолвка... Да чтѣ грѣха таитъ! приходилъ какой-то баринъ съ крестомъ, спрашивалъ: и какъ вы живете, и все этакое...

Дворникъ поклонился и опять сталъ улыбаться.

— Чай, квартирку-то другую возьмете? — примолвилъ онъ. — У насть скоро очистится вонъ тамъ... выгоняемъ жильца: въ срокъ не платить; славно бы...

— Стой! стой! — закричалъ Иванъ Савичъ и, взявъ дворника за плечи, оборотилъ спиной и вытолкнулъ вонъ.

Потомъ обратился онъ къ Авдѣю.

— А! что ты скажешь, Авдѣй?

— Не могу знать!

— Только и слышинъ отъ тебя: не могу знать! Сдѣлай милость, моги хоть разъ: ну?

— Не могу... — началъ Авдѣй.

Иванъ Савичъ и его, точно такъ же, какъ дворника, вытолкалъ вонъ. Онъ долго ходилъ по комнатамъ взадъ и впередъ и повременамъ къ чему-то прислушивался.

— Да, да, точно, — ворчать онъ: — наверху скребуть поль, чистятъ: такъ! дворникъ не совралъ! Да и вонъ кухарка пронесла огромную чашку муки, множество яицъ: кулеб-

бяка будетъ! Вонъ и сама Прасковья Михайловна... о, коварная змѣя! съ дѣвкой идетъ. Дѣвка несетъ кулекъ: оттуда торчать телячья нога, зелень. Сама несетъ узель съ чѣмъ-то... провизіи множество... Кому это все сѣѣсть? Ясно, что пиръ будетъ. А! такъ вотъ она что затѣваетъ! Она ошиблась... она думала, что я сдѣлалъ ей предложеніе... жениться! То-то она и отложила до послѣ-завтра. Какова! о, змѣя, змѣя! на-ка поди, чтѣ выдумала!

Иванъ Савичъ терялся въ этихъ мысляхъ и часъ отъ часу все болѣе тревожился.

— Что дѣлать? какъ быть? какъ же объяснить ей? Охъ, неловко... Господи помоги!

Онъ билъ себя кулакомъ по лбу, метался во всѣ углы, какъ бы отвратить бурю. Онъ уже принялъ два содовыхъ порошка — не помогло; выпилъ двѣ рюмки мараскину — легче стало; выпилъ еще рюмку — и вдругъ лицо его прояснилось.

— Авдѣй! Авдѣй! — закричалъ онъ: — поди, поди сюда... Знаешь, что?

— Не могу знать!

— Фу ты, Боже мой! да какъ ты не догадался, что надо дѣлать? неужели не догадываешься?

— Не могу... началь Авдѣй.

Иванъ Савичъ махнулъ рукой.

— Слушай! — сказалъ онъ. — Такъ отказываться неловко. Понимаешь? Пойти да объясниться, что я, дескать, не оженитьбѣ говориль, а такъ только, не годится. Выдѣть исторія... И тутъ она захныкала, что я опозорилъ ее: поцѣловалъ руку. Великая важность! Такъ мы, знаешь что? неужели не догадался?

— Не могу знать!

— Мы сѣѣдемъ на другую квартиру.

Авдѣй встрепенулся.

— Помилуйте, — началъ онъ: — Господи, Создатель! этакую

квартиру оставлять! удобство всякое: и сарай особый, и ледничекъ отъ хозяина даютъ. Воля ваша, пожалуйте мнъ расчтеть...

— А! тебѣ хочется, чтобъ я въ исторію попалъ! лѣнъ постараться вывестъ изъ бѣды!

— Помилуйте...

— Нѣть тебѣ денегъ, пока не отыщешь квартиры.

— Да гдѣ ей найдешь?

— Гдѣ хочешь. Видишь, житъя нѣть: притѣсняютъ. Ищи! завтра же утромъ, чтобъ насть не было здѣсь. И подальше, въ другой конецъ, въ Коломну.

— Да хоть денька три подождите.

— Денька три! чтобъ насть насильно женили! Слышишь, мѣхъ покупаютъ, кулебяку пекутъ, долбня ты этакая! Сѣѣдемъ, пока не купленъ мѣхъ, а купятъ, тогда не отважемся... Да постой: мнѣ Бурминъ говорилъ, что у нихъ въ домѣ есть квартира. Сходи сейчасъ же и, если не занята, завтра же утромъ и переѣзжай.

— Знаю, сударь, я эту квартиру: ледника-то нѣть...

Иванъ Савичъ махнулъ рукой и пошелъ прочь.

Утромъ Авдѣй доложилъ, что та квартира не занята. Иванъ Савичъ опять велѣлъ ему переѣзжать, а самъ уѣхалъ, сказавъ, что онъ будетъ къ вечеру прямо на новую квартиру. На крыльцѣ онъ стомкнулся съ крестнымъ папенъкой. Крестный былъ въ бѣломъ галстукѣ, въ бѣломъ жилетѣ... Онъ остановилъ Ивана Савича.

— Крестница сообщила мнѣ радостное извѣстіе о вашемъ предложеніи и просила моего посредства, — сказалъ онъ. — Сегодня она повѣстила родныхъ: васть ожидаютъ. Священникъ благословить. Я искренно радъ: по собраніи ближайшихъ свѣдѣній о васть, они оказываются удовлетворительными, и я, не находя никакого съ своей стороны препятствія, честь имѣю... поздравить... а она... будетъ послушной женой. Отецъ ей не оставилъ богатства, но даль,

что называется, фундаментальное воспитание и внушить правила...

- Извините...—сказалъ Иванъ Савичъ.
- Ась?
- Извините... я спѣшу...
- Извѣстное дѣло: случай такой. Много хлопотъ... Мое почтеніе.

Иванъ Савичъ бѣжалъ безъ оглядки.

Опять Авдѣй нагрузилъ три воза и нагрузился самъ ве-щами своего барина и побрелъ съ лѣстницы. Вверху ду-мали, что Иванъ Савичъ затѣваетъ перемѣну мебели въ своей квартирѣ, по случаю предстоящей свадьбы, и были покойны. Но когда Авдѣй понесъ съ лѣстницы часы, под-свѣчники и прочее, тамъ стали подозрѣвать что-то недобroe.

Крестный папенька Прасковыи Михайловны, сестра ея и всѣ остальные гурьбой вышли на лѣстницу и окружили Авдѣя.

- Гдѣ же баринъ?—спрашивали они.
- Не могу знать!—отвѣчалъ Авдѣй.
- Скоро ли онъ воротится?
- Не могу знать!
- Будетъ ли къ намъ?
- Не могу знать!
- Будетъ ли на помолвку?
- Не могу знать!
- Женится ли онъ? слышно ли? говорилъ ли кому-ни-будь?
- Не могу знать!
- Не для свадьбы ли онъ нанялъ новую квартиру?
- Не могу знать! не могу знать! не могу знать!—закри-чалъ Авдѣй, вырвался изъ круга вопросателей и опрометью бросился со двора, отдавъ дворнику ключъ.

Всѣ остались на лѣстницѣ съ разинутыми ртами, глядя ему вслѣдъ.

— Чѣдѣ же это такое?—сказала Прасковья Михайловна.

Когда дворникъ разсказалъ, какъ Иванъ Савичъ принялъ его поздравленіе, Прасковья Михайловна упала въ обморокъ.

— Чѣдѣ теперь скажутъ про меня?—промолвила она, очнувшись.—Крестный! заступитесь за меня: я умру.

— А вотъ мы отношеніемъ обратимся къ его начальству,—сказалъ негодующій крестный.—Да нѣтъ,—прибавилъ онъ потомъ горестно:—вывернутся, ей-Богу, вывернутся: опять такую же бумагу напишутъ съ крючкомъ. Есть же тамъ этакой! Онъ докажетъ про Ивана Савича, что такого лица и на свѣтѣ нѣтъ. Это ему плевое дѣло. Ахъ, какъ пишетъ!.. Чѣдѣ же, милости просимъ: не иронадать же кулеякѣ!

И сѣли за столъ.